

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В АЛТАЙСКОМ КРАЕ
1937–1938 гг.**

Реализация приказа НКВД № 00447

Барнаул 2014

ББК 63.3(253.37)6-361
Б 799

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: механизм реализации, региональная специфика», № 14–11–22004а(р), региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2014 – Алтайский край.

Ответственный редактор В.Н. Разгон

Б 799 Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447: Коллективная монография / Н.Н. Аблажей, И.А. Гридунова, Г.Д. Жданова, А.А. Колесников, Н.В. Куденко, В.Н. Разгон, А.И. Савин, А.Г. Тепляков, М. Юнге, Е.Р. Юсупова. Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 255 с.
ISBN 978-5-93957-782-3

В монографии освещается история проведения в Алтайском крае массовой операции на основе приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., являвшейся ключевой репрессивной акцией периода Большого террора. Устанавливается статистика жертв репрессий, роль органов НКВД и прокуратуры в реализации приказа. Основное внимание уделяется выявлению специфики репрессивных мер в отношении различных целевых групп приказа № 00447: бывших кулаков, участников крестьянских восстаний, священнослужителей и религиозных активистов, уголовников. На основе микроисторического подхода определяется нацеленность репрессий на укрепление колхозного строя.

ISBN 978-5-93957-782-3

© Н.Н. Аблажей, И.А. Гридунова,
Г.Д. Жданова, А.А. Колесников,
Н.В. Куденко, В.Н. Разгон,
А.И. Савин, А.Г. Тепляков,
М. Юнге, Е.Р. Юсупова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1 МАССОВАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД ПО ПРИКАЗУ № 00447 В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАТИСТИКА РЕПРЕССИЙ	13
<i>Н.Н. Аблажей</i> «РОВСОВСКАЯ» ОПЕРАЦИЯ: ДИНАМИКА РЕПРЕССИЙ	13
<i>Г.Д. Жданова</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИКАЗА № 00447: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	29
Раздел 2 РОЛЬ ОРГАНОВ НКВД И ПРОКУРАТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ПРИКАЗУ № 00447.....	57
<i>А.Г. Тепляков</i> ЧЕКИСТЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В «КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ»	57
<i>И.А. Гридунова</i> УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ В РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ 1939–1941 гг.	87
Раздел 3 ЖЕРТВЫ ТЕРРОРА: БЫВШИЕ «КУЛАКИ» И УЧАСТНИКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ	102
<i>В.Н. Разгон</i> БЫВШИЕ «КУЛАКИ» КАК ГЛАВНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ НКВД ПО ПРИКАЗУ № 00447 .	102
<i>Е.Р. Юсупова</i> РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ	126
Раздел 4 «НАДО БЫ ПОПРИЖАТЬ ГОСПОД ЦЕРКОВНИКОВ...» РЕЛИГИОЗНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ И АКТИВИСТЫ КАК ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА ПРИКАЗА № 00447	144
<i>А.А. Колесников</i> ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	144

<i>А.И. Савин</i> ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВЕРУЮЩИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА РЕПРЕССИЙ	164
Раздел 5	202
<i>Н.В. Куденко</i> «ДЕКЛАССИРОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЧИСТКИ В ПЕРИОД БОЛЬШОГО ТЕРРОРА ..	202
Раздел 6	230
<i>В.Н. Разгон, М. Юнге, Г.Д. Жданова</i> МИКРОИСТОРИЯ ТЕРРОРА: СОЛТОНСКИЙ РАЙОН АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1937–1938 гг.....	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	249
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	254

ВВЕДЕНИЕ

Интерес, проявляемый исследователями к феномену «Большого террора» (как вслед за Р. Конвестом историки называют массовые репрессии в СССР в 1937–1938 гг.), связан с актуализацией в современной историографии изучения политического насилия как одного из важнейших инструментов социалистической модернизации сталинского образца, проводившейся в СССР в 1930-е годы¹.

При этом если приверженцы теории «тоталитаризма» характеризуют террор 1937–1938 гг. как репрессивную кампанию, проводившуюся «сверху», которая инициировалась центральным руководством страны и реализовалась в точном соответствии с его установками, то «ревизионисты» (такое название закрепилось в историографии за оппонентами сторонников теории «тоталитаризма») акцентируют внимание на исследовании инициативы снизу», проявляемой местными советскими элитами и самим населением. При этом обращается внимание на особую роль, которую сыграло в развязывании массового террора сибирское советско-партийное руководство во главе с секретарем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. По инициативе Р. И. Эйхе и начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова еще до принятия приказа НКВД № 00047 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» – основного директивного репрессивного акта периода Большого террора – в Западно-Сибирском крае была создана «тройка», предназначенная для вынесения приговоров членам организации РОВС, «вскрытой» органами НКВД в Сибири, которая стала аналогом для формирования репрессивного механизма в ходе реализации приказа № 00447.

В рамках обозначенных основных подходов к интерпретации массовых репрессий 1937–1938 гг. ведутся многочисленные дискуссии, одним из предметов которых является вопрос о том, имел ли он характер вышедшего из-под контроля слепого террора, (приверженцы такого подхода пишут о «безудержном», «необузданном», «произвольном» терроре, характеризуют Большой террор как

¹ Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 461–463; Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.

«стрельбу в толпу» (Дж. Гетти²), «гигантскую рулетку», «вакханалию» (М. Щербакова³), либо репрессии 1937–1938 гг., как считают большинство исследователей, носили целенаправленный характер, т.е. имели целью изоляцию и уничтожение определенных групп населения – «социально чуждых» и «социально-вредных элементов»: представителей бывших эксплуататорских классов, остатков кулачества, бывших членов небольшевистских партий и внутрипартийных оппозиционеров, церковников, уголовников. Именно эти социальные элементы указаны в числе целевых контингентов, подлежащих социальной изоляции или уничтожению в секретном приказе НКВД № 00447⁴.

Наибольшие споры вызывает вопрос о побудительных мотивах Большого террора – целях, которые преследовало сталинское руководство, развертывая широкомасштабную репрессивную кампанию. Часть исследователей (О. Хлевнюк, Д. Ширер и другие)⁵ исходят из того, что террор имел целью провести массовую чистку в тех группах населения, которые рассматривались властью как база для формирования «пятой колонны» в случае возможной войны со странами империалистического окружения. В рамках более генерализирующего подхода масштабная социальная чистка, проведенная в годы Большого террора, квалифицируется как заключительный этап реализации планов социальной инженерии, обеспечения условий для построения классово однородного социалистического общества сталинского образца посредством очищения его от «социально чуждых элементов»⁶. Еще часть историков (А. Гетти, Ю.Н. Жуков и др.) усматривают причинно-следственную зависимость между проведением репрессивной операции по приказу № 00447 и обеспечением необходимых результатов предстоявших

² Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 135.

³ Щербакова И. 1937 год и современность // Тезисы «Мемориала». 2007. 30 октября. № 74. С. 6–11.

⁴ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 84–93.

⁵ Подробнее см: Карпачев С.А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре» // *Российская история*. 2009. № 1. С. 208.

⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М., 2003. С. 244–245.

в декабре 1937 г. выборов в Верховный совет СССР⁷. Некоторые авторы акцентируют внимание на социально-экономических причинах массовых репрессий, ставших реакцией власти на огромное количество проблем, вызванных форсированной индустриализацией и принудительной коллективизацией⁸.

В рамках подхода к изучению Большого террора как рационально спланированной и бюрократически осуществляемой акции актуализируются проблемы, связанные с изучением роли структур НКВД в проведении репрессивных акций 1937–1938 гг.⁹, формирования и функционирования системы ГУЛАГа¹⁰.

В результате реализации международного научного проекта «Сталинизм в советской провинции» существенно продвинулось изучение истории репрессий в регионах СССР¹¹, в том числе опубликован сборник документов по реализации приказа № 00447 в Алтайском крае¹². Для конкретизации представлений о механизме массовых репрессий исследователи используют и возможности микроисторического подхода к их изучению¹³. Локальный и мик-

⁷ Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 116, 118; Жуков Ю.Н. Репрессии и конституция СССР 1936 года // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 3–26.

⁸ Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956). Кемерово, 2009; Разгон В.Н. Политическое насилие как фактор модернизационных преобразований в деревне в 1930-е годы (на материалах Алтая) // *Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX– начале XX в.* Вып. 3. Томск, 2011. С. 164–170.

⁹ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992; Наусов Л. Сталин и НКВД. М., 2007; Тепляков А.Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

¹⁰ Папков С.А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929–1941 гг. // *Возвращение памяти. Историко-архивный альманах*. Вып. 3. Новосибирск, 1997. С. 37–67; Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006; История сталинского Гулага. Т. 1–7. М., 2004–2005; Бородин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О.В. ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2005.

¹¹ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

¹² «Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010.

¹³ Маннинг Р. Бельский район. 1937. Смоленск, 1998; Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004; Виноградова Е.Ю. «Кулацкая опера-

роисторический подходы к исследованию истории сталинских репрессий позволяют более детально рассмотреть репрессии против отдельных категорий населения и социальных групп, определить механизмы отбора жертв репрессий, характер взаимодействия органов НКВД, партийных структур и сельского актива в проведении репрессивной политики¹⁴.

Предпринятые историками усилия по исследованию массовых репрессивных операций (на основе приказа НКВД № 000447 и национальных¹⁵) позволили преодолеть характерное для предыдущего этапа развития историографии представление о том, что жертвами террора 1937–1938 гг. были преимущественно представители тех или иных групп советской элиты. Современные исследования с неопровержимостью доказывают, что жертвы террора рекрутировались в основном из массы рядового населения страны. В этой связи невозможно переоценить значение, которое имеет для формирования памяти о жертвах политических репрессий, «десталинизации» общественного сознания, осуществленное в целом ряде регионов издание книг памяти жертв политических репрессий¹⁶.

ция» в Вышневолоцком и Фировском районах Калининской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 889–918; и др.

¹⁴ Иванов В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советском Союзе в конце 20-х–40-х гг. На материалах Северо-Запада РСФСР. СПб., 1997; Самосудов В.Н. Большой террор в Омском Прииртышье. Омск, 1998; «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1937 гг. Пермь, 2006; Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири (конец 1919–1941 гг.). Томск, 2012; и др.

¹⁵ Белковец Л.П. Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х гг. – 1930-е годы). М., 1995; Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД, 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

¹⁶ Бутовский полигон, 1937–1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1–6. М., 1997–2002; Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 1–12. СПб., 1995–2012; Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 1–5. Ярославль, 1993–1998; Книга памяти жертв политических репрессий: Ульяновская об-

Толчок к Большому террору был дан приказом наркома НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., в соответствии с которым местным органам НКВД предписывалось начать операцию по репрессированию бывших кулаков, уголовников, и других «антисоветских элементов»: бывших членов небольшевистских политических партий, противников большевиков в Гражданской войне, участников крестьянских восстаний, бывших должностных лиц царской администрации, церковников. Все репрессируемые в рамках приказа подразделялись на две категории: отнесенных к первой категории («наиболее враждебные» из представителей перечисленных выше контингентов») предписывалось подвергнуть высшей мере наказания (расстрелу), а включенных во вторую категорию – лагерному заключению на срок от 8 до 10 лет. Устанавливалась разрядка на арест для всех регионов страны (лимиты), для ускорения хода репрессивной операции и предусматривалось вынесение приговоров не судами, а специально создаваемыми для этих целей внесудебными органами – тройками.

В целом по стране в рамках этой массовой операции было репрессировано 767397 чел., из которых почти половина приговорены тройками к расстрелу, а остальные – к длительным срокам лагерного заключения¹⁷. По числу жертв данная операция превосходит все взятые в совокупности национальные операции (в ходе этих операций, также относимых к категории так называемых массовых операций (термин рожден в недрах НКВД), было репрессировано около 350 тыс. чел.¹⁸, представлявших некоторые иностранные для СССР национальности – немцы, поляки, греки, финны, латыши и др.).

В публикуемой монографии рассматривается процесс реализации приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. в Алтайском крае. Проведение репрессивной операции здесь имело свои особенности, обусловленные спецификой экономического развития, социального

ласть. Т. 1–2. Ульяновск, 1996–2001; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1–7. Барнаул, 1997–2005; Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 1–11. Омск, 1997–2004; и др.

¹⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 598.

¹⁸ Кропачев С.А. Новейшая историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 168.

и национального состава населения края, являвшегося крупным аграрным регионом и центром массовых крестьянских миграций.

Алтайский край относится к тем немногочисленным регионам, где архивно-следственные дела на жертв сталинских репрессий переданы из архива бывшего КГБ на государственное хранение – в созданный при Государственном архиве Алтайского края отдел спецдокументации, что расширяет возможности исследователей в изучении репрессивной политики, проводимом на основе материалов, отражающих историю репрессий в Алтайском крае.

В рамках проведенного коллективом автором исследования раскрывается механизм реализации операции, динамика репрессий и специфика репрессивных мер, применявшихся на разных этапах операции, определяется характер взаимосвязи между репрессивной операцией, проводившейся на основе приказа № 00447, и операцией по «делу РОВСа», начавшейся в Западной Сибири еще до введения в действие приказа № 00447.

Основное внимание авторами уделяется выяснению специфики репрессий в отношении различных целевых групп приказа № 00447 и, в первую очередь, «бывших кулаков», являвшихся наиболее массовой целевой группой репрессий в аграрных районах страны. Прошлое Алтая как одного из районов массовых крестьянских восстаний в период военного коммунизма обусловило большую «жатву», который собрал приказ в преследовании бывших участников крестьянских восстаний.

В отдельном разделе работы рассматриваются репрессии против такой целевой группы приказа как «церковники» и «сектантские активисты»¹⁹. В Алтайском крае они были представлены не только священнослужителями и активистами православных религиозных общин, но и, в силу специфики состава населения региона, евангельскими верующими.

Оцениваются масштабы и специфика осуждения такой целевой группы приказа № 00447 как уголовники с тем, чтобы определить какое место среди целей репрессивной политики занимало подавление социальной девиации.

Одна из исследовательских задач состоит в том, чтобы определить роль, которую сыграли карательные органы – НКВД и проку-

¹⁹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. С. 86.

ратура – в организации и проведении массовой операции по приказу № 00447, оценить степень «технологичности» проводимой массовой операции, проявлявшейся в установлении разрядок (лимитов) для каждого региона, а внутри их – в рамках созданных для проведения операции оперсекторов, в упрощении процедур следствия и вынесения приговоров внесудебными органами – тройками, в мобилизации партийных структур и общественного актива. Предполагается также установить роль, которую сыграла прокуратура в реализации мер по свертыванию массового террора, в проведении бериевской реабилитации и возвращении органов НКВД в рамки ранее существовавших полномочий.

В результате исследования предстоит выявить механизм отбора жертв репрессий, в том числе выяснить, определялся ли этот отбор только их социальным происхождением (из «социально чуждых» групп населения), или свою роль играл актуальный социальный статус и индивидуальное поведение репрессированных на момент проведения репрессивной операции 1937–1938 гг. (социальная девиация, плохое отношение к труду в колхозах и на промышленных предприятиях, идеологическая нелояльность и критика авторитетов и пр.). В связи с этим необходимо оценить роль репрессивной политики в укреплении колхозного строя.

Необходимо установить, каким образом использовалась ситуация разрастания репрессий местным советско-партийным и колхозным руководством для решения своих задач и укрепления власти над населением, а также выяснить, чем обуславливалась и какое значение имела инициатива самого населения (доносительство) в эскалации террора.

При написании монографии авторами использовались материалы центральных (ГА РФ, РГАСПИ) и региональных (Алтайского края и Новосибирской области) архивов, а также документы ведомственных архивов ФСБ и МВД, архива НИПЦ «Мемориал», опубликованные документы. Важнейшее место среди используемых архивных источников занимают протоколы троек и следственные дела репрессированных. Для реализации исследовательских задач использовались также материалы нескольких баз данных, сформированных на основе информации, содержащейся в протоколах троек и следственных делах: «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК); «Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР» (сост. Г.Д. Жданова);

«Участники Сорокинского восстания, осужденные тройкой УНКВД по АК» (сост. Е.Р. Юсупова), «Осуждение милицейской тройкой Алтайского края, 1937–1938 гг.» (сост. Н.В. Куденко).

В.Н. Разгон

Раздел 1

МАССОВАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД ПО ПРИКАЗУ № 00447 В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАТИСТИКА РЕПРЕССИЙ

Н.Н. Аблажей

«РОВСОВСКАЯ» ОПЕРАЦИЯ: ДИНАМИКА РЕПРЕССИЙ

Прологом и одновременно началом Большого террора в Сибири стала массовая репрессивная кампания, известная как «операция РОВС». Дело о широкомасштабном заговоре в Сибири было сфабриковано органами УНКВД Западно-Сибирского края (ЗСК), которое поторопилось «застолбить» перед Москвой приоритет в репрессиях, оформив соответствующие предложения запиской начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова на имя Наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова¹. Инициатива по проведению в сибирском регионе широкой карательной операции была одобрена Центром. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 г. в связи со «вскрытием контрреволюционного повстанческого подполья» в Новосибирске была создана внесудебная инстанция – тройка УНКВД по Запсибкраю, на которую возлагалась задача внесудебного преследования всех лиц, арестованных в рамках данной акции². Таким образом, учреждение (точнее, возрождение) внесудебных троек НКВД в Сибири началось еще до официального развертывания по всей территории страны основной карательной кампании.

Официально начало этой кампании, с которой начинается отсчет массового террора в СССР, связано с выходом приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., утвержденного к исполнению Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г. Документ определял контингент, подлежащий репрессиям: бывшие кулаки и члены социа-

¹ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири» от 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 5. Кн.1. М., 2004. С. 256–257.

² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10210. Л. 111.

листических партий, духовенство, бывшие военнослужащие белых армий, а также ранее судимый уголовный элемент. В отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях и трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал состав «троек», выносящих приговоры (начальник УНКВД, секретарь обкома, прокурор области). Согласно приказу, «кулацкая» составляющая кампании должна была продлиться четыре месяца, за это время планировалось осудить на расстрел почти 76 тыс. чел., к заключению в лагерь – 193 тыс. чел. Понятно, что такой объем репрессий могли обеспечить только внесудебные органы, работающие в ускоренном порядке. Сроки операции неоднократно продлевались и репрессии в различных районах СССР растянулись до ноября 1938 г.

В Западной Сибири массовые репрессии в рамках данного приказа начались с 5 августа 1937 г. и продолжались вплоть до середины марта 1938 г. При этом, наряду с проведением самой массовой репрессивной кампании периода Большого террора – «кулацкой», одновременно осуществлялась еще одна массовая операция – «ровсовская». Проведение одновременно двух операций существенно осложняет изучение механизма массовых репрессий в Сибири. Анализ делопроизводства НКВД в рамках реализации приказа № 00447 и массива архивно-следственных дел для лиц, осужденных по обеим операциям, наглядно свидетельствует о том, что «ровсовская» и «кулацкая» операции являлись составными частями репрессивной кампании, осуществленной в рамках реализации вышеназванного оперативного приказа. Их объединяет время проведения, сходство контингента репрессированных и методов судопроизводства; отличия касаются лишь уровня обозначенных Центром полномочий регионов. Если для «кулацкой» операции основным сдерживающим фактором был оговоренный центром лимит репрессированных, то в «деле РОВС» его не было, что позволило региональным карательным органам максимально раскрутить механизм репрессий. Поэтому представляется вполне правомерным изучение «ровсовской» операции как самостоятельной репрессивной акции регионального масштаба и составной части большой репрессивной кампании, проводившейся по приказу НКВД № 00447 на территории всей страны. При этом, однако, необходимо отме-

тить, что «ровсовская» операция, проведенная преимущественно в Западной Сибири, затронула также Урал, Центральную и Восточную Сибирь, Дальний Восток и Украину. Но в вышеуказанных регионах, в отличие от Западносибирского края, подвергшийся репрессиям контингент вошел в лимиты, определенные для регионов приказом № 00447.

В Западной Сибири «ровсовская» операция представляла собой совокупность мероприятий по ликвидации «кадетско-монархических», «эсеро-монархических» и «эсеро-ровсовских» организаций. Широкомасштабным арестам в рамках «ровсовской» операции предшествовало дело «кадетско-монархической» организации «Союз спасения России», якобы созданной по заданию крупнейшей белоэмигрантской организации – Российского общевоинского союза (РОВС), и эсеровского «Сиббюро ПСР». По версии УНКВД по Западно-Сибирскому краю, отношения «Союза спасения России» и «Сиббюро ПСР» приобрели блоковый характер начиная с 1935 г., а работа координировалась из-за границы белоэмигрантами. Филиалы организаций были «обнаружены» в Новосибирске, Томске, Бийске и Нарыме. Главным пунктом обвинения было то, что единый «сибирский эсеро-монархический штаб» якобы готовил вооруженное восстание в СССР и захват власти.

Первые аресты по делу «Сиббюро ПСР» карательные органы произвели еще в октябре–ноябре 1936 г.; начало репрессий в отношении членов «Союза спасения России» относится к середине июня 1937 г. Количество арестованных составило в Западной Сибири 382 чел., к ним добавилось еще 1 317 чел., прошедших по агентурным и следственным материалам³. Формат и сценарий ликвидации «широкомасштабной разветвленной сети РОВС в ЗСК» был разработан руководством УНКВД ЗСК. По версии сибирских чекистов, РОВС в Сибири представлял собой сетевую организацию, представленную штабами, региональными филиалами, повстанческими группами и боевыми дружинами. Региональные филиалы действовали под руководством краевого штаба и распространяли его указания на подчиненные им организации в городах и районах. Каждый повстанческий округ имел свой штаб и войско-

³ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири» от 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 256–257 (со ссылкой на ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 26. Л. 1–3).

вые соединения. Низовую сеть РОВС представляли диверсионно-повстанческие группы, офицерские организации и боевые дружины. Подобная структура позволяла «вскрывать» «эсеро-ровсовский заговор» не только на территориях крестьянской ссылки и в районах компактного проживания казачества, но практически повсеместно, т.е. вся Западная Сибирь оказывалась единой зоной повстанчества. Репрессиям подверглись в первую очередь бывшие военнослужащие царской и белых армий, а также кулаки-спецпереселенцы. С учетом Нарыма, как основного места крестьянской ссылки в стране, а также районов компактного проживания казачества (территорий Сибирского казачьего войска), планировалось провести операцию в массовом масштабе. По мнению руководства УНКВД ЗСК, начальный период операции вполне можно было «обеспечить» за счет 5 350 «бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей»⁴, которые находились в регионе в административной ссылке. «Низовку» РОВСа можно было первоначально формировать за счет крестьян-спецпереселенцев. Даже эти первые (контрольные) цифры весьма красноречиво говорили о масштабах будущих репрессий.

Первые 157 «ровсовцев» были осуждены уже на первом заседании тройки ЗСК 9 июля 1937 г. В течение месяца их число достигло 980 чел.⁵ Показатели были обеспечены преимущественно за счет Барнаульского, Бийского, Томского и Нарымского оперсекторов. На каждый окружной и районный оперсектор НКВД ЗСК с конца июня 1937 г. была возложена задача сформировать за июль–август «ровсовский» контингент, основываясь как на едином сценарии, так и на агентурных предразработках⁶. По свидетельствам самих региональных сотрудников НКВД, «ровсовскую сеть» формировали спешно, из мелких локальных групп, искусственно увязываемых в единую структуру⁷. Руководителями региональных филиалов, групп и дружин обычно назывались наиболее колоритные фигуры из числа «бывших», либо деятели, «видные в прошлом по

⁴ Там же.

⁵ Папков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 747.

⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7069. Л. 97.

⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8870. Л. 115; Д. 7069. Л. 100.

своему военному званию или контрреволюционной деятельности»⁸. Массовые аресты в регионе начались с середины июля.

Алтай стал одной из первых площадок для развертывания широкомасштабной операции в «ровсовском» формате. В середине июля в Барнаул на помощь Барнаульскому горотделу НКВД во главе с К.С. Жуковым прибыла бригада из четырех сотрудников краевого УНКВД во главе с начальником секретно-политического отдела (СПО) С.П. Поповым. По распоряжению С.П. Попова следствие по делу РОВС в оперсекторе была поручено сотруднику СПО краевого УНКВД С.В. Толмачеву, еще год назад работавшего в аналогичном отделе в Барнауле. Немаловажен тот факт, что за июль Барнаул дважды посетил также начальник УНКВД ЗСК С.Н. Миронов. Именно прямое вмешательство и контроль краевого руководства за ходом операции на начальном этапе обеспечили ей «формально логичный» сценарий и массовость.

Напомним, что краевой штаб сибирского РОВСа, по версии НКВД, составили Н.А. Эскин, Михайлов, А.И. Шереметьев, Долгоруков и Ефанов, руководившие отдельными повстанческими регионами. Главным фигурантом стал генерал Н.А. Эскин, арестованный еще в конце апреля 1937 г., которому инкриминировалось создание одновременно по заданию РОВС «монархической организации», а по заданию Сибирского бюро партии эсеров – «эсеровской организации»; в итоге речь шла о «повстанческой дивизии» из числа спецпереселенцев в Нарыме и «повстанческих отрядов» в Кузбассе⁹. После некоторых колебаний оперативников между фигурами Шереметьева и Ефанова, Алтай «достался» полковнику А.И. Шереметьеву, проходившему в материалах дела как генерал. За счет массовых арестов, проведенных в Барнауле 19–21 июля преимущественно среди бывших военнослужащих, Барнаульский оперсектор смог отрапортовать о наличии «костяка» барнаульского РОВС, включив в него А.И. Шереметьева (арестован 16 июня 1937 г., содержался в Новосибирске), А.И. Шапошникова, В.Я. Бирюкова, Е.В. Бекаревича, А.М. Велижанина, М.В. Догаева и В.П. Войнич-Сяноженского, представленных в деле как «высший

⁸ ОВД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7069. Л. 100.

⁹ Папков С.А., Симонов Д.Г. Генерал Эскин – герой Отечества и «враг народа» // Книга памяти политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Новосибирск, 2008. С. 575 (со ссылкой на: Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 4784).

офицерский состав»¹⁰. Согласно обвинительному заключению от 20 августа 1937 г., подписанному К.С. Жуковым, данной группе инкриминировалось «создание повстанческого штаба в Барнауле, который развернул на территории бывшей Алтайской губернии контрреволюционную работу и вербовку всех контрреволюционных элементов, осевших в районе близ г. Барнаула»¹¹. За счет того, что в деле фигурировала широкая сеть вербовщиков, была обеспечена массовость «повстанчества». Главные фигуранты по этому делу А.И. Шереметьев, А.П. Велижанин, В.Я. Бирюков, Е.Е. Бекаревич и А.И. Шапошников были осуждены по статьям 58 (пункты 2 и 11) УК РСФСР к высшей мере наказания решением тройки ЗСК от 22 августа 1937 г. При этом часть лиц, проходивших по делу как свидетели, были расстреляны уже в начале августа 1937 г.¹² В.П. Войнич-Сяноженский был осужден тройкой ЗСК 7 октября 1937 г. и расстрелян через 5 дней¹³. Основная масса «ровсовцев», арестованных в первой волне (19–21 июля), прошли через тройку ЗСК в 20-х числах августа и в начале сентября¹⁴. С июля к операции по ликвидации «ячеек РОВС» подключился и Бийский оперсектор. Массовые аресты казаков прошли в Чарышском, Змеиногородском и Быстро-Истокском районах в конце июля – августе. Главным фигурантом из числа алтайских казаков был назван есаул А.Н. Грязнов, якобы руководивший организацией в 1 100 чел.¹⁵ Еще одной «зоной повстанчества» на Алтае стали восточная часть Барнаульского и северная часть Бийского уездов, с эпицентром в Сорокинском районе, т.е. территория, которая в 1921 г. была одним из очагов крестьянского восстания. «Офицеры, каратели, белобандиты» и бывшие кулаки стали целевым доминирующим объектом террора.

¹⁰ Свидетельства о массовых случаях подтасовок воинских званий по «ровсовской» операции имеются в показаниях К.С. Жукова, свидетельства которого наиболее полно раскрывают механизм фальсификаций «дела РОВС» на Алтае (подробнее см.: Из протокола допроса свидетеля Ж., бывшего начальника Барнаульского ГО НКВД // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 458–465).

¹¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6222 (в 4-х т.).

¹² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6222. Т. 2. Л. 56.

¹³ Там же. Л. 12, 106.

¹⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1019, 15974; и др.

¹⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10210. Л. 115.

Барнаульский и Бийский оперсектора в совокупности включали 32 района Алтая. Полномочия Улалинского (Ойротского) оперсектора распространялись на территорию Ойрот-Туры. Только за первый месяц число арестованных по «эсеро-ровсовскому» заговору в Запсибкрае составило 2 348 чел.; еще 1 842 чел. планировались арестовать в ближайшее время¹⁶. Именно масштаб репрессий на Алтае, вкпе с визитом в Барнаул руководства УНКВД, помогает объяснить тот факт, что первый сводный отчет УНКВД ЗСК по «делу РОВС», поступил 27 июля в Москву не из Новосибирска, а из Барнаула.

Начало новой массовой репрессивной кампании – «кулацкой» операции, внесло существенные коррективы в масштаб и динамику карательных акций в Запсибкрае. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. на места ушла директива, требовавшая от регионов к 8 июля предоставить информацию о количестве учтенных «бывших кулаков и уголовников» в регионе, распределив их на категории «подлежащих к расстрелу» (1-я категория) или к высылке. К установленному сроку по 130 населенным пунктам ЗСК было учтено 25 944 чел. (по другим данным – 25 960 чел.), в том числе по 1-й категории – 10 924 чел. При этом в шифрограмме отмечалось, что цифры могут быть увеличены за счет «неучтенных» 6,5 тыс. домохозяйств Нарыма. Подчеркивалось, что в число кулаков (6,6 тыс. чел. – по 1-й и 8,2 тыс. чел. – по 2-й категории) частично вошла «низовка», подлежащая аресту по «ровсовскому заговору»¹⁷. Массовые репрессии должны были затронуть весь Запсибкрай, охватив территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской, Горно-Алтайской областей и Алтайского края. Несмотря на колоссальные масштабы грядущих арестов, руководство НКВД по ЗСК «гарантировало» центральному аппарату ведомства четкое проведение «изъятий» в кратчайшие сроки, отмечая, что массовое «применение ВМН, бесспорно, даст большой положительный хозяйственно-политический сдвиг в жизни всего края»¹⁸.

¹⁶ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 22225 из Барнаула, 27 июля 1937 г.

¹⁷ Архив НИПЦ «Мемориал». Сводка от 08.07.1937 г. из Новосибирска.

¹⁸ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной

Первым этапом новой операции стал учет контингента, который планировалось репрессировать, и согласование лимитов репрессий. Вопрос о количественных оценках так называемых лимитов репрессирования, «спущенных» Центром регионам по приказу № 00447, решается исследователями, исходя из цифр, названных не только самим приказом от 30 июля 1937 г., но и тех, что были утверждены решениями Политбюро. Первоначальные лимиты репрессирования по «кулацкой» операции были определены для Запсибкрая в 17 тыс., из которых 5 тыс. должны были пройти по первой категории. Отсутствие доступа к внутренней директивной документации УНКВД по ЗСК не позволяет установить долю отдельных регионов (оперативных секторов) в течение первых трех месяцев операции. Сентябрьская административная реформа, следствием которой стало разделение Запсибкрая на Новосибирскую область и Алтайский край¹⁹, сильно затруднила определение конкретных цифр 1937 г. для каждого региона. Ссылаясь на недостаток лимита, Новосибирск старался минимизировать долю Барнаула. Об этом достаточно наглядно говорит справка УНКВД по ЗСК от 5 октября 1937 г. о ходе проведения «кулацкой» операции. Перед бывшим краевым НКВД стояла задача, спустя два месяца после начала общесоюзной «кулацкой» операции и спустя три месяца с начала массовых репрессий в регионе, поделить выделенный Запсибкраю 17-тысячный лимит на репрессирование между Новосибирском и Алтаем. Новосибирск был готов отдать Алтаю не более 2 тыс. чел., которых планировалось осудить по 1-й категории, настаивая при этом на необходимости вычета из этой цифры всех жителей Алтайского края, уже репрессированных по данной категории. Что касается второй части лимита (2-я категория), то, даже с учетом предварительно «определенных» для районов Алтая 5 200 чел, бывший краевой центр рассчитывал все 12 тысяч оставить за собой²⁰. Ре-

Сибири» от 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 256–257.

¹⁹ Постановлением ВЦИК от 28 сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область с центром в Новосибирске (в границах существующих ныне Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) и Алтайский край с центром в Барнауле (в границах существующих ныне Алтайского края и Республики Алтай).

²⁰ Справка УНКВД по ЗСК о ходе проведения «кулацкой операции» от 5 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 377–378 (со ссылкой на: ГАНО. Ф. П.-4. Оп. 4. Д. 26. Л. 4).

альные объемы репрессирования оперсекторами Запсибкрая отразила сводка о работе тройки ЗСК на 5 октября 1937 г., согласно которой на Алтае (с учетом Ойротии) в жернова репрессий попали почти 7,5 тыс. чел., в т. ч. числе только по пяти оперсекторам (Барнаульский, Бийский, Каменский, Славгородский и Рубцовский) – 6,4 тыс. чел.²¹ Обращает на себя внимание тот факт, что на начало октября УНКВД ЗСК уверенно оперировало цифрой в 25,4 тыс., а не в 12 тыс. чел., обозначенных приказом № 00447. Таким образом, в общий лимит репрессированных по региону включался и «ровсовский» сегмент. Запросы региональных УНКВД на новые лимиты были одобрены НКВД СССР и удовлетворены. Дополнительно в рамках «кулацкой» операции по решению Политбюро от 20 октября 1937 г. в Алтайском крае можно было репрессировать 8,5 тыс. чел.²² На конец 1937 г. ГУГБ НКВД СССР называл следующие цифры: для Новосибирска – 21 358 чел., для Барнаула – 10 600 чел.²³ В 1938 г. Новосибирску удалось получить новый лимит, превышавший 22 тыс. чел.

Считается, что в отличие от «кулацкой» операции, репрессии по которой проводились на основании установленных Москвой лимитов, контрольных цифр для «ровсовской» операции не было. Между тем имеется два упоминания о планах репрессий по «делу РОВС». На конференции в Москве 16 июля 1937 г. начальник УНКВД по ЗСК С.Н. Миронов озвучил цифру: 10 800 чел. по 1-й категории для региона. Эта цифра вновь прозвучала 25 июля 1937 г. на оперативном совещании начальников всех оперсекторов

²¹ Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по ЗСК по «массовым операциям» и приведенным в исполнение приговорах от 5 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 42–48 (со ссылкой на: ГАНО Ф. П.-4. Оп. 4. Д. 26. Л. 10–14).

²² Из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимитов по Алтайскому краю // Трагедия советской деревни... С. 383. Г.Д. Жданова приводит данные по лимитам для Алтайского края, основываясь на сводках ГУГБ НКВД СССР, суммарно включающих лимиты краю с октября 1937 г. по март 1938 г., в объеме 14 931 чел. (См.: Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД СССР № 00447 // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. М., 2010 С. 29–31). Немецкий исследователь М. Юнге оценивает суммарный лимит Алтая в 13,6 тыс. чел.

²³ Из сводки № 29 ГУГБ НКВД СССР об арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 387–393.

и отделов НКВД ЗСК. Согласно стенограмме заседания, С.Н. Миронов говорил об общем лимите по «первой» операции, оперируя цифрами в диапазоне от 11 до 15 тыс. чел., в том числе и 10,8 тыс. чел. по первой категории на основании решения Политбюро от 9 июля²⁴. Бесспорно то, что в 1937 г. центральная и региональная статистика НКВД по «делу РОВС» шла отдельной строкой, как дополнение к статистике приговоров по приказу № 00447. Но уже с 1938 г. арестованных в рамках данной кампании стали учитывать в общей массе репрессированных.

Статистика свидетельствует о лавинообразном росте арестов и приговоров начиная уже с июля–августа 1937 г. На фоне массовых арестов по «линии РОВС» Западно-Сибирский регион втягивался в беспрецедентную по масштабам «кулацкую» операцию. Судить о реальных масштабах репрессий в регионе позволяют отчеты НКВД, в том числе протоколы троек ЗСК (НСО) и Алтайского края, а также текущие сводки региональных управлений НКВД. Напомним, что тройка НКВД по ЗСК начала действовать как внесудебный орган по решению Политбюро 9 июля 1937 г., в то время как в остальных регионах они были созданы только в августе–сентябре 1937 г. Таким образом, тройка НКВД в Западной Сибири, осуществляла работу сразу по двум кампаниям. Заседая единым составом, тройка формально старалась сохранить разделение по операциям и контингентам. Это определило наличие протоколов двух типов: безлитерных и с литерными обозначениями. После разделения ЗСК на Новосибирскую область и Алтайский край в конце сентября 1937 г. этот принцип продолжал сохраняться в работе троек по Новосибирской области и Алтайскому краю (последняя была утверждена приказом от 27 октября 1937 г., начала работать 30 октября). На протяжении первых четырех месяцев НКВД СССР требовал от региональных управлений информировать о ме-

²⁴ Из стенограммы совещания начальников оперативных пунктов, оперсекторов, городских и районных отделов УНКВД Западно-Сибирского края, проводимого начальником УНКВД по ЗСК С.Н. Мироновым // Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х / Сост. В.Н. Уйманов Т. 5. Томск, 1999. С. 102–103, 110–111; см. также: Папков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. С. 747.

роприятиях в рамках приказа № 00447 в формате пятидневной отчетности.

За 1937 г. тройка НКВД ЗСК осудила 19 421 чел., тройка НКВД Новосибирской области – 20 164 чел., тройка НКВД Алтайского края – 10 045 чел.²⁵ Материалы троек НКВД не дают однозначной картины распределения контингента по массовым операциям («ровсовской», «кулацкой» и «национальной»). Нам представляется обоснованным относить протоколы без литеры к протоколам по «делу РОВС» и смежным с ним организациям. При этом необходимо учитывать всю «условность» разделения контингентов по операциям и литерным потокам, ибо оперативное делопроизводство сибирских УНКВД изобилует свидетельствами, что «в число контингента кулаков по приказу вошла низовка по РОВСу», либо что «арестованный контингент по приказу – это кулацко-белогвардейский элемент, участники эсэро-ровсовского заговора»²⁶. Вплоть до середины октября 1937 г. дела по «ровсовской» линии доминируют над «кулацкой». Судя по протоколам троек, с ноября 1937 г. «ровсовская» линия становится периферийной, хотя аресты продолжались. В течение ноября 1937 г. новосибирская тройка (бывшая тройка ЗСК) продолжала осуждать жителей Алтая наряду с начавшей работу тройкой по Алтайскому краю. Если для протоколов 1937 г. характерно явное обозначение «ровсовской» направленности, то в 1938 г. ровсовские и кулацкие дела тесно переплетаются.

На начальном этапе массовых операций перед Запсибкраем стояла довольно сложная задача: обеспечить запланированные объемы арестов по «кулацкой» операции, одновременно обеспечивая массовость «дела РОВС». УНКВД ЗСК к концу сентября 1937 г. удалось выйти на четырехкратное увеличение показателей по числу арестованных (9 440 чел.) по РОВС. При этом число осужденных по той же линии составило более 7,5 тыс. чел.²⁷ К 5 октября число арестованных по «делу РОВС» превысило 9 тыс. чел., осужденных

²⁵ Папков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области... С. 748; Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД СССР № 00447... С. 29.

²⁶ Архив НИПЦ «Мемориал». Сводка от 10.03.1938 г. из Красноярска.

²⁷ Сводка № 11 ГУГБ НКВД СССР об арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 // Трагедия советской деревни... С. 369; Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма от 2 октября 1937 г.

– 8 тыс. Статистика по «делу РОВС» этого периода позволяет определить количество арестованных и осужденных как в целом, так и по отдельным регионам Западной Сибири. За счет Алтая (включая Ойротию) удалось «укомплектовать» «ровсовскую линию» почти на четверть (2 343 арестованных, в т.ч. 1 691 осужденных). На Алтае максимальные показатели были обеспечены за счет Барнаульского (783 и 524 соответственно) и Бийского (768 и 623) оперсекторов. По Алтайскому краю на этот период доля арестованных и осужденных по «делу РОВС» была следующей: Барнаульский оперсектор – 8 % от общего числа осужденных и 6,5 % от общего числа арестованных; Бийский – 7,9 и 7,7; Ойрот-Туринский – 5,4 и 3,6; Славгородский – 1,6 и 2 %; Рубцовский – 1 и 1,2 %; показатели Каменского оперсектора оказались минимальными (менее 0,4 %) ²⁸. По объему репрессий по «ровсовской» линии Алтай потерял приоритет в Запсибкрае, уступив место Кузбассу ²⁹. Однако его показатели более чем вдвое превышали показатели Нарыма и Томска, и более чем в два с половиной раза результаты Новосибирска.

К концу сентября в ЗСК число арестованных по обоим операциям достигло 24 619 чел. (15 179 по «кулацкой» линии ³⁰ и 9 440 по «ровсовской») ³¹, к началу октября – 25 735 (по другим данным – 25 413), из которых осуждено 19 421 чел. Таким образом, уже к середине осени 1937 г. первоначальный план по репрессиям был выполнен практически полностью. Динамика арестов и вынесения приговоров по «ровсовской линии» следующая: на 30 сентября арестовано 9 440 чел. (осуждено 7 556 чел.) ³², на 5 октября – 9 689 чел.

²⁸ Приведены не административно-территориальные единицы (районы, округа), а оперативные сектора. Подсчитано по: Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю по «массовым операциям» и приведенных в исполнение приговоров, 5 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни.... С. 378–380.

²⁹ Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю по «массовым операциям» и приведенных в исполнение приговоров, 5 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни.... С. 378–380.

³⁰ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 35879 из Новосибирска, 3 окт. 1937 г.

³¹ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 35861 из Новосибирска, 2 окт. 1937 г.

³² Там же.

(осуждено 8 047 чел.)³³, к 10 октября их число выросло до 10 557 чел., в том числе 2 479 чел. на Алтае (осуждено в общей сложности 9 166 чел.)³⁴. Доля арестов по «делу РОВС» в общем масштабе репрессий составила в Западно-Сибирском крае на конец сентября – начало октября 1937 г. 37–38%, а по количеству осужденных – 41%³⁵.

Весьма показательное распределение категорий осужденных в зависимости от операций. На начало октября 1937 г. по «кулацкой» операции из 11 374 осужденных 6 439 чел. (56,7%) прошли по 1-й категории и 4 935 чел. (43,3%) по 2-й категории (заключение в ИТЛ). По «ровсовской операции» из 8047 осужденных 6 437 чел. (80 %) прошли по 1-й категории и 1 610 чел. (20 %) по 2-й категории. Таким образом, доля осужденных по 1-й категории для «ровсовцев» была почти на 20 % выше, чем по «кулацкой» операции.

В октябре 1937 г. Алтайскому краю, как самостоятельному региону, были спущены лимиты сначала на 3,5 тыс., а затем еще 8,5 тыс. чел.³⁶ Сменивший К.С. Жукова и ставший начальником УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попов, принял решение, наращивая число арестов по «кулацкой» операции, продолжать и «ровсовскую» линию. При этом райотделам УНКВД Алтайского края было дано указание «никаких новых дел не давать, а продолжать вести следствие по делам организаций, вскрытых еще УНКВД ЗСК, на том основании, что алтайские районы отошли от бывшего Запсибкрая», что и позволяло на этом этапе продолжать операцию за счет «низовки»³⁷. В зону ответственности Алтайского УНКВД перешли районы Барнаульского, Бийского, Каменского, Рубцовского и Славгородского оперсекторов и Ойротия.

Тройка УНКВД по Алтайскому краю впервые осудила «ровсовцев» уже 6 ноября 1937 г.: ими стали 20 человек, обозначенных как руководители «повстанческой организации», якобы действовавшей в Кулундинских степях (Краснозерский, Хабарский, Знаменский,

³³ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 35861 из Новосибирска, 2 окт. 1937 г.

³⁴ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 37761 из Новосибирска, 12 окт. 1937 г.

³⁵ Подсчитано по: Сводка об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по ЗСК по «эсеро-ровсовскому заговору» на 4 янв. 1937 г. // Трагедия советской деревни... С. 376–377.

³⁶ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 606.

³⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп.7. Д. 4348. Т. 4. Л. 339.

Чистоозерный, Купинский и Ключевской районы) и в г. Славгороде. Основные аресты прошли еще в сентябре. Все фигуранты по делу были расстреляны 15 ноября³⁸. Аналогичная по составу группу казаков Змеиногорского района, днем раньше, т. е. 5 ноября, была проведена через алтайскую тройку, но по «кулацкой операции»³⁹. 27 ноября алтайская тройка осудила группу из 39 чел., выявленную Барнаульским оперсектором, которая квалифицировалась как новый руководящий орган «ровсовцев», якобы созданный после ликвидации в июле первого барнаульского штаба.

К началу января 1938 г. оба западносибирских региона, как и вся страна, подвели первые итоги массовой репрессивной кампании. Согласно сводке ГУГБ НКВД, на начало января 1938 г. в рамках «кулацкой операции» в Новосибирской области было осуждено 21 358 чел.; в Алтайском крае – 10 897 чел. Кроме того, в отчете Москва получила объединенную информацию о количестве репрессированных в рамках «ровсовской операции» в Новосибирской области и Алтайском крае: на 1 января 1938 г. число арестованных и осужденных составило 22 108 чел., в том числе 18 530 чел. (83,8 %) по 1-й и 3 578 чел. (16,2 %) по 2-й категории⁴⁰. Таким образом, по приказу № 00447 в рамках «кулацкой» и «ровсовской» операций количество репрессированных в двух регионах составило 54 363 чел. Напомним, что первоначально речь шла о немногим более 32 тыс. чел.⁴¹

В 1937 г. все репрессии по «ровсовской линии» были обеспечены усилиями двух западносибирских регионов. Однако уточнить «вклад» в операцию региональных управлений НКВД на основании доступной исследователям ведомственной отчетности крайне сложно. По состоянию на 5 декабря 1937 г. по Новосибирской области по «делу РОВС» было арестовано 14 626 чел., в том числе осуждено 14 644 чел., из которых 11 233 чел. (82%) по 1-й и 2411 чел. (18%) по 2-й категории⁴². На 20 декабря 1937 г. количество арестованных по «ровсовской линии» по Новосибирской области с начала операции составило 18 920 чел., в том числе осуждено 15 476 чел., из которых 12 954 чел. (84%) по 1-й и 2522 чел. (16%)

³⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8870.

³⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5207. Т. 1. Л. 239–242.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Архив НИПЦ «Мемориал». Сводка от 6.12.1937 г. из Новосибирска.

по 2-й категории⁴³. Доступная нам отчетность по Алтаю представлена по состоянию на конец ноября 1937 г. Из нее следует, что в Алтайском крае с момента начала операции по «делу РОВС» было арестовано 3 337 чел., или 22 % от общего количества репрессированных (15 365 чел.). Осуждено 2 930 чел.: 1 862 чел. тройкой УНКВД по ЗСК и 1 068 чел. тройкой НКВД по Алтайскому краю, в том числе 2 152 чел. (73,4 %) по 1-й и 778 чел. (26,6 %) по 2-й категории⁴⁴.

Дополнить эту статистику может анализ материалов новосибирской и алтайской троек за недостающие периоды. За последние четыре декабрьских заседания новосибирская тройка осудила по протоколам без литеры 3 045 чел., барнаульская за конец ноября и весь декабрь – 2 431 чел., в т.ч. по алтайским районам – 1 947 чел., по Ойротии – 484 чел. Суммарно были осуждены еще 5 476 чел. Таким образом, общее количество осужденных по Алтайскому краю по «кровосовской линии» составляет 5 860 чел. Скорректировать эти данные могла бы «Докладная записка о выполнении оперативных приказов НКВД» УНКВД по Алтайскому краю. Полные версии этих итоговых документов, подготовленных всеми региональными управлениями НКВД, существенно упростили бы изучение репрессий в регионах, позволив исследователям детально изучить ход операций, проводившихся на основании всех оперативных приказов НКВД СССР, в том числе и по приказу №00447.

В 1938 г. репрессии по приказу № 00447 продолжились. Их санкционировало Политбюро своим постановлением от 31 января 1938 г.⁴⁵. Новой датой завершения операции стало 15 марта⁴⁶. Остается неясным, продолжалась ли работа в рамках «дела РОВС» в обоих регионах одновременно. По данным ГУГБ НКВД, всего на 1 марта 1938 г. УНКВД Новосибирской области и Алтайского края по «делу РОВС» арестовали 25 916 чел., «передано на рассмотрение троек из числа осужденных, находившихся в тюрьмах и лаге-

⁴³ Архив НИПЦ «Мемориал». Сводка от 21.12.1937 г. из Новосибирска.

⁴⁴ Архив НИПЦ «Мемориал». Сводка от 25.11.1937 г. из Барнаула.

⁴⁵ Постановление ЦК ВКП (б) об утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. С. 34.

⁴⁶ Архив НИПЦ «Мемориал». Шифротелеграмма вх. 13500 из Новосибирска, 17 марта 1938 г.

рях», – 19 610 чел.⁴⁷ Известно, что на 7 марта 1938 г. по Новосибирской области общая численность осужденных по «делу РОВС» составила 24 383 чел. С начала 1938 г. по середину марта количество осужденных по этому делу в Новосибирской области возросло на 3 652 чел.⁴⁸ Алтайская тройка возобновила работу только 4 марта 1938 г., успев осудить до конца месяца 4 831 чел.⁴⁹ При этом все осужденные были проведены по безлитерным протоколам, что, следуя логике предшествующего периода, формально позволяет относить их к «ровсовцам». Новосибирская тройка, работая по двум операциям, сохранила формальное разделение своих протоколов.

Докладывая 17 марта 1938 г. в очередной раз об окончании операции, новосибирские чекисты просили «разрешить продолжение работы ровсовской тройки» до окончательной ликвидации контрреволюционного подполья в Кузбассе, что было сделано. УНКВД Алтайского края, напротив, не претендовало на продолжении «операции РОВС». Итоговые цифры репрессированных по «делу РОВС» в Западной Сибири оцениваются специалистами «Мемориала» Н.Г. Охотиным и А.Б. Рогинским в 29 528 чел., из них к расстрелу приговорены 24 853 (84,3 %), к заключению в ИТЛ – 4 675 чел. (15,8 %)⁵⁰.

«Ровсовская» операция позволила управлениям НКВД Западной Сибири широко манипулировать данными о якобы существовавших контрреволюционном подполье и опасности белоэмигрантского террора, что в условиях возможной военной угрозы сделало возможной реализацию масштабной «социальной чистки». Одновременное проведение в Западной Сибири двух параллельных массовых операций позволило НКВД существенно увеличить объем репрессий.

⁴⁷ Сводка № 33 ГУГБ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г., не ранее 1 марта 1938 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. С. 56.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Подсчитано по: Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД СССР № 00447... С. 22–28.

⁵⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 597.

Г.Д. Жданова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИКАЗА № 00447: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о начале проведения в стране кампании репрессий против бывших кулаков и уголовников, «высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы», затем возвратившихся по месту прежнего проживания и ставших «зачинщиками всякого рода анти-советских и диверсионных преступлений»⁵¹. На следующий день это решение было доведено до руководящих региональных органов партии и наркома внутренних дел Н.И. Ежова, который предписал начальникам краевых и областных управлений НКВД «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки»⁵².

16 июля 1937 г. в Москве состоялась конференция НКВД СССР, на которую были вызваны все региональные руководители НКВД РСФСР и Украины. На конференции обсуждались лимиты для республик, краев и областей, были даны инструкции по проведению запланированной операции. Во второй половине июля прошли совещания уже в региональных управлениях НКВД. В Новосибирске начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю С.Н. Миронов на совещании, состоявшемся 25 июля, в общих чертах описал планируемую массовую операцию и рекомендовал: чтобы не попасть в ситуацию, «что лимит у нас будет использован» и в результате «мы можем оказаться через месяц без лимита», сразу же провести аресты в больших масштабах, чтобы иметь «резерв» при распределении репрессируемых по категориям⁵³.

31 июля 1937 г. Политбюро было одобрено план операции и руководителям НКВД республик, краев и областей был направлен оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрес-

⁵¹ Там же. С. 319.

⁵² Там же.

⁵³ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 22.

сированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»⁵⁴.

До образования в сентябре 1937 г. Алтайского края дела по «кулацкой» операции рассматривались тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю, которая была создана постановлением Политбюро ЦК партии еще 28 июня 1937 г. для оперативного рассмотрения дела по «вскрытому» в крае «эсеро-ровсовскому заговору». В состав тройки вошли начальник УНКВД С.Н. Миронов, прокурор края И.И. Барков и секретарь Запсибкрайкома партии Р.И. Эйхе.

В соответствии с приказом № 00447 лимит подлежащих репрессии для Западно-Сибирского края составил 17 тыс. чел., в том числе по первой категории – 5 тыс., по второй – 12 тыс. чел.⁵⁵ На долю районов, позднее отошедших к Алтайскому краю (Каменский, Бийский, Барнаульский, Рубцовский и Славгородский оперсектора), пришлось 6431 чел., в том числе по 1-й категории – 1730 (26,9 %), по 2-й – 4701 чел. (73,1 %).

Согласно «Сводке об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю и приведенных в исполнение приговорах», подписанной начальником оперативного секретариата УНКВД Колчиным и датированной 5 октября 1937 г., с начала операции было осуждено 5387 жителей указанных районов, в том числе: по приказу № 00447 – 3985 чел. (по 1-й категории – 2246, по 2-й – 1739 чел.), по делу «РОВС» – 1405 (по 1-й категории – 1067, по 2-й – 338 чел.)⁵⁶. Приговоры к ВМН по приказу № 00447 составили 56,4 %, по делу «РОВС» – 75,9 %. Таким образом, на 5 октября выделенный Москвой лимит на осуждение по приказу № 00447 6431 чел. был выполнен на 62 %, а с учетом членов «РОВС» – на 83,8 %.

Тройка при УНКВД по Запсибкраю рассматривала дела на жителей края еще некоторое время после разделения Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край – до образования тройки при УНКВД по Алтайскому краю. Согласно

⁵⁴ Подробная история появления данного приказа и его полный текст приводятся в ряде работ, например: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 17–119; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 16–114.

⁵⁵ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 330.

⁵⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 26. Л. 10–14. Опубликовано: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 378–380.

сведениям, содержащимся в базе данных ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» в период с 7 по 28 октября 1937 г. ею были осуждены 295 жителей края, в том числе: по 1-й категории – 72, по 2-й – 223 чел.⁵⁷. Эти цифры, основанные на материалах следственных дел, хранящихся в ГААК, конечно, не являются полными, так как часть осужденных проходила по групповым делам, которые хранятся в архиве УФСБ по Новосибирской области и к настоящему времени не рассекречены. Нет в нашем распоряжении и протоколов заседаний тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю за указанный период.

Общая цифра осужденных в Алтайском крае западно-сибирской тройкой (согласно сводке и базе данных) в период с 5 августа до 28 октября составляет 5685 чел., в том числе по 1-й категории – 3385 (59,5 %), по 2-й – 2300 чел. (40,5 %).

Тройка при УНКВД по Алтайскому краю была образована по постановлению Политбюро ВКП(б) от 27 октября 1937 г. в составе: председатель – начальник УНКВД С.П. Попов⁵⁸, члены – прокурор края Н.Я. Поздняков⁵⁹ и первый секретарь крайкома партии Л.Н. Гусев⁶⁰.

⁵⁷Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР): база данных [Электронный ресурс] (находится в ГААК).

⁵⁸ Попов Серафим Павлович – род. в 1904 г. в Воронежской губ., в 1914 г. закончил 3-х классную церковно-приходскую школу, а через три года – 4-х классное высшее начальное училище, в 1931 г. – два курса вечернего комвуза. В 1918 г. – уполномоченный контрольно-пропускного пункта ОО Воронежской губчека, в 1919 г. откомандирован в Москву на работу в ВЧК. В начале 1920 г. вместе со штабом 8-й армии направлен на фронт, в июне того же года был демобилизован по болезни. В 1928 г. вступил в ВКП(б), в 1930 г. вновь направлен на работу в органы ОГПУ – сначала Центрально-Черноземной области, а в 1932 г. переведен в Западно-Сибирский край нач. отделения СПО. 1 октября 1937 г. в связи с образованием управления НКВД по Алтайскому краю (приказ НКВД СССР № 00634) назначен начальником УНКВД по Алтайскому краю. Имел награды: в 1933 г. Коллегией ОГПУ награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ», в июле 1937 г. – орденом Ленина. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Арестован в декабре 1938 г., осужден ВК ВС СССР в январе 1940 г. как «активный участник антисоветской заговорщицкой организации, существовавшей в органах НКВД», приговорен к ВМН, не реабилитирован.

⁵⁹ Поздняков Нил Яковлевич – род. в 1898 г. в Тверской губ. В 1915 г. приехал в Санкт-Петербург, работал плотником на Путиловской судостроительной верфи. В 1917 г. вступил в РСДРП (б), участвовал в штурме Зимнего дворца. До 1920 г. служил в РККА, в 1923 г. окончил юридические курсы и до 1931 г.

Первый протокол заседания алтайской тройки датируется 30 октября 1937 г. Вновь созданная тройка сразу же активно включилась в работу по выполнению приказа № 00447.

Деятельность тройки при УНКВД по Алтайскому краю в период проведения операции по приказу НКВД СССР № 00477 представлена в табл. 1, составленной на основе всех протоколов ее заседаний (включая протоколы, хранящиеся в ГААК, отделе реабилитации и архивной информации ИЦ при ГУ МВД по Алтайскому краю и архиве УФСБ РФ по Республике Алтай⁶¹).

Приказ НКВД СССР № 00447 делил всех репрессируемых «кулаков, уголовников и др. антисоветский элемент» на две категории и предусматривал две меры наказания – расстрел и лишение свободы на срок от 8 до 10 лет. Вместе с тем, в ходе операции тройкой при УНКВД по Алтайскому краю выносились приговоры и к 5 годам лишения свободы, которые составили 3,3 % от общего числа осужденных тройкой в октябре 1937–марте 1938 г.⁶² Особо «снисходительными» члены тройки были на заседаниях 8, 9 и 10 декабря 1937 г., когда приговорили к 5 годам лишения свободы 27 осужденных. 10 декабря 1937 г. вообще не было вынесено ни одного приговора к ВМН, да и рассмотрели в этот день всего 12 дел, из которых по восьми вынесли приговор о лишении свободы на 5 лет. Сложно сказать, откуда взялась такая мягкость в приговорах.

работал в Минусинской окружной прокуратуре. В 1931–1937 гг. занимал должности прокурора по промышленности г. Сталинска (ныне г. Кемерово), зам. прокурора по промышленности Западно-Сибирского края, прокурора г. Бийска. В октябре 1937 г. назначен прокурором Алтайского края. Арестован в 1938 г. как «активный участник контрреволюционной право-троцкистской организации». Дело прекращено в ноябре 1939 г. в связи с тем, что оно является «провокационным, сфальсифицированным арестованными врагами народа Поповым, Перминовым...».

⁶⁰ Гусев Леонид Николаевич – род. в 1907 г. в Санкт-Петербурге, после окончания ФЗУ работал токарем на ленинградском заводе «Красный судостроитель». В 1925–1929 гг. работал в органах ВЛКСМ в Ленинграде. Член ВКП(б) с 1925 г. С 1933 г. на партийной работе. В августе 1937 г. избран вторым секретарем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), 29 сентября 1937 г. – первым секретарем Алтайского крайкома ВКП(б). Снят с должности в феврале 1939 г. «как не обеспечивший руководство» и отозван в распоряжение ЦК.

⁶¹ Полная комплектность протоколов тройки подтверждается таким учетным документом УКГБ АК как «Журнал регистрации протоколов судебных заседаний» за 1955 г.

⁶² Подсчитано по: Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР): база данных.

Таблица 1

**Распределение осужденных тройкой при УНКВД
по Алтайскому краю с 30.10.1937 г. по 15.03.1938 г.
по приказу № 00447 по мерам наказания**

Дата заседания	Кол-во протоколов	Количество вынесенных приговоров		
		всего	в том числе	
			1-я категория (ВМН)	2-я категория (л/с)
1	2	3	4	5
Октябрь 1937 г.	27	758	540	218
30 октября	13	311	250	61
31 октября	14	447	290	157
Ноябрь 1937 г.	167	5 889	2 214	3 675
1 ноября	8	283	175	108
3 ноября	10	366	240	126
5 ноября	15	316	239	77
6 ноября	8	206	181	25
11 ноября	15	386	179	207
23 ноября	5	434	252	182
24 ноября	20	536	256	280
26 ноября	42	951	231	720
27 ноября	16	543	140	403
28 ноября	12	607	148	459
29 ноября	16	695	173	522
Декабрь 1937 г.	163	3 398	1 933	1 465
8 декабря	52	1285	528	757
9 декабря	49	1066	338	728
10 декабря	16	546	73	473
27 декабря	12	205	172	33
28 декабря	13	366	335	31
29 декабря	17	456	448	8
30 декабря	4	40	39	1
Март 1938 г.	133	4 831	2 079	2 752
4 марта	6	312	193	119
5 марта	11	469	233	236
7 марта	5	271	128	143
8 марта	10	346	150	196
11 марта	20	782	366	416
13 марта	9	301	144	157
14 марта	37	1320	465	855
15 марта	35	1030	400	630
Всего:	490	14 876	6 766 (45,5 %)	8 110 (54,5 %)

Возможно, к тому времени уже были выполнены все доведенные Москвой лимиты. А возможно, сыграл свою роль тот факт, что большинство из осужденных к 5 годам заключения практически не имели «темного» прошлого.

Существуют некоторые расхождения в цифрах осужденных в рамках приказа по протоколам заседаний тройки УНКВД по Алтайскому краю и сводным данным НКВД СССР, которые были подведены по отчетам управлений НКВД краев и областей. Речь идет о двух опубликованных центральных сводках НКВД СССР, обобщающих данные с мест о ходе проведения «кулацкой операции».

Согласно первой сводке ГУГБ НКВД СССР № 29, датированной «не ранее 1 января 1938 г.»⁶³, лимит осужденных для Алтайского края составлял 5500 чел. по 1-й категории, 5100 – по 2-й, всего – 10600 чел. На момент составления сводки в Москве, по всей видимости, не было полных (точных) цифр с мест, поэтому количество арестованных и осужденных в сводке совпадает и по Алтайскому краю составляет 10897 чел., в том числе по 1-й категории – 5500, по 2-й – 5397 чел. (табл. 2). В действительности же, согласно протоколам заседаний алтайской тройки, в крае на 1 января 1938 г. было осуждено 10 045 чел., в том числе по 1-й категории – 4687, по 2-й – 5358 чел. Нельзя, таким образом, полностью доверять документам центра и следует тщательно перепроверять их по местным документам и источникам.

Следующая сводка ГУГБ НКВД СССР № 33 датируется составителями сборника «Трагедия советской деревни» «не ранее 1 марта 1938 г.»⁶⁴. Согласно этой сводке, на 1 марта 1938 г. лимит осужденных для Алтайского края составил 13600 чел., цифра же арестованных и осужденных в крае вновь совпадает и составляет теперь уже 12183 чел. (табл. 2). Но алтайская тройка в период с 1 января до 4 марта 1938 г. не заседала, поэтому количество осужденных в крае на 1 марта было все то же – 10045 чел. Таким образом, разница между данными протоколов тройки и сводки ГУГБ НКВД составляет 2138 чел. Возможно, дело здесь опять-таки в неточных данных в центре, и в сводке ГУГБ в графе «осуждено» указано количество не осужденных, а арестованных. Или же в сводку ГУГБ НКВД № 33 вошли данные не на 1 марта, а включая несколько пер-

⁶³ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 387

⁶⁴ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. С. 56.

вых дней месяца. В период с 4 по 8 марта 1938 г. алтайская тройка осудила 1398 чел., а включая заседания 11 марта – 2170 чел. Исходя из этого, можно предположить, что данная сводка составлялась где-то между 8 и 11 марта 1938 г.

Таблица 2

**Распределение арестованных и осужденных
в Алтайском крае по приказу № 00447
согласно центральным и местным данным**

Источник данных	Утверждено			Арестовано, чел.	Осуждено, чел.		
	по 1-й катег.	по 2-й катег.	всего		по 1-й катег.	по 2-й катег.	всего
1	2	3	4	5	6	7	8
Сводка ГУГБ НКВД № 29 на 1.01.1938	5500	5100	10600	10897	5500	5397	10897
Протоколы заседаний тройки УНКВД АК на 1.01.1938					4687	5358	10045
Сводка ГУГБ НКВД № 33 на 1.03.1938	7500	6100	13600	12183	5638	6545	12183
Протоколы заседаний тройки УНКВД АК на 1.03.1938					4687	5358	10045
Всего по протоколам тройки с 30.10.1937 по 15.03.1938					6766	8110	14876

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. С. 387. Кн. 2. С. 56; ОСД ГААК Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 1–354.

Первоначально в соответствии с приказом № 00447 операцию предполагалось провести в течение четырех месяцев – с августа по декабрь 1937 г., полное ее завершение планировалось к 10 декабря 1937 г. Алтайская тройка с момента ее создания в конце октября 1937 г. самым активнейшим образом включилась в проведение операции и в период с 30 октября по 10 декабря 1937 г. было проведено 16 заседаний, осуждено 9544 человека, из которых по 1-й

категории – 3693 чел. (38,69 %). В соответствии с приказом в первую очередь тройка рассматривала дела на арестованных по первой категории: в период с 30 октября по 6 ноября 1937 г. приговоры к ВМН составили в среднем более 71 %, а в период с 11 ноября по 10 декабря 1937 г. – 33 %.

Затем выходит директива НКВД СССР № 50194 о продлении работы троек, действующих в соответствии с приказом № 00447, до января 1938 г. В период с 11 по 26 декабря 1937 г. алтайская тройка не заседала, но краевое управление НКВД вело напряженную «работу» по выявлению и арестам «контрреволюционных элементов». В этот период в крае было арестовано более тысячи человек⁶⁵.

Следующие заседания алтайской тройки датируются 27, 28, 29 и 30 декабря 1937 г.; они стали, пожалуй, самыми «кровожадными»: в ходе этих четырех заседаний были осуждены 1067 человек, из которых 994 (93,2 %) – расстреляны.

В январе-феврале 1938 г. заседаний тройки не проводилось. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. вносит новые коррективы в вопрос о продолжении операции и устанавливает новые лимиты репрессированных для Алтайского края: 2000 чел. – по 1-й категории и 1000 чел. – по 2-й⁶⁶. Алтайской тройкой доведенный план был выполнен и перевыполнен: в январе–марте 1938 г. по всему краю шли массовые аресты, всего было арестовано более 4700 чел.⁶⁷ В период с 4 по 15 марта 1938 г. тройка заседала восемь раз, осужден 4831 чел., из которых 2079 чел. (43 %) – к ВМН.

Общим итогом операции в крае стало перевыполнение спущенных сверху лимитов на 1276 человек (13600/14876) и перераспределение алтайскими чекистами выделенных центром лимитов: по 1-й категории – 7500/6766 и по 2-й – 6100/8110 соответственно.

К особенностям проведения операции по приказу № 00447 в Западной Сибири следует отнести ее проведение параллельно с другой крупной операцией, а именно – по делу контрреволюционной эсеровско-монархической организации «РОВС».

Дела в отношении членов этой организации проходят по 88 протоколам тройки УНКВД по Алтайскому краю, датированным

⁶⁵ Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР): база данных [Электронный ресурс].

⁶⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 107.

⁶⁷ Подсчитано по: Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР): база данных.

30.10.1937–15.03.1938: всего по этим протоколам было осуждено 3377 человек. Но если по протоколам 1937 г. «ровсовские» дела обозначены достаточно четко, то о протоколах 1938 г. этого сказать нельзя, т. к. «ровсовские» и «кулацкие» дела здесь теснейшим образом переплетаются и невозможно сказать однозначно, о какой именно из этих операций идет речь. Например, на заседании тройки 8 марта 1938 г., протокол № 25/9, было рассмотрено дело Красноозерского РО НКВД в отношении вскрытой в феврале 1938 г. «к-р эсеровской, повстанческо-диверсионной, террористической организации, состоящей из эсеров, кулацко-эсерствующего и проч. к-р элемента»⁶⁸; на заседании 15 марта 1938 г., протокол № 29/21, – дело «контрреволюционной эсеровской группы из местного кулачества»⁶⁹.

Согласно целому ряду местных и центральных документов, «ровсовцы» шли сверх общих лимитов. Возможно, это так и было в первые месяцы проведения «кулацкой операции». В «Сводке об арестованных и осужденных судебной тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю по массовым операциям и приведенных в исполнение приговорах»⁷⁰ на 5 октября 1937 г. упоминаются сверх лимита 9689 чел., арестованных «по контрреволюционной организации РОВС» (из них осуждены 8047 чел.). В сводках ГУГБ НКВД СССР № 29 на 1 января 1938 г.⁷¹ и № 33 на 1 марта 1938 г.⁷² говорится уже соответственно о 22108 и 25876 осужденных членах РОВС по Новосибирской области и Алтайскому краю. На первый взгляд такой подход, когда «ровсовцы» шли сверх лимита, продолжался вплоть до окончания операции в середине марта 1938 г. Но данные о работе алтайской тройки это опровергают: общий лимит по «кулацкой операции» для Алтайского края составил 13600, согласно же протоколам тройки с 30 октября 1937 г. по 15 марта 1938 г. в крае осудили 14876 человек. Где же несколько тысяч «ровсовцев»? Анализ протоколов заседаний алтайской тройки позволяет утверждать, что по крайней мере в период работы алтайской тройки «ровсовцы» в крае шли в рамках общих лимитов.

⁶⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 277. Л. 1.

⁶⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 344. Л. 1.

⁷⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 378–381.

⁷¹ Там же. С. 387–393.

⁷² Трагедия советской деревни ... Т.5. Кн. 2. М., 2006. С. 56–61.

В Западно-Сибирском крае дело «РОВСа» было также теснейшим образом связано с рядом инициированных «партизанско-повстанческих» дел. «Партизанская тема» вновь зазвучала в Сибири осенью 1936 г. в связи с разоблачением «троцкистского заговора». 11 сентября 1936 г. в Сталинграде был арестован бывший командир Первой Томской партизанской дивизии В.П. Шевелев-Лубков, в октябре 1936 г. в Томске – командир разведки партизанского отряда П.К. Лубкова, затем – командир Первого Конного Коммунистического отряда Д.Д. Кирсанов, в феврале 1937 г. в Москве – бывший командир партизанского отряда М.Х. Перевалов, в Красноярске – бывший главнокомандующий Северо-Канским фронтом партизанской армии Н.И. Буда и бывший командир полка Северо-Ачинской партизанской армии А. Марченко. На Алтае в феврале 1937 г. были арестованы бывшие видные деятели Первой Горно-Алтайской партизанской дивизии: ее командир И.Я. Третьяк, начальник штаба дивизии В.С. Зырянов, командир 6-го полка В.М. Лыжин, его брат командир эскадрона А.М. Лыжин, начальник следственной комиссии дивизии А.А. Табанаков и другие. По версии следствия И.Я. Третьяк входил в состав «Западно-Сибирского партизанско-повстанческого штаба, созданного Сибирским троцкистским террористическим центром», по директивам которого «формировал в г. Бийске и районах Алтая к/р повстанческую организацию, вовлекая в нее бывших партизан»⁷³. Директивы центра И.Я. Третьяк якобы получал в Новосибирске через В.Д. Вегмана⁷⁴, который в свою очередь был увязан с Н.И. Мураловым. В деле имеется и еще одна версия, согласно которой Третьяк являлся «агентом иностранной разведки» и, действуя по «заданиям генерального штаба одного из капиталистических государств», создал в 1919 г. «японо-военную повстанческую диверсионную организацию». Данная организация, «сблокировавшись» с Сибирским троцкистским террористическим центром (Н.И. Муралов), «офицерско-монархической организацией РОВС»

⁷³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5215/1. Л. 126–127.

⁷⁴ Вегман Вениамин Давыдович – известный сибирский историк, писатель и публицист, основатель и заведующий Сибистпарта, был арестован УНКВД по Западно-Сибирскому краю 29 июня 1936 г. как троцкист, умер, находясь под следствием, 10 августа 1936 г.

(В.С. Михайлов⁷⁵) и с Ойротским националистическим блоком (Г.И. Чорос-Гуркин⁷⁶), «готовила вооруженное восстание и свержение Советской власти в Сибири в целях создания конституционно-монархического государства под протекторатом Японии»⁷⁷.

Геройское партизанское прошлое обвиняемых в делах 1937–1938 гг. определяется не иначе, как «партизанщина». После ареста Третьяка в адрес партийных органов и УНКВД поступило несколько заявлений от бывших партизан, которые посчитали теперь своим долгом сообщить о фактах «антисоветской деятельности» красного партизана в период гражданской войны. Так, например, в марте 1937 г. один из бывших партизан 6-го полка под командованием В.М. Лыжина подал в УНКВД заявление о «предательской роли бывшего командира партизанской дивизии Третьяка». 12 марта заявитель был вызван на допрос, где утверждал, что Третьяк «будучи командиром партизанской дивизии, на всем протяжении борьбы с белогвардейскими частями, давал приказания и распоряжения явно предательского характера, рассчитанные на уничтожение партизан и одержание победы белогвардейскими частями»⁷⁸. Во время же слияния партизанских отрядов с частями Красной Армии Третьяк на митингах якобы говорил «понагнали сюда комиссаров, без них знаем, что делать, на готовое приехали... Красная Армия с ее комиссарами стоит не на защите крестьян, не доверяйте им, нас хотят разоружить... Оружие ни в коем случае сдавать нельзя, каждый партизан должен уйти домой с оружием, чтобы... быть всегда наготове, оружие нам еще понадобится для коммунистов»⁷⁹.

⁷⁵ Михайлов Василий Степанович, 1868 г.р., полковник колчаковской армии, был арестован летом 1937 г. как активный деятель контрреволюционной организации «РОВС», осужден тройкой при УНКВД по Новосибирской области 10 октября 1937 г. по ст. 58 УК к ВМН. Реабилитирован военным трибуналом СибВО в 1956 г.

⁷⁶ Чорос-Гуркин Григорий Иванович, 1870 г.р., известный алтайский художник, в 1917–1919 гг. председатель Каракорумской управы, был арестован Ойротским облотделом НКВД в сентябре 1937 г. как организатор и руководитель «контрреволюционного националистического центра», осужден тройкой при УНКВД по Алтайскому краю 4 декабря 1937 г. по ст. 58 УК к ВМН. Реабилитирован Алтайским краевым судом в 1956 г.

⁷⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5215/1. Л. 118.

⁷⁸ Там же. Л. 21.

⁷⁹ Там же. Л. 24.

Все 11 обвиняемых по делу (из них семеро – бывшие красные партизаны) были приговорены тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю 29 июля 1937 г. к расстрелу. Больше, чем в среднем, число расстрельных приговоров в отношении данной категории осужденных в 1937–1938 гг., вероятно, было характерно для всех подобных дел в Сибири. Например, по упоминаемому в деле Третьяка делу В.П. Лубкова-Шевелькова все арестованные также были расстреляны⁸⁰.

* * *

Приводимые ниже статистические данные были получены в результате пятипроцентной выборки осужденных в крае в рамках «кулацкой операции» в октябре 1937 г. – марте 1938 г., проведенной по базе данных ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)». Данные на попавших в выборку 612 осужденных были занесены автором в созданную им базу данных «Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР»⁸¹ и дополнены сведениями из материалов судебно-следственных дел и протоколов заседаний тройки при УНКВД по Алтайскому краю за 30 октября 1937 г. – 15 марта 1938 г.

Из 612 осужденных в рамках «кулацкой» операции⁸² мужчин было 596 чел. (97,4 %), из них расстреляны – 261 чел. (43,8 %); женщин – 16 чел. (2,6 %), из них расстреляны – 4 (25 %). По социальному происхождению 8 из 16 (50%) женщин проходят по следственным делам как «кулачки», 6 (37,5%) – как монашки или род-

⁸⁰ Там же. Л. 26–36.

⁸¹ Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных [Электронный ресурс] (находится в ГААК). База данных создана на основе материалов находящегося на хранении в ОСД ГААК фонда Р-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю» (судебно-следственные дела, протоколы заседаний тройки при УНКВД по Алтайскому краю за 1937–1938 гг.). Структура базы данных: информационная база состоит из 1 файла формата MS Access 2000, включающего 11 таблиц, три из которых содержат информацию о персоналиях, а остальные являются вспомогательными (подстановочными). Программное обеспечение: СУБД Microsoft Office Access 2003. Общий объем базы данных – 2,87 МБ.

⁸² Здесь и далее имеется в виду количество человек, попавших в выборку.

ственницы священнослужителей, т.е. принадлежали к указанным в приказе № 00447 целевым группам репрессий.

Согласно имеющимся исследованиям, незначительное число осужденных по приказу № 00447 женщин было характерно для всех регионов бывшего СССР. Например, среди жертв террора, учтенных в «Ленинградском мартирологе», мужчины составляли 94,9 %, женщины – 5,1 %⁸³. Подобные статистические данные по Москве выглядят следующим образом: мужчин – 19903 (95,9 %), женщин – 858 (4,1 %) ⁸⁴.

Причины этого были, вероятно, прежде всего, социального характера (из-за низкого социального статуса женщин в России они не принимались в политическом смысле всерьез), затем – чисто прагматические (на предприятия ГУЛАГа требовалась в основном мужская сила, а в стране разворачивалась борьба с беспризорностью). Что касается исследуемого периода, то небольшое число осужденных в рамках реализации приказа НКВД № 00447 женщин определялось и тем, что, согласно приказу, устанавливалось, что «семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессируются»⁸⁵.

Приказ № 00447 четко обозначал категории граждан, подлежащих репрессированию. Определяющими факторами являлись социальное происхождение и политическое прошлое подлежащих изъятию категорий граждан (табл. 3). Имевшие «темное» социальное и политическое прошлое сразу попадали в категорию неблагонадежных и были виновны, что называется, «по определению».

«Кулацкая» направленность террора 1937–1938 гг. в Алтайском крае не вызывает сомнений и подтверждается большим процентом осужденных, имевших социальное происхождение «из кулаков» – 81 % от общего числа репрессированных в рамках операции по приказу № 00447. Более 40 % выходцев из бедняцко-средняцких слоев крестьянства, приговоренных к ВМН, имели «темные пятна» в прошлом: судимость за совершение тяжких преступлений (убийство, хищение) – 10,5 %; судимость по ст. 58 УК – 3,5 %; ранее состояли в партии эсеров – 8,8 %; были участниками крестьянских

⁸³ Ленинградский мартиролог. 1937–1938. СПб., 1998. С. 587; т. 4. СПб., 1999. С. 686; т. 5. СПб., 2002. С. 639.

⁸⁴ Бутовский полигон 1937–1938 гг. Выпуск 7. М., 2003. С. 302–311.

⁸⁵ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 89.

восстаний или контрреволюционных банд – 7 % и т.д. В данном случае определяющим стало не социальное происхождение, а наличие компрометирующих обвиняемого фактов в его биографии.

Такая же ситуация и с выходцами из мещанской среды и из рабочих, 63,6 % которых либо имели судимость по ст. 58 УК, либо относились к категории «бывших» («заводчики», приставы), либо в прошлом состояли в партии эсеров. Из двоих расстрелянных выходцев из рабочих один ранее состоял в партии эсеров, другой был объявлен перебежчиком из Румынии и осужден как «румынский шпион».

Таблица 3

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по социальному происхождению и мерам наказания**

Социальное происхождение	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Из крестьян, в том числе «кулаки»	235	42,5	318	57,5	553	90,4
бедняки, середняки	201	40,5	295	59,5	496	81,1
Из священников	34	59,6	23	40,4	57	9,3
Из мещан	15	93,8	1	6,2	16	2,6
Из помещиков и дворян	17	54,8	14	45,2	31	5,1
Из рабочих	2	100	-	-	2	0,3
Из рабочих	2	66,7	1	33,3	3	0,5
Нет сведений	7	100	-	-	7	1,1
Всего	278	45,4	334	54,6	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

Принадлежность в прошлом к дворянско-помещичьему сословию, несомненно, была для обвиняемых отягчающим «вину» обстоятельством – оба попавших в выборку представителя данной социальной категории были приговорены к ВМН.

Самая противоречивая ситуация складывалась с бывшими «кулаками». С ними чекисты были менее разборчивы, чем с другими социальными группами и, по всей вероятности, чаще попросту подтасовывали факты, в результате чего в «кулаков» превращались те, кто таковыми никогда не был. Например, согласно протоколам тройки, количество осужденных, имевших «кулацкое» социальное происхождение, – 496 человек. От этого числа следует, вероятно, отнять тех, у кого в графе «социальное происхождение» записано

«сын кулака», поскольку «раскулачиванию» и лишению избирательных прав подвергались главы и совершеннолетние члены семьи. Таких по протоколам тройки насчитывается 47 человек. Значит, «раскулаченных» должно быть 449 человек. Количество же осужденных, в отношении которых в протоколах заседаний тройки и по материалам судебно-следственных дел имеются сведения о «раскулачивании» и лишении избирательных прав, составляет лишь 204 человека. Откуда же взялись среди тех, у кого в графе «социальное происхождение» значится «из кулаков», еще 245 человек? Возможно, какая-то их часть «самораскулачилась», т. е., не дожидаясь формальной процедуры, они попросту распродали свое имущество или передали его в создаваемые колхозы. Но, даже учитывая подобные факты, все равно остается достаточно большое количество осужденных, которые не были «кулаками».

Под наиболее массовую из подлежащих репрессии групп, обозначенных в приказе № 00447, подводились репрессированные, которые оказались в числе жертв репрессий не в силу социального происхождения, а своего социального поведения, демонстрирующего нелояльность советско-колхозному строю и местной партийно-советской и хозяйственной элите (нарушители трудовой дисциплины, лица, критически высказывавшиеся о политике местного и центрального руководства, проявлявшие на бытовом уровне недовольство тяжелыми материальными условиями жизни и пр.)⁸⁶

Средний процент расстрельных приговоров, вынесенных в рамках «кулацкой» операции в крае, составлял 45,5 %. Однако среди различных по социальному происхождению категорий осужденных этот процент был разным: были приговорены к ВМН все 100 % выходцев из помещиков и дворян и 93,8 % – из священников. Наименьший процент расстрелянных, как это не является странным для «кулацкой» операции, дает группа «крестьян-кулаков» – 40,5 % (табл. 3) Это объясняется тем, что следование выделенным центром лимитам на осуждение по 1-й и 2-й категориям (ВМН и лишение свободы) сказалось больше всего на соотношении приговоров в наиболее массовой группе репрессированных – «бывших кулаков».

⁸⁶ Подробнее об этом см.: Разгон В.Н. «Большой террор 1937–1938 гг.» и колхозное крестьянство Алтая // Экономическая история Сибири XX–начала XXI в. Материалы II Всероссийской научной конференции. 27–28 июня 2009 г. Барнаул, 2009. С. 208–214.

Политическое прошлое обвиняемых было вторым важнейшим фактором для изъятия и осуждения в рамках рассматриваемой операции, поскольку «кадры антисоветских политических партий» являлись одной из целевых групп приказа № 00447 (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по партийной принадлежности и мерам наказания**

Партийная принадлежность	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Члены ВКП(б)	8	44,4	10	55,6	18	2,9
Эсеры	12	100	-	-	12	2,0
Анархисты	1	100	-	-	1	0,2
Беспартийные	257	44,2	324	55,8	581	94,9
Всего	278	45,4	334	54,6	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Жданова Г. Д.: база данных.

Согласно статистическим данным, приведенным в «Ленинградском мартирологе», члены ВКП(б) составили в среднем 12,6 % от общего количества расстрелянных в Ленинградской области в 1937–1938 гг.⁸⁷, в Алтайском крае – около 3 %. Такая разница объясняется тем, что в сельскохозяйственных краях и областях процент членов ВКП(б) в общем составе населения был ниже, чем в промышленных регионах страны.

Бывшие эсеры, составившие около 2 % от числа осужденных в крае в рамках операции по приказу № 00447, все были приговорены к расстрелу (табл. 4), хотя действительная принадлежность части из них к партии эсеров вызывает серьезные сомнения. Из 12 изученных следственных дел только у четырех осужденных во всех следственных документах указано, что они в разные годы являлись членами указанной партии. Шесть осужденных по всем следственным документам проходят как беспартийные, и лишь в протоколе заседания краевой тройки УНКВД они значатся как «бывшие эсеры». В следственных документах арестованного А.А. Шишкина указано, что он «сын эсера», в протоколе тройки он проходит уже как эсер⁸⁸. И еще один осужденный – И.С. Задонский – проходит

⁸⁷ Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 3–5. С. 587, 687, 640.

⁸⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4375/9. Л. 2, 115. Оп. 5. Д. 242.

как эсер только по обвинительному заключению и протоколу заседания тройки, по всем остальным следственным документам – как беспартийный⁸⁹.

Единственный из попавших в выборку член партии анархистов Ф.Л. Четаев состоял в ней в течение семи месяцев (с февраля по август 1917 г.), однако главная вина обвиняемого состояла в другом – будучи бывшим воспитанником кадетского корпуса им. Аракчеева, он обвинялся в участии в «кадетско-монархической и эсеровской организации РОВС», в обвинительном заключении его краткое пребывание в рядах партии анархистов даже не упоминается⁹⁰.

Еще 17 % из числа осужденных алтайской тройкой в рамках «кулацкой» операции имели в прошлом весьма неблагоприятное с точки зрения советской власти прошлое, которое в документах следственных дел еще называется «политической окраской» обвиняемого. «Кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белого движения, карателей» составили еще одну целевую группу приказа (табл. 5).

Политическое прошлое обвиняемых повлияло на суровость приговоров следующим образом: из числа «бывших карателей» были приговорены к ВМН более 72 %, участников крестьянских выступлений – 71 %, служивших в белой армии – свыше 63 % (табл. 5).

Таблица 5

Распределение осужденных по приказу № 00447 по «политической окраске» и мерам наказания

«Политическая окраска»	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%*
Бывшие белогвардейцы	31	63,3	18	36,7	49	8,0
Бывшие участники крестьянских восстаний	22	71,0	9	29	31	5,1
Бывшие каратели	19	79,2	5	20,8	24	3,9
Всего	72	69,2	32	30,8	104	17,0

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных. * Процент от общего числа осужденных.

⁸⁹ Там же. Д. 6383. Оп. 5. Д. 265.

⁹⁰ Там же. Д. 15387. Л. 8, 22.

Чуть более 34 % осужденных в рамках «кулацкой» операции имели в прошлом судимости по тем или иным статьям УК, что также учитывалось следствием и влияло на приговор (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по судимостям и мерам наказания**

Ранее имели судимости	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%*
По общеуголовным статьям УК ⁹¹	30	30,9	67	69,1	97	15,8
По ст. 58 УК	36	73,5	13	26,5	49	8
По ст. 61 УК	18	37,5	30	62,5	48	7,8
По Закону 7.08.1932	7	46,7	8	53,3	15	2,5
Всего	91	43,5	118	56,5	209	34,2

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

*Процент от общего числа осужденных.

Наличие в прошлом судимости по «политической» ст. 58 УК вело к ужесточению приговора и в семи случаях из десяти означало расстрел. Доля расстрельных приговоров, вынесенных ранее судимым по ст. 61 УК и закону от 7.08.1932 г., также превышала средний показатель. Наименьшее число приговоров к ВМН было вынесено тройкой ранее судимым по общеуголовным статьям, что говорит о том, что к бывшим уголовникам сталинский режим относился более лояльно, чем к политическим преступникам и «кулакам».

«Большой» террор» затронул в той или иной мере практически все социальные слои населения (табл. 7). Более половины осужденных (52 %) составляли рядовые колхозники и рабочие совхозов,

⁹¹ Чаше других встречаются следующие общеуголовные статьи УК РСФСР (ред. 1926 г.): ст. 59 – бандитизм, участие в массовых беспорядках; ст. 74 – хулиганство; ст. 79 – умышленное повреждение гос. имущества; ст. 101 – изготовление и сбыт спиртных напитков (самогона); ст. 109 – злоупотребление служебным положением; ст. 162 – кража чужого имущества.

Таблица 7

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по социальному положению и мерам наказания**

Социальное положение на момент ареста	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Члены колхозов (совхозов)	114	35,8	204	64,2	318	52
Промышленные рабочие	55	58,5	39	41,5	94	15,3
Служащие гос. учреждений	24	44,4	30	55,6	54	8,8
Без определенных занятий	18	50	18	50	36	5,9
Единоличники	18	62,1	11	37,9	29	4,7
Служители религиозного культа	13	65	7	35	20	3,3
Транспортные рабочие	8	61,5	5	38,5	13	2,1
Работники образования	5	45,5	6	54,5	11	1,8
Агротехнические работники	5	83,3	1	16,7	6	0,98
Руководители	3	60	2	40	5	0,82
Домохозяйки	1	25	3	75	4	0,65
Рабочие МТС	1	33,3	2	66,7	3	0,49
Заключенные	3	100	-	-	3	0,49
ИТР	1	50	1	50	2	0,33
Работники здравоохранения	2	100	-	-	2	0,33
Кустари	1	50	1	50	2	0,33
Другое	3	75	1	25	4	0,65
Нет сведений	3	50	3	50	6	0,98
Всего	278	45,4	334	54,6	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

что вполне закономерно для сельскохозяйственного края. Вместе с тем репрессии коснулись и рабочих промышленности и транспорта (более 17 % осужденных), т.к. именно в городах осела часть указанных в приказе № 00447 «антисоветчиков» (кулаков, церковников, участников антисоветских вооруженных выступлений и т.д.), которые, уйдя из деревни, «проникли на предприятия промышленности, транспорта и на строительства»⁹². Согласно материалам следственных дел, более 87 % рабочих либо имели «кулацкое»

⁹² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 84.

происхождение, либо служили в белой армии, либо лишались избирательных прав, либо состояли ранее в оппозиционных партиях, или участвовали в крестьянских выступлениях 1920-х–начала 1930-х гг.

То же можно сказать и об осужденных служащих различных советских учреждений, 83,3 % которых также происходили из «социально-чуждых».

Достаточно много, около 6 % от общего количества осужденных в рамках приказа, было «изъято» лиц без определенных занятий (т.е. не работавших в колхозах и на промышленных предприятиях, а зарабатывавших на жизнь охотничьим и рыболовным промыслом, заготовкой дров и т.д.), а также крестьян-единоличников (4,7 %). Практически все они (98,4 % от попавших в выборку) проходят по материалам следствия как имевшие «кулацкое» происхождение.

Служители религиозного культа, составившие 3,3 % от числа осужденных тройкой, также представляли отдельную целевую группу приказа № 00447⁹³. Среди осужденных алтайской тройкой (из числа попавших в выборку) были служители православной церкви, старообрядцы и баптисты. Процент расстрельных приговоров в данной социальной группе значительно превышает средний процент приговоров к ВМН в рамках операции по приказу № 00447 – 65 % против 45,4 %.

Самый большой процент расстрельных приговоров был вынесен в рамках операции в отношении представителей последней из указанных в приказе № 00447 целевых групп – уголовников, находящихся в заключении. В выборку попали трое заключенных Сиблага НКВД, являвшиеся рецидивистами и в прошлом имевшие судимости за особо тяжкие преступления (ст. 58 УК, ст. 59 – бандитизм, ст. 164 – хранение и продажа похищенного огнестрельного оружия), все трое были приговорены к ВМН⁹⁴.

⁹³ Массовые репрессии против служителей церкви начались еще до выхода приказа № 00447, когда 27 марта 1937 г. НКВД СССР разослал в местные управления циркуляр № 23 об усилении работы по церковникам и сектантам, главная цель заключалась в ограничении влияния церкви на население в преддверии предстоящих выборов. См., например: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938. М., 2009; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы /Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004.

⁹⁴ Данные базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК) полностью подтверждают самый большой

Расстрельные приговоры в отношении представителей других социальных групп (агротехнических и медицинских работников, руководителей), число которых также значительно превышает средний процент приговоров к ВМН, вынесенных в рамках операции, связаны в основном с «темными» фактами биографии осужденных. Например, директор Троицкого шпалозавода Д.Г. Третьяков был «сыном кулака, расстрелянного за контрреволюционную деятельность»⁹⁵, начальник конторы Бийской опытно-селекционной станции С.А. Сонцев – «сыном помещика» и «поручиком армии Деникина»⁹⁶, врач Барнаульской баклаборатории А.Ф. Раевская – «дочерью попа»⁹⁷ и т.д.

Таблица 8

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по возрастным группам и мерам наказания**

Возрастная группа	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
16–20 лет	-	-	9	100	9	1,5
21–30 лет	35	33,3	70	66,7	105	17,2
31–40 лет	82	42,5	111	57,5	193	31,5
41–50 лет	84	48,8	88	51,2	172	28,1
51–60 лет	47	52,2	43	47,8	90	14,7
61–70 лет	27	69,2	12	30,8	39	6,4
Старше 70 лет	3	75	1	25	4	0,7
Всего	278	45,4	334	54,6	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

Возраст обвиняемых, как показывают данные таблицы 8, также имел определенное значение при определении меры наказания. Большинство осужденных – более 76 % – находились в самом трудоспособном возрасте от 20 до 50 лет. Чем старше был осужденный, тем меньше он мог принести пользы на «великих стройках коммунизма» и тем меньше у него было шансов выжить, поскольку

процент расстрельных приговоров в отношении данной социальной группы осужденных, согласно которым были расстреляны 43 из 44 заключенных Сиблага НКВД (или 97,7 %).

⁹⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8299. Л. 6.

⁹⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5670. Л. 8.

⁹⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4350/4. Л. 28.

системе было выгоднее избавиться от него. Поэтому процент приговоров к ВМН в старших возрастных группах был более высоким, чем среди лиц трудоспособного возраста (табл. 8).

Национальность осужденных была определяющим фактором при проведении «национальных» операций НКВД 1937–1938 гг. В рамках же приказа № 00447 она не имела столь важного значения, хотя одновременность проведения этих карательных акций несомненно сыграла свою роль и процент расстрельных приговоров в отношении «инонационалов» значительно превышает соответствующие показатели среди русских и украинцев. К тому же приказ № 00447 предусматривал репрессирование наряду с другими и такого контингента, как «наиболее враждебные и активные участники... фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований»⁹⁸.

Более 83 % осужденных по приказу № 00447 в Алтайском крае составили русские, почти 10 % – украинцы, 4 % – немцы (табл. 9). Большая часть репрессированных представителей иностранных для СССР национальностей были осуждены в рамках специальных «национальных операций», проводивших по «линейным приказам» НКВД⁹⁹.

Образовательный уровень осужденных при реализации «кулацкой» операции практически не принимался в расчет и не влиял на меру наказания. Более 62 % осужденных тройкой при УНКВД по Алтайскому краю в рамках приказа № 00447 были либо малограмотными, либо неграмотными (табл. 10). Поэтому говорить о направленности репрессий прежде всего против интеллигенции и высокообразованной элиты советского общества, как это делают некоторые исследователи¹⁰⁰, вряд ли возможно. А большое количество приговоров к ВМН среди лиц, имеющих высшее или среднее образование, в большинстве случаев не связано с уровнем их образования. Например, среди расстрелянных осужденных

⁹⁸ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». .. С. 85.

⁹⁹ См. об этом: Жданова Г. Д. Документы Архивного фонда Алтайского края как источник для изучения национальных операций НКВД СССР (1937–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 67–74.

¹⁰⁰ Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 38.3 (1979); Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review October (1993). С. 1029–1030.

Таблица 9

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по национальной принадлежности и мерам наказания**

Национальность	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Русские	211	41,3	300	58,7	511	83,5
Украинцы	34	56,7	26	43,3	60	9,8
Немцы	22	91,7	2	8,3	24	3,9
Казахи	1	50	1	50	2	0,3
Мордвины	1	100	-	-	1	0,16
Евреи	1	100	-	-	1	0,16
Удмурты	-	-	1	100	1	0,16
Буряты	-	-	1	100	1	0,16
Австрийцы	1	100	-	-	1	0,16
Венгры	1	100	-	-	1	0,16
Эстонцы	-	-	1	100	1	0,16
Нет сведений	6	75	2	25	8	1,3
Всего	278	45,4	334	64,6	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

Таблица 10

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по образовательному уровню и мерам наказания**

Образовательный уровень	ВМН		ИТЛ		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высшее	6	100	-	-	6	1,0
Среднее специальное	1	33,3	2	66,7	3	0,5
Среднее	10	66,7	5	33,3	15	2,4
Начальное	96	46,8	109	53,2	205	33,5
Малограмотные	134	42,7	180	57,3	314	51,3
Неграмотные	23	39,7	35	60,3	58	9,5
Нет сведений	8	72,7	3	27,3	11	1,8
Всего	278	45,4	334	54,5	612	100

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

с высшим образованием встречаем следующие фигуры, имевшие предосудительное, с точки зрения организаторов репрессий, «политическое прошлое»: бывший дворянин, при власти Колчака был членом окружного суда; бывший прапорщик царской армии; бывший анархист, служил в колчаковской армии; бывший помещик, был ранее, в 1921 г., судим за контрреволюционную деятельность. Среди имеющих среднее образование: по национальности венгр, бывший торговец; активный участник «монархического комитета по спасению семьи Романовых», действовавшего в 1918 г.; бывший военнослужащий царской армии, в 1933 г. судился по ст. 58 УК РСФСР; бывший эсер, служил в царской армии. Вряд ли при определении судьбы этих людей тройка обращала внимание на их образование.

Упрощенный порядок рассмотрения дел, оговаривавшийся приказом, не предусматривал тщательного разбирательства и собирания более или менее полной доказательной базы, что открывало перед чекистами самые широкие возможности в фальсификации обвинений. Подавляющему большинству арестованных были предъявлены обвинения в участии в контрреволюционных организациях (п.п. 2,11 ст. 58 УК) и/или антисоветской агитации (п. 10 ст. 58 УК) (табл.11).

При сопоставлении и анализе следственных дел и протоколов заседаний тройки обращает на себя внимание следующее. При арестах (справки на арест, постановления об избрании мер пресечения) обвинения в диверсионно-вредительской деятельности (п.п. 7, 9 ст. 58 УК) встречаются крайне редко (1,6 и 1,1 % соответственно).

В обвинительных же заключениях по делам и протоколах заседаний тройки обвинения в проведении вредительской диверсионной деятельности встречаются уже в 45,8 %, диверсионной – 15,4 %. Операция по приказу № 00447 в крае в ходе ее проведения все больше становилась борьбой с «вредителями» и «диверсантами». Если в октябре–ноябре 1937 г. ст. 58–7,9 УК встречается в 39,8 % обвинительных заключений, в декабре 1937 г. – в 51,9 %, то в марте 1938 г. – уже в 78,1 %. Видимо, алтайские чекисты особенно внимательно отнеслись к выполнению той части приказа, где говорится, что «эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных пре-

ступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности»¹⁰¹.

Таблица 11

**Распределение осужденных по приказу № 00447
по предъявленным обвинениям**

Предъявленное обвинение*	При аресте		При осуждении тройкой	
	Чел.	%	Чел.	%
Участие в к.р. организации, ставившей целью свержение существующего строя (ст. 58–2 УК)	367	60,0	401	65,5
Проведение к.р. организационной деятельности (ст. 58–11 УК)	366	59,8	376	61,4
Проведение антисоветской агитации (ст. 58–10 УК)	229	37,4	118	19,3
Проведение к.р. деятельности, направленной на подрыв гос. промышленности (ст. 58–7 УК)	10	1,6	280	45,8
Разрушение, повреждение с к.р. целью гос. имущества (диверсионная деятельность) (ст. 58–9 УК)	7	1,1	94	15,4

Источник: Жители Алтая, осужденные в 1919–1938 гг. по ст. 58 УК РСФСР / сост. Г.Д. Жданова: база данных.

*Осужденным могли предъявлять обвинение сразу по нескольким пунктам статьи 58.

Как отмечают исследователи, в разных регионах бывшего СССР ситуация с признаниями обвиняемыми своей вины в ходе следствия была различной. Например, составители сборника документов «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД», основываясь на архивных данных, отмечают, что «в Мордовской АССР 96 % прошедших через тройку советских граждан не дали признательных показаний о своей вредительской деятельности»¹⁰², что вызывало нарекания со стороны руководства НКВД

¹⁰¹ Оперативный приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР от 30 июля 1937 г. // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 84.

¹⁰² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти.

СССР. В Алтайском крае подавляющее число обвиняемых – 95,4 % – в ходе следствия свою вину признали полностью, что говорит о том, что следственные органы краевого УНКВД ставили своей целью неперемное получение в ходе следствия признательных показаний обвиняемых, а отсюда – широко и часто применяемые в крае пытки арестованных¹⁰³. Свою вину не признали – 2,9 %, признали частично – 1,6 % осужденных.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие основные выводы. В соответствии с приказом № 00447 в первую очередь были рассмотрены дела и вынесены приговоры в отношении осужденных по первой категории, т. е. «наиболее враждебных элементов», и в период с 5 августа до середины ноября 1937 г. приговоры к ВМН составляли в среднем порядка 63,2 %. В целом наибольшее число вынесенных тройкой при УНКВ по Алтайскому краю смертных приговоров, самые короткие сроки рассмотрения дел и приведения приговоров в исполнение приходится на ноябрь–декабрь 1937 г. Самыми же напряженными для тройки стали дни 8 декабря 1937 г. и 14 марта 1938 г., когда было вынесено соответственно 1285 и 1320 приговоров, что, впрочем, вполне объяснимо: тройка торопилась отчитаться перед Москвой о выполнении лимитов по приказу.

Анализ социальных групп осужденных по приказу № 00477, говорит о том, что жертвами приказа являлись, прежде всего, не элита советского общества, не интеллигенция и партийно-хозяйственные руководители, а самые что ни на есть рядовые граждане – члены колхозов и совхозов (52,8 %) и рабочие промышленных предприятий (19,5 %), из которых более 62 % были малограмотными или неграмотными. Вполне очевидна также «кулацкая» направленность приказа в крае: более 80 % осужденных тройкой в ходе проведения операции были отнесены к происходившим «из кулаков».

1937–1938 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 657, примеч. 74.

¹⁰³ Методы получения признательных показаний достаточно полно описал в своих работах алтайский краевед В.Ф. Гришаев. См., например: Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995; Он же. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004.

Террор не был слепым, поскольку шел тщательный отбор жертв. При вынесении приговоров и определении меры наказания тройкой учитывались, прежде всего, такие факторы, как социальное происхождение и политическое прошлое обвиняемого (служба в белой армии, участие в крестьянских выступлениях, членство в оппозиционных партиях), наличие у него в прошлом судимостей, национальность и возраст. Наиболее суровые приговоры ожидали: членов бывших оппозиционных партий (расстреляны 100 %); имеющих «чуждое» социальное происхождение (из дворян, священнослужителей) (в среднем расстреляны 96 %); представителей иностранных для России национальностей (расстреляны более 82 %); лиц в возрасте старше 70 лет (расстреляны 75 %); ранее судимых за «контрреволюционные» преступления (расстреляны более 73 %); бывших участников крестьянских восстаний, «карателей» и военнослужащих белой армии (в среднем расстреляны более 69 %). Приказ № 00447 стал, таким образом, прежде всего чисткой общества от разного рода неблагонадежных элементов – выходцев из «социально-чуждой среды» и имевших «темное» политическое прошлое.

В целом в процессе проведения операции алтайские чекисты точно и четко следовали указаниям Москвы и приказу НКВД. Однако реализация приказа в Алтайском крае имела и свои особенности. Как известно, основной целью были «бывшие кулаки и уголовники», возвращавшиеся из ссылки и становившиеся инициаторами «многочисленных преступлений и диверсионных актов». Вместе с тем, в разных регионах основными целевыми группами операции становились не кулаки, а другие категории «врагов». Например, в ходе проведения операции на Украине «бывшие кулаки» среди репрессированных составили 48,6 %¹⁰⁴. В Ярославской области на первом месте в рамках реализации приказа № 00447 стояла борьба с преступностью, и уголовники составили 39,4 % от общего числа репрессированных¹⁰⁵. На Алтае операция стала действительно «кулацкой»: лица с социальным происхождением «из кулаков» составили около 80% от общего числа осужденных тройкой.

¹⁰⁴ Никольский В.Н. «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции... С. 825.

¹⁰⁵ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 237.

В ходе следственных мероприятий, проводимых в рамках приказа УНКВД по Алтайскому краю, только 4,5 % обвиняемых либо совсем не признали своей вины, либо признали ее частично. Более 95 % обвиняемых свою вину «признали», что говорит о соответствующих методах ведения следствия алтайскими чекистами, целью которых было неременное получение признательных показаний обвиняемых.

К особенностям проведения операции по приказу № 00447 в Алтайском крае следует отнести и проведение ее параллельно с другой крупной операцией – по делу контрреволюционной эсеровско-монархической организации (РОВОС). Статистический анализ хода операции по приказу № 00447 показывает, что осуждение алтайской тройкой по делу РОВОСа происходило в основном в рамках лимитов, выделяемых в рамках операции.

Раздел 2

РОЛЬ ОРГАНОВ НКВД И ПРОКУРАТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ПРИКАЗУ № 00447

А.Г. Тепляков

ЧЕКИСТЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В «КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ»

Говоря о предпосылках той грандиозной репрессивной кампании, которая известна под именем «кулацкой операции» 1937–1938 гг., крайне важно подчеркнуть преемственность этой массовой акции со всей прошлой политикой ВЧК-ОГПУ-НКВД, ибо в агентурно-оперативной работе «органов» с самого начала их деятельности главенствовали методы широкого террора и нестеснительной провокации. Основатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, уверенный в том, что для защиты революции должен действовать принцип «цель оправдывает средства», создал – при согласии партийной верхушки – мощный «передовой отряд коммунистической партии», осуществлявший диктатуру политической полиции для подавления не столько явных врагов режима, сколько искоренения всяческого инакомыслия. Чекистская диктатура как воплощение принципа «чекизма» (широчайшего распространения влияния «органов» на все стороны жизни государства при вседозволенности сотрудников ВЧК-НКВД) основывалась на широком доносительстве, столь же широкой агентурной провокации и беспощадных расправах с причастными и не причастными к любому, даже потенциальному сопротивлению. В системе чекистского «правосудия» виновный назначался в соответствии с политической конъюнктурой, а также личными пожеланиями правящей номенклатуры, когда власть желала и могла отнять у любого его жизнь, свободу, право мысли и критики, имущество... . Разветвлённая, постоянно росшая и усложнявшаяся чекистская машина в своей работе основывалась на элементах, которые легко можно выделить из формулировок ведомственных награждений 1920–1930-х гг.: «преданность делу пролетарской революции» (поощрение исполнителей), «выполнение специальных заданий правительства» (готовность к любым поручени-

ям, вплоть до массовых казней) и «беспощадная борьба с контрреволюцией» (упор на репрессии без границ и берегов).

Обстановка постоянных военных действий на внутренних и внешних фронтах способствовала постоянному пополнению органов ВЧК-ОГПУ-НКВД людьми с реальным боевым опытом: бывшими партизанами, чоновцами, вохровцами, пограничниками, милиционерами. Такие кадры особенно легко включались в осуществление самых острых агентурно-оперативных мероприятий, воспринимая как норму и максимально репрессивный в своей сути принцип массовых операций¹ против «врагов», и провокационные методы работы, и беспощадные расправы со всеми, кто объявлен врагами народа.

Всемерно поощряемое и «массовидное», по ленинскому выражению, террористическое уничтожение представителей враждебных классов и социальных групп легче всего было осуществлять с помощью придуманных заговоров. Методы так называемых массовых операций, сопровождавшихся быстрым истреблением тысяч и десятков тысяч «врагов», хорошо видны на примере «расказачивания» на Дону (1919 г.) и во время бойни в Крыму (конец 1920 – начало 1921 гг.)². Сибирь, испытывавшая жестокий удар краснопартизанского террора ещё в 1918–1919 гг., затем была охвачена масштабными социальными чистками, проводившимися чекистами, милицией, внутренними войсками, бывшими партизанами и комячейками до 1922 г. включительно во многих районах края. Кампании по истреблению как политических врагов, так и уголовников, повсеместно проводившиеся сибирскими чекистами в 1920-х и начале 1930-х гг., стали достойной подготовкой к террору 1937–1938 гг.

На территории Алтайского края с 1918 г. шло ожесточённое противостояние власти с населением, выливавшееся в массовые карательные акции. Враждебность населения коммунисты отмечали

¹ Тепляков А.Г. Массовые операции ВЧК-МГБ 1920–1950-х гг. как инструмент политического террора // Репрессированная сибирская провинция: материалы регионального научно-практического семинара. Новосибирск, 28–29 октября 2013 г. Новосибирск, 2013. С. 14–19.

² Как писал в мае 1919 г. секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому находившийся на Дону А.Г. Белобородов: «Основное правило поведения при расправе с к[онтр]рев[олюцией]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу». См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 95.

сразу после восстановления большевистской власти, весной 1921 г. характеризуя основную часть жителей как «кулаческое крестьянство»³. На весну 1920 г. официальная цифра населения губернии составляла 2 774 тыс. чел., в т. ч. 155,6 тыс. горожан⁴. Председатель Алтайской губЧК Х.П. Щербак на совещании руководящих партработников губернии утверждал в декабре 1920 г., что с первых дней существования советской власти «определенного антисоветского элемента эсеров и др. контр-революционеров насчитывалось 25 тысяч человек, отдельными группами, в разных местах. К настоящему времени раскрыты и за контр-революционную деятельность разстреляно 10 тысяч». При этом Щербак заверял: «Опасности в смысле открытого выступления против Совет. власти от своего имени, от них ожидать нельзя. <...> Контрреволюция по поводу обременительных налогов... нам не опасна...», ибо тревожит только имущую часть населения⁵. В совершенно фантастической цифре в 25 тыс. организованных врагов советской власти и уничтожении 40% от неё видно яростное стремление осуществить глобальную социальную чистку от сторонников белой власти и зажиточных хозяев. Но как раз невероятная жестокость власти, надевавшейся, что годичного террора хватит для парализации воли к сопротивлению, и наложившаяся на беспощадное «выкачивание» продовольствия методом продразвёрстки, вызвала в 1920–1921 г. крупные антикоммунистические мятежи. Следует добавить, что к потерям населения губернии необходимо причислить 4 тыс. участников антикоммунистических восстаний Плотникова, Рогова и др., убитых к июлю 1920 г. в боях с войсками ВЧК и отнесённых полпредом ВЧК по Сибири И.П. Павлуновским к бывшим красным партизанам⁶.

Чекисты не стеснялись криминала в расправах с «врагами», широко используя прямые бессудные расправы. Завотделом губкома РКП (б) П.Г. Канцелярский в декабре 1921 г. отмечал, что сотрудник секретно-оперативного отдела Алтайской губЧК Кудимов – известный в губернии красный бандит, за которым, помимо уголовного прошлого, числится 57 убитых⁷. Не меньший ужас на населе-

³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 250. Л. 43.

⁴ Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917–март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. С. 365.

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 143. Л. 27, 27 об.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 41.

⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 463. Л.25, 27, 40.

ние наводил и повсеместный террор волостных и сельских коммунистических ячеек, состоявших из бывших партизан и продолжавших беспощадные социальные чистки в отношении как-либо причастных к белой власти. Так, Огнёвская партийная ячейка в Бийском уезде в 1920 г. расстреляла 200 чел., другая ячейка – 70 чел., некоторые – по 10–20 чел.⁸ В следующем году низовой красnobандитский террор оставался сопоставим по масштабам со стихийными чистками 1920 г.: секретарь Алтгубкома РКП(б) Я.Р. Елькович в августе 1921 г. отмечал, что самочинные расправы со стороны комячеек достигли «чрезвычайно больших размеров», а глава губисполкома Е.В. Полудов заявил, что в одной из волостей «было убито в течение зимы до 400 человек... красный бандитизм в ряде случаев поощрялся очень ответственными работниками»⁹.

В нэповский период репрессии в Сибири также были очень заметными. Например, в 1923 г. в Алтайской губернии была разгромлена «эсеров-кулацкая организация», которой работниками ГПУ вменялись: 1) захват низовых кооперативов и торможение их борьбы с частными торговцами; 2) ведение антианалоговой агитации; 3) помощь кулачеству в борьбе с мероприятиями советской власти. Чекисты сообщали, что «участие в организации принимал опытный эсер Взоров, бывший член Самарской учредилки»¹⁰. В одном Бийском уезде, по данным ГПУ, за 1923 г. аппарат уездного уполномоченного Алтгуботдела ГПУ за 1923 г. арестовал 419 чел., в том числе 172 – за контрреволюцию, 7 – за шпионаж, 85 чел. – за бандитизм¹¹. Когда Сибирский край был объявлен «неблагополучным по бандитизму», то в конце 1925 – начале 1926 гг. во внесудебном порядке особая двойка полпредства ОГПУ по Сибкраю приговорила к расстрелу более тысячи человек, обвинённых в бандитизме, причем три четверти из них оказались не бандитами, а «прочим»

⁸ Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма»... С. 351.

⁹ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 165.

¹⁰ Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК-ОГПУ. М., 2012. С. 196, 197.

¹¹ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 145.

уголовным элементом, совершившим, как правило, менее тяжкие преступления (укрывательство, грабежи, воровство)¹².

Начало «великого перелома» означало настоящую войну с народом, в которой чекисты применяли опробованные в годы Гражданской войны методы массовых операций, опиравшиеся на внесудебные осуждения с помощью специальной тройки при полпредстве ОГПУ по Сибкраю-ЗапСибкраю. В 1930 г. в Западной Сибири тройкой при полпредстве ОГПУ было осуждено 16 553 чел., в т. ч. 4 762 (28,8%) – к расстрелу. В 1931 г. тройка осудила 12 070 жителей края, в т. ч. 1 378 (11,4%) – к ВМН¹³. Затем, как указывали руководящие прокурорские работники, «перегиб» с массовыми расстрелами по приговору троек «социально близких» послужил весной 1931 г. причиной изъятия из троек дел, по которым могла быть назначена высшая мера наказания¹⁴. В результате за 1932 г., согласно официальной статистике, число расстрелянных многократно уменьшилось – до 44 чел. Репрессивные удары 1930 и 1931 гг. сломили крестьянское сопротивление, однако после относительной паузы в течение 1932 г. органы ОГПУ, выполняя задание Сталина, снова обрушили на страну мощный карательный удар, основная сила которого пришлась на декабрь 1932 г. и первые месяцы 1933 г. Сибирь оказалась в числе наиболее сильно затронутых террором регионов – в апреле 1933 г. тройка ПП ОГПУ по ЗСК приговорила к расстрелу 976 участников так называемого «заговора в сельском хозяйстве», причём 327 чел. из них были казнены в течение одной ночи 37 работниками Барнаульского оперсектора ОГПУ¹⁵.

В первой половине 1930-х годов в крае также проводились «массовые операции», связанные с арестами тысяч так называемых «держателей валюты» и «укрывателей ценностей», сотен советских немцев, ойротов, а также широкие внесудебные репрессии в отношении криминальных и околोकриминальных элементов. Например, за 1934 г. тройкой полпредства ОГПУ по ЗСК было осуждено 8 322

¹² Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири... С. 201–202.

¹³ Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М., 2005. С. 424.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1074. Л. 16 об.

¹⁵ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 94; ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-4651. Т. 42. Л. 8–14.

чел. из числа «социально-вредных элементов»¹⁶. В связи с этим можно говорить о постоянно поддерживаемой традиции проведения «массовых операций» в сибирском регионе, опиравшейся на внесудебные осуждения десятков тысяч как «политических» врагов режима, так и криминальных элементов. Крайняя жестокость репрессий на Алтае этого периода подтверждается множеством документальных свидетельств. Например, в 1934 г. были осуждены работники Старо-Бардинского райаппарата ОГПУ, избивавшие, мародёрствовавшие и издевавшиеся над гражданами, которые подозревались в укрывательстве ценностей. В конце 1934 г. в УНКВД по ЗСК имелись сведения об избииении арестованных в Шипуновском райотделе НКВД и присвоении чекистами их вещей¹⁷.

Хотя летом 1934 г. тройка ПП ОГПУ ЗСК была упразднена, официальная судебная система ежегодно «пропускала» тысячи невинно арестованных по ст. 58 УК РСФСР, отфильтровывая лишь небольшую часть сфабрикованных чекистами дел. Согласно данным УНКВД по ЗСК, с 20 декабря 1935 г. по 20 апреля 1936 г. по краю было расследовано более 1 100 «контрреволюционных» дел на 2 470 чел. (по мнению краевого прокурора И.И. Баркова, чекисты заметно занизили эти цифры), причём сами работники НКВД прекратили многие дела и освободили 9,5% привлечённых. Из оставшихся дел прокуратура прекратила следствие ещё на 6,7% арестованных. В первом квартале 1936 г. прокуроры ещё взыскательнее подошли к делам УГБ, возвратив 24,3% их на доследование и 7% – прекратив совершенно¹⁸.

Сибирский регион в течение 1920–1930-х годов был в определённой степени полигоном для настройки репрессивного механизма. В Сибири долгое время действовали внеконституционные органы управления, организовывались масштабная политическая ссылка и массовые внесудебные расправы с целью противодействия восстаниям и уголовно-политическому бандитизму, широким образом опробовались (в ходе известной командировки И.В. Сталина) методы полицейского нажима на крестьянство, затем распростра-

¹⁶ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 339–345, 399.

¹⁷ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 394–395; Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М., 2009. С. 109–110.

¹⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 227. Л. 81–82.

нённые на весь СССР¹⁹. Эта характеристика актуальна и для эпохи 1930-х годов. Западно-Сибирский край летом 1937 г. стал стартовой площадкой для сталинского руководства по организации широкой чистки страны от потенциальной «пятой колонны»²⁰. Лимитные репрессии в отношении «кулаков» здесь шли параллельно с ликвидацией гигантского безлимитного «ровсовского заговора», что фактически вдвое увеличило число осуждённых по приказу № 00447 на его огромной территории. Национальные чистки в ЗСК также отличались исключительно большим размахом и крайней жестокостью.

Оценивая репрессивную политику в сибирском регионе 1930-х годов, можно видеть, что она в целом соответствовала общесоюзной. Но были и свои региональные особенности. В связи с очень большой политической и крестьянской ссылкой, высылками родственников тех, кто был репрессирован, огромной системой концлагерей, наличием компактных мест проживания национальных меньшинств, подвергшихся особенно истребительному террору, можно сказать, что население Сибири (а также Урала и Дальнего Востока – территорий со сходными тенденциями в карательной политике) теснее соприкасалось с деятельностью органов ОГПУ-НКВД, чем в целом по стране, и пострадало от них в значительно большей степени.

Начальство органов госбезопасности предельно откровенно требовало от сотрудников слепого послушания под страхом жестокого наказания. На одном из оперсовещаний начала 1930-х гг. многолетний председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий заявил следующее: «Вы знаете, что аппарат ГПУ этот тот орган, который должен безоговорочно выполнять волю Центрального Комитета партии, которая передается через его Председателя. Если я прикажу стрелять в толпу независимо от того, кто бы там ни был – откажетесь – расстреляю всех – нужно безоговорочно выполнять мою волю»²¹. Реальные полномочия региональных полпредов ОГПУ – начальников УНКВД в части распоряжения персоналом и репрес-

¹⁹ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»... С. 13.

²⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 644.

²¹ Сидак В.С., Козенюк В.А. Революцию назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб. Киев, 2004. С. 97.

сирования неугодных были огромны. Вместе с тем чекистское начальство могло выводить из-под обязательных так называемых спецпроверок своих приближённых, закрывая глаза на их анкетное неблагополучие или причастность к различным криминальным делам²².

Известные факты многочисленных жесточайших массовых расправ над заключёнными и приговорёнными к расстрелу позволяют сделать предположение о распространённости откровенного садизма со стороны многих чекистов. Удивительного в этом нет: быстрое строительство в 1930-е годы огромных по численности репрессивных органов наполняло их лицами, по существу, с криминальным опытом: теми, кто был ранее изгнан из ЧК-ОГПУ за различные злоупотребления и преступления, включая провокационные методы агентурно-оперативной работы и нарушения законности при допросах; а также теми, кто был фактически сослан из центральных регионов в Сибирь за какие-либо прегрешения. Например, значительную роль в «кулацкой операции» сыграл начальник Барнаульского оперсектора НКВД К.С. Жуков, известный закавказский чекист, осуждённый в 1929 г. за участие в незаконном расстреле бакинского рабочего Р. Султанова²³. На должности районных уполномоченных охотно брали чекистов, уволенных ранее из ОГПУ (например, А.П. Бениха, Г.А. Линке и др.), выдвигали технических работников, вроде Ф.Г. Добытина, получившего в начале 1930 г. должность райуполномоченного в Уч-Пристанском районе Бийского округа и вскоре поднявшего «кулацкое восстание». Среди начальствующего состава НКВД середины и второй половины 1930-х гг. преобладали лица, поступившие в карательную систему ещё в 1918–1922 гг., когда чекисты повсюду действовали практически бесконтрольно, широко применяя откровенно преступные методы борьбы с политическими противниками, основанные на провокациях и бессудных расправах. Оторванность удалённых местных органов от контролирующих инстанций нередко позволяла им продолжительное время действовать произвольно, не оглядываясь даже на ведомственные ограничения.

Почти все дела фабриковались с помощью специально подготовленной агентуры, ориентированной на проведение беспардон-

²² См.: Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. Харків, 2007.

²³ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1602.

ной провокационной деятельности. Из материалов следственных и реабилитационных производств хорошо видно, как в каком-либо учреждении, селе появлялся человек, часто приезжий, выдававший себя за организатора или активного участника подпольной организации, который вёл вербовочную работу, стараясь встретиться с возможно большим количеством скомпрометированных с точки зрения чекистов лиц (а также и совершенно посторонними – для расширения круга репрессируемых). Затем он исчезал и в материалах следственного дела часто не видно никаких сведений о его розыске или поимке. В других случаях явный провокатор числился арестованным либо свидетелем и давал разоблачительные показания, после чего его судьба была двоякой: либо этот центральный агент бесследно исчезал из данного дела под предлогом оформления на него нового следственного производства, либо осуждался с теми, кого оговорил как заговорщиков в рамках постоянных чисток «отработанной агентуры»²⁴.

О провокационной основе чекистской работы говорят и откровенные признания видных работников ОГПУ-НКВД, и официальные оценки деятельности чекистов из их личных дел. Из показаний бывшего начальника секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по ЗСК И.А. Жабрева следует, что (как и в центральном аппарате ОГПУ) в среде сибирских чекистов первой половины 1930-х годов «было пущено крылатое выражение “соцзаказ”. Под этим “соцзаказом” разумелось проведение заведомо фальсифицированных дел в зависимости от политической обстановки. <...> По агентурной разработке по указанию быв[шего] ПП ОГПУ [Н. Н.] Алексева готовился провокационный налёт на политотдел <...> Налёта не было только потому, что Алексеев испугался размера провокационных действий в агентурных разработках и следствии...». Далее Жабрев пояснял, что налёт готовился Барнаульским оперсектором ОГПУ с целью доказать факт «покушения» на начальника политотдела Калманской МТС К.В. Рыневича²⁵. Показательно, что сменивший Алексева новый начальник УНКВД В.А. Каруцкий, отметив участие Жабрева в провокациях, оставил его в качестве начальника СПО – главного подразделения полити-

²⁴ Тепляков А.Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 101–115.

²⁵ Архив УФСБ НСО. Д. П-10390. Л. 187.

ческого сыска. Ведомственная аттестация Каруцким от 20 августа 1935 г. начальника СПО Жабрева, в частности, сообщала: «В прошлом допустил в работе ряд крупных оперативных ошибок. В уборочную и заготовительную кампанию 1934 года не сумел организовать своевременной сигнализации о деятельности классового врага, организовавшего сопротивление уборке... Выявлено много ошибок в расстановке агентурных сил, большая засоренность агентурного аппарата, неправильное воспитание агентуры [в] направлении недопустимой “активизации”, элементы провокации в ряде дел. Сейчас тов. ЖАБРЕВ эти недочеты осознал и действительно берется за исправление ошибок и перестройку работы»²⁶.

Данные факты наглядно говорят о том, что к 1937 г. в арсенале чекистов и милиции давно уже имелись все те специфические методы, с помощью которых они стремительно фабриковали крупные дела. Сотрудники карательной системы изначально были ориентированы на уничтожение «врагов народа», так что криминальная сторона их деятельности – результат сознательного воспитания. Ведя следствие, чекисты опирались на признания арестованных, поэтому для их «внутрикамерной обработки» – с целью принуждения к необходимым показаниям – создавались специальные группы из подготовленных агентов-provokаторов. Так, в июле 1930 г. руководство полпредства ОГПУ по Сибкраю, решив вопрос о начале ликвидации агентурной разработки «Чёрные» (в её рамках по ложным обвинениям в вооружённом «заговоре» было репрессировано до 300 крестьян), потребовало от начальника Каменского окротдела ОГПУ «тщательно проработать вопрос о рассадке арестованных и обеспечения камер надёжным осведомлением», для чего «одновременно с арестом лиц, проходящих по разработке, необходимо арестовать и [агентурное] осведомление, связанное с ними». Все наиболее активные фигуранты, а также осведомители должны были быть препровождены в тюрьму окротдела «для рассадки по заранее подготовленным камерам». Также чекисты обязывались, не выезжая из сёл, сразу затребовать и получить от сельсоветов «исчерпывающие справки о социально-имущественном положении» арестованных²⁷.

²⁶ Архив УСБ Украины по Хмельницкой обл. ЛД № 2833 на И.А. Жабрева. Т. 2. Л. 19–19 об.

²⁷ Архив УФСБ НСО. Д. П-17386. Т. 7. Л. 535–546.

О фальсификации справок сельсоветов в 1933 г. оперуполномоченным СПО Барнаульского оперсектора ОГПУ В.А. Барышевым, который представлял в качестве «кулаков» арестованных середняков и бедняков, дал показания в 1960 г. бывший алтайский чекист М.А. Клеймёнов, дезертировавший из ОГПУ в августе 1933 г.²⁸ В 1937–1938 гг. известные всем чекистам рецепты фальсификации социального происхождения и провокационного шантажно-пыточного следствия использовались в небывалых масштабах. Для чекистов 1930-х годов было очевидно, что лица, учитываемые в ОГПУ-НКВД как враждебные и социально-чуждые элементы, являются непосредственной угрозой безопасности государства и для истребления их годятся любые способы. Всякий арестованный считался врагом исходя из самого факта его задержания по принципу «органы не ошибаются». Также чекисты старались непременно осудить всякого, кто долго пробыл в заключении, понял преступные методы чекистской работы и стал свидетелем невыносимых условий, создававшихся в тюрьмах для арестованных.

Помимо прямого «социального заказа» на репрессии в чекистской среде следует иметь в виду деформированную психологию работников политической полиции, основывавшуюся как на профессиональной шпиономании, так и на информации о большом недовольстве народа политикой властей, действительных фактах сопротивления режиму, распространении повсеместной антиправительственной агитации. Чекисты знали, что противников коммунистической власти много и были уверены в том, что в случае восстания к нему примкнёт впечатляющее количество критиков режима.

Опубликованные показания секретаря начальника УНКВД по Алтайскому краю М.Л. Шорра²⁹ дают объективную информацию о нацеленности руководства управления на массовые репрессии и поощрение соревнования начальников РО НКВД по количеству арестованных. Обнародованные в последние годы показания чекистов Алтая указывают на массовую внутрикамерную обработку заключённых (уговоры, шантаж, избиения) агентами-«наседками», а

²⁸ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 513–514.

²⁹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / Сост., вступит. статья и комм. А.И. Савина. Новосибирск; СПб., 2006. С. 432–433.

также корректировку протоколов в сторону усиления вины арестованных чекистами-начальниками³⁰.

С осени 1936 г. в Западной Сибири очень активно разворачивались репрессии, усиливаясь с каждым месяцем. Как писал после ареста бывший начальник УНКВД ЗСК С.Н. Миронов, он, прибыв в Новосибирск, где до него репрессиями руководили В.М. Курский и его заместитель А.И. Успенский, примерно в декабре 1936 г. обнаружил «...482 человека арестованных не известно по каким причинам, не было даже протоколов, оформляющих их задержание. Из устного и личного заявления каждого из арестованных я установил, что все они не допрашивались от 4 до 6–7 месяцев и обвинения никому из них не предъявлено, никто из них не знает – за что арестован»³¹. Миронов в первой половине 1937 г. самым активным образом включился в кампанию террора, арестовывая с каждым месяцем всё большее количество не только так называемых «бывших», но и представителей партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, а также военных и самих чекистов.

Летом 1937 г., по итогам июньского пленума ЦК ВКП(б), НКВД получил прямое указание полностью уничтожить базу для потенциальной «пятой колонны». Политбюро ЦК ВКП (б) приняло 28 июня 1937 г. – в день окончания июньского пленума ЦК, на котором НКВД фактически получил чрезвычайные полномочия – специальное решение «О вскрытой в Зап. Сибири к-р. повстанческой организации среди высланных кулаков», постановив создать для ускоренного рассмотрения следственных дел на «повстанцев» из РОВС тройку в составе начальника УНКВД, крайпрокурора и первого секретаря крайкома ВКП(б). Начальник УНКВД Запсибкрая комиссар госбезопасности 3-го ранга С. Н. Миронов уже 8 июля отправил шифровку в Москву, где указал, что по 110 городам и районам, а также 20 железнодорожным станциям края было учтено 25 960 чел., подлежащих репрессированию, из которых «кулаки» составляли 57,2%. Расстрелу подлежало 6 642 «кулака» (44,7% всех «кулаков») и 4 282 уголовника (38,5%), заключению в ИТЛ – 8 201 «кулак» и 6 835 уголовников. Начальник УНКВД ЗСК заверял Н.И. Ежова, что он уже подготовил 10 новых тюремных помещений, рассчитанных на 9 тыс. чел., что охранять и конвоировать за-

³⁰ Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447: [сб. док.]. М.: 2010. С. 448–526.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 372. Л. 91.

ключённых будут, помимо милиции, небольшие группы комсомольцев, а в местах концентрации арестованных размещены гарнизоны войск НКВД. Для быстрейшего проведения следствия Миронов попросил разрешения в течение месяца использовать курсантов новосибирской межкраевой школы НКВД, «зачтя это в курс практических занятий». Что касается новых тюрем, то известно, что в г. Рубцовске бывшая казарма была переоборудована в тюремный барак на 400–450 чел.³²

Вернувшийся из Москвы с оперативного совещания местных начальников НКВД, проведённого Ежовым, Миронов уже 25 июля 1937 г. рассказал оперсоставу о решении ЦК ВКП (б) осуществить сплошные аресты всех лиц, учтённых в качестве антисоветского элемента, заявив, что для арестов достаточно одной агентурной сводки или просто каких-либо материалов о чуждом социальном облике. А руководящим работникам управления он отдельно сообщил о масштабах предстоящих расстрелов – от тысячи и более человек на большую часть оперсекторов НКВД. Сталинское решение о ликвидации всех «бывших» вызвало у основной части рядовых чекистов полное одобрение³³.

Как вспоминал оперработник А.М. Ничков, на оперативных совещаниях начальник УНКВД по Запсибкраю Г.Ф. Горбач, его заместители И.А. Мальцев и Д.Д. Гречухин, а также начальник контрразведывательного отдела (КРО) Ф.Н. Иванов разъясняли, что невидимая война уже началась и из империалистического лагеря в СССР идёт массовая засылка террористов, шпионов, диверсантов. В связи с этим необходимо арестовывать не только их, «но изолировать всю базу для этих формирований». Начальство утверждало: «Не может быть, чтобы кулак, бывший торговец, офицер, каратель не являлся антисоветской личностью. Арестовывайте их. Мы обязаны здоровый организм Советского государства очистить от этого наноса»³⁴. Влияние аналогичных установок прослеживается в заявлении рядового алтайского чекиста Н.Л. Баева в партийные инстанции: «Репрессированное кулачество, так называемый спецкон-

³² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 586; Тепляков А.Г. Машина террора... С. 274.

³³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 242. Л. 50; Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 254; Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 5. Томск, 1999. С. 110–111.

³⁴ Архив УФСБ НСО. Д. П-3593. Т. 2. Л. 480.

тингент, троцкисты, правые, эсеры <...> вся эта нечисть являлась базой иностранных разведок, в той или иной мере пакостила партии и советской власти»³⁵.

Чекисты осуществляли «кулацкую операцию» либо с энтузиазмом, в ожидании наград и карьерного роста, либо покоряясь атмосфере страха перед террором, царившей в НКВД. Поскольку чекистский аппарат традиционно формировался из идейных коммунистов, профсоюзно-комсомольских активистов и лиц из войск ОГПУ-НКВД, то все чекисты с юных лет находились в атмосфере насильственной ломки общества и были согласны с ней. Большая часть чекистов как под влиянием официальной пропаганды, так и в силу специфического воспитания внутри чекистского коллектива была убеждена в необходимости физической ликвидации «кулаков» и прочих чуждых элементов, а награды за усердное проведение террора воспринимала как должное.

Однако чем ниже был должностной уровень чекистов, тем чаще проявлялись колебания – но обычно только в методах, а не в целях. Работники, испытывавшие сомнения в обоснованности повального террора, подчинялись начальству под страхом неизбежных репрессий в случае обвинений в «саботаже» массовых операций (тем не менее, грозные обвинения в неудовлетворительной борьбе с «врагами» настигли немалое число сотрудников НКВД). Чекисты заставляли себя верить в правильность указаний начальства о массовых арестах и вымогательстве признательных показаний, часто доносили на колебавшихся коллег; какие-либо сомнения отбрасывались или заглушались алкоголем. С особенной жестокостью чекисты относились к арестованным «предателям» из собственных рядов. Колебания своего аппарата С.Н. Миронов пресекал с корнем, изгнав и арестовав неблагонадёжных и колебавшихся. Ещё весной 1937 г. Миронов по инициативе партийного руководства Ойротской АО заменил руководство местного НКВД. За недостаточное рвение в разоблачении «врагов народа» были сняты с должности начальник облуправления Г.А. Линке, начальники отделов Я.А. Пасынков и А.А. Романов. Линке убрали с оперативной работы, а Пасынков с Романовым, сделав нужные выводы, стали вскоре рьяными активистами террора³⁶.

³⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-5700. Т. 7. Л. 255.

³⁶ Без грифа «секретно». Сост. И.Н. Кузнецов. Новосибирск, 1997. С. 154; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 804. Л. 1.

Сотрудников, согласных на масштабные фальсификации, Миронов и другие начальники сибирских управлений НКВД выдвигали на руководящие должности, добивались выделения им наград и званий. Уже к концу сентября 1937 г. по УНКВД Запсибкрая, насчитывавшему порядка 1 000 оперативников, 12 чел. были награждены орденами, 24 – знаками «Почётный работник НКВД» и боевым оружием, 33 – досрочно повышены в звании. Работники НКВД делились на обласканных начальством многочисленных активистов, получавших награды, премии, а нередко и квартиры своих жертв, и остальных, находившихся под угрозой взысканий и прямых репрессий³⁷. Разумеется, и «неактивные» чекисты внесли свой немалый вклад в массовые чистки.

Уполномоченными ЦК ВКП(б) и НКВД по проведению террора стали именно начальники местных УНКВД. Эти лица получили возможность быстрого карьерного роста. Мироновские заместители и начальники отделов УНКВД по ЗСК – Г.Ф. Горбач, Д.Д. Гречухин, С.П. Попов – уже летом и осенью 1937 г., получив ордена, возглавили управления НКВД в Омске, Красноярске и Барнауле.

Массовая операция по приказу № 00447 в Алтайском крае была осуществлена сотрудниками управления НКВД, насчитывавшего к концу 1937 г. свыше 300 оперативных работников (до 100 чел. в Барнауле и от 200 до 250 в почти 70 районах)³⁸. Учитывая, что в рядовом районном отделе НКВД насчитывалось не более 3–4 оперативников, к массовым арестам и следствию привлекались фельдъегери, сотрудники милиции, бюро исправительных работ, пожарные, а также партийные активисты³⁹; в обысках порой участвовали и резиденты райотделов НКВД. С целью быстрого проведения следствия и приведения приговоров в исполнение на территории Алтая были образованы дополнительные территориальные подразделения – оперативные секторы краевого управления НКВД (Бар-

³⁷ ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 2. Л. 114; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995. С. 111.

³⁸ Рассчитано по списку получивших специальные звания работников УНКВД ЗСК от 22 марта 1936 г. См. Архив УВД по Харьковской обл. (сведения В.А. Золотарёва).

³⁹ Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С. 241, 243, 256; Этноконфессия в советском государстве... С. 478–481.

наульский, Бийский, Каменский, Рубцовский, Славгородский), упразднённые в конце 1938 г. Аппараты оперсекторов располагались в городах и курировали осуществление массовых операций в прилегавших районах (так, Барнаульский оперсектор «обслуживал» 14 районов, Бийский – 18). За счёт прикомандирования к оперсекторам работников РО НКВД, милиционеров и фельдъегерей численность сотрудников этих структур составляла десятки чел. Оперсекторы укреплялись за счёт присылки из УНКВД оперативных групп из опытных следователей. В связи с этим оперсекторы были настоящими фабриками по производству групповых дел. В тюрьмах оперсекторов производились и массовые расстрелы осуждённых⁴⁰.

Операция по приказу № 00447, будучи, в первую очередь, политической акцией, основывалась на согласованном взаимодействии партийно-советской власти (прежде всего, первого секретаря крайкома ВКП(б) Л. Н. Гусева, руководителей Барнаула М.М. Копылова, П.Р. Семенихина, И.Ф. Трелина, Бийска – Т.П. Бабич-Декая, краевых прокурорских работников Н.Я. Позднякова и Н.В. Смекалова) и органов госбезопасности. Главными организаторами террора стали начальники управления НКВД по ЗСК С.Н. Миронов и Г.Ф. Горбач, а также начальник УНКВД по Алткраю С.П. Попов, его помощники Е.П. Никольский и Г.Л. Биримбаум, начальники основных оперативных отделов Алтайского УНКВД К.С. Жуков, И.К. Лазарев, П.Р. Перминов, И.Я. Шутилин, И.Я. Юркин. Смогли отличиться в операции видные работники аппарата УНКВД по Алтайскому краю М.А. Васильев, В.А. Меринов, С.И. Миков, И.А. Розум, Т.К. Салтымаков, В.И. Смольников, С.Я. Труш, А.С. Черных и др. Подавляющее большинство начальников райотделов краевого УНКВД (И.У. Абрамович, А.Г. Агапов, И.Г. Бисярин, В.К. Буряк, А.В. Вирковский, М.А. Дятлов, В.А. Евтеев, Л.И. Иванов, В.П. Картушин, В.А. Кузнецов, И.Д. Кульгускин, А.П. Предвечный и пр.) и оперуполномоченных (Н.А. Антонов, Н.Л. Баев, Р.Л. Владимов, А.С. Воронин, К.С. Голов, Н.И. Калентьев, С.А. Касаткин,

⁴⁰ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно (к истории сталинских репрессий на Алтае). Барнаул, 1995. С. 27; Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004. С. 263; Архив УФСБ по НСО. Д. П-8125. Т. 4. Л. 189.

Ф.И. Перминов, В.М. Старосельников, К.А. Хуснутдинов и пр.) тоже очень активно участвовали в репрессиях. Проведение «кулацкой операции» обеспечивалось в первую очередь усилиями работников ведущих отделов: Секретно-политического и Контрразведывательного⁴¹. Огромную роль в проведении «кулацкой операции» сыграли и органы милиции во главе с начальником УРКМ УНКВД ЗСК А.К. Альтбергом и начальником УРКМ УНКВД по Алтайскому краю И.И. Вейнбергом, а также работниками на местах: А.Г. Агафоновым, М.С. Гоголиным, И.Л. Петровым, А.П. Пульциным, Феоктистовым и многими другими.

Костяк рядового оперсостава образца 1937 г. составляли молодые чекисты примерно 30-летнего возраста, пришедшие в ОГПУ на волне коллективизации. Они умели допрашивать с пристрастием, расстреливать и были в большинстве своём психологически готовы к любым репрессивным акциям. Рядовой оперативник КРО УНКВД по Алтайскому краю И.И. Виер-Ульянов уверял судей трибунала: «Я сам боролся с врагами народа, не одну сотню я арестовал и расстрелял этих врагов»⁴². А начальник Локтевского РО УНКВД по Алтайскому краю И.У. Абрамович на заседании райкома в 1938 г. заявил, что про него говорят, что за время работы в Краюшкинском РО НКВД «все руки его стали по локти в крови», и он обещает «показать себя с этой стороны и в Локтевском районе»⁴³.

Вместе с чекистами неподходящей национальности и соцпроисхождения в ходе «кулацкой операции» были изгнаны и репрессированы те сотрудники НКВД, кто выражал какие-либо сомнения в кампании массовых чисток либо не проявлял должной карательной активности. По инициативе райкома ВКП(б) за «пособничество врагам народа» был снят, а затем арестован и расстрелян начальник Залесовского РО УНКВД по Алтайскому краю Е.М. Долматов, который с начала «массовой операции» и до 20 сентября 1937 г. не завёл ни одного дела по «кулакам» и прочим контрреволюционным элементам. С начала 1936 г. в его отделе отсутствовали ликвидированные агентурные разработки и работа с негласным аппаратом: дел-формуляров оказалось всего 11 штук, причём во всех этих до-

⁴¹ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С. 188–190; Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С. 248.

⁴² Тепляков А.Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920 – 1930-х годах. М., 2007. С. 42.

⁴³ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 483.

сье агентурные материалы были старые⁴⁴. Был найден враг и среди пограничников, которые тоже активно участвовали в репрессиях: уполномоченного 28-го Ойротского погранотряда НКВД в Кош-Агачском районе Б.М. Горелика в сентябре 1937 г. арестовали и в следующем году расстреляли⁴⁵. Милиционера Павловского РО НКВД на Алтае А.Н. Агафонова арестовали по обвинению в саботаже за то, что он резко заявил начальству РО о фабрикации дел на крестьян, назвав массовую операцию «красным террором»⁶. К собственному «кулацкой операции» арестованных чекистов не присоединяли – они шли либо как одиночки, либо как «заговорщики», поставлявшие секретные сведения в различные шпионские группы.

Ответом на обстановку террора были нередкие самоубийства чекистов. Ещё весной 1937 г. застрелился помощник оперуполномоченного Барнаульского ГО УНКВД ЗСК П.С. Херов, бывший районный партработник⁴⁶. Оперативник СПО Ойротского облотдела НКВД Е.Ф. Камбалин покончил с собой 28 октября 1937 г., а врид начальника Благовещенского РО УНКВД по Алткраю М.Ф. Сейфулин застрелился весной 1938 г. именно из-за нежелания участвовать в репрессиях⁴⁷. Уклонение чекистов от работы могло маскироваться беспробудным пьянством, к которому начальство (само зачастую злоупотреблявшее алкоголем) относилось довольно спокойно, если чекист был способен исполнять свои обязанности. Активный оперработник Ойротского облуправления НКВД К.А. Хуснутдинов своё пьянство объяснял позднее именно желанием покинуть «органы»⁴⁸.

В годы террора часть чекистов была подвергнута судебному преследованию за бездеятельность и саботаж в борьбе с «врагами народа», причём факты халатности и пьянства преподносились в качестве сознательного вредительства и уклонения от работы. Ха-

⁴⁴ Тепляков А.Г. Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М., 2009. С. 548–549.

⁴⁵ Книга памяти жертв политических репрессий: Республика Алтай. Горно-Алтайск, 1996. С. 45–177.

⁴⁶ ГААК. Ф. П-10. Оп. 5. Д. 132. Л. 72; Оп. 14. Д. 190. Л. 20; Оп. 19. Д. 50. Л. 77; Оп. 20. Д. 129. Л. 26.

⁴⁷ Этноконфессия в советском государстве... С. 480; Тепляков А.Г. Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции... С. 549.

⁴⁸ Архив УФСБ по НСО. Д. П-4436. Т. 2. Л. 227.

рактарно, что при реабилитации оперработника Знаменского РО УНКВД Алткрая С.А. Касаткина военная прокуратура в качестве оправдательного обстоятельства отметила, что «несмотря на распитие спиртных напитков Касаткиным в сёлах Преображенском и Херсонском группа кулацких элементов была выявлена и осуждена», в связи с чем чекиста нельзя было обвинять в срыве оперативного задания из-за пьянства⁴⁹.

Аресты чекистов нередко производились публично, прямо на партсобраниях и оперативных совещаниях, что производило глубокое впечатление на всех остальных. На смену выбывшим было набрано пополнение из числа комсомольцев с производства и учёбы. Чистка управления от неблагонадёжного элемента в самый разгар следствия по многим тысячам «врагов» вызвала большие кадровые затруднения. В Барнауле штатным сотрудникам НКВД оказывали помощь курсанты, переброшенные из Алма-Атинской межкраевой школы НКВД. В аппараты УНКВД на целые месяцы прикомандировывались многочисленные оперработники районных отделений НКВД; в свою очередь, более опытные чекисты из Новосибирска, Барнаула и других городов периодически прикреплялись к тем или иным районным аппаратам⁵⁰.

В Алтайском крае, как и во всех регионах, в районы из УНКВД и оперсекторов поступали конкретные задания на аресты. Первоначальная «норма» арестованных на каждый район составляла не менее 100–200 чел. В декабре 1937 г. начальник УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попов дал начальнику Марушинского РО И.Г. Бисярину несколько дней на то, чтобы арестовать 200 «кулаков», отправив на помощь опербригаду из чекистов и милиционеров. Основная работа по поиску «кулаков» выпала аппаратам районных отделений НКВД, где на «антисоветский элемент» велись нередко многочисленные агентурные разработки. Начальник Змеиногорского РО УНКВД по ЗСК М.А. Дятлов 13 июля 1937 г. сообщал в крайком ВКП(б) об аресте 30 «врагов» по нескольким делам в первой половине 1937 г. Поэтому новая кампания для провинциальных чекистов была трудной лишь с чисто технической стороны. Осложняло для них ситуацию также требование руководства УНКВД вскрывать в первую очередь «контрреволюционные организации». Так, З.Ф. Дубоносов, будучи начальником одного из РО

⁴⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-2780. Л. 69.

⁵⁰ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 54, 59.

НКВД Алтайского края, сфабриковал дела на 92 «кулака»-одиночку, но все эти дела вернули с тройки и заставили оформить в «организацию»⁵¹.

Очень важными с точки зрения понимания причин арестов и алгоритма действий карательных органов на местах являются опубликованные в сборнике «Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447» (М., 2010) протоколы допросов бывших начальника отделения СПО УНКВД по Алткраю В.А. Меринова и начальника Алтайского РО НКВД Л.И. Иванова. Так, Иванов через 20 лет после окончания «кулацкой» операции дал подробную информацию о её проведении в непокорном с. Плешково Бийского района⁵². Заявление чекиста о том, что в Плешково проводились по указанию руководства Бийского РО НКВД аресты ранее судимых за контрреволюционные преступления, кулаков, лиц, плохо выполняющих госпоставки, лиц, не вступающих в колхозы и ведущих антиколхозные и антисоветские разговоры, проверяется и наглядно подтверждается фактами длительного конфликта религиозной части жителей села и властей, тянувшегося с конца 1920-х годов и неоднократно разрешавшегося репрессиями. В 1935 г. ситуация, с точки зрения руководства ЗСК, стала настолько неблагоприятной, что Р.И. Эйхе обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) за санкцией на проведение массовой депортации настроенной наиболее нонконформистски группы плешковцев и получил ее⁵³. Таким образом, в с. Плешково в 1937 г. чекисты осуществляли вполне целенаправленную и обоснованную с их точки зрения селекцию жертв, выбирая уже отмеченных клеймом осуждения, высылки, раскулачивания и т.п. Единственной крупной фальсификацией с их стороны стало объединение арестованных в «монархическую церковную организацию».

В других сельских районах чекисты действовали похожим образом, но обычно не концентрировались при проведении массовых арестов на каком-то отдельном селении (за исключением тех райо-

⁵¹ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 350; Архив УФСБ по НСО. Д. П-7520. Т. 2. Л. 201.

⁵² Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447... С. 592–596, 517–521.

⁵³ Савин А.И. Из истории сопротивления единоличного крестьянства Сибири массовой коллективизации // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 146–162.

нов, где после давних восстаний население в массе считалось неблагонадёжным, и бывшие мятежные селения подвергались настоящему опустошению).

Чтобы получить какие-либо компрометирующие материалы на арестованных, чекисты использовали своих многочисленных негласных агентов – районных чиновников, председателей и секретарей сельсоветов, председателей колхозов – которые по идеологическим или карьерным соображениям, из страха или по личным счётам давали требуемые показания или предоставляли необходимые компрометирующие справки и характеристики о социальном происхождении, имущественном положении, отношении к советской власти и т. п. «факты», роковые для обвиняемого. Разумеется, атмосфера страха перед всевластием ОГПУ-НКВД заставляла подписывать ложные документы и тех чиновников, которые не состояли в агентурной сети.

Документы говорят об активнейшей помощи чекистам со стороны председателей сельсоветов, которые, обычно под угрозой репрессий, поставляли в НКВД ложные данные о кулацком и уголовном прошлом множества арестованных крестьян⁵⁴. Среди этих чиновников попадались и бывшие работники госбезопасности. Работавший до весны 1937 г. помощником оперуполномоченного Марушинского РО УНКВД ЗСК С.Ф. Севриков был уволен за связь с «врагами народа», после чего занял должность председателя Ложкинского сельсовета Марушинского района. По указанию начальника РО НКВД И.Г. Бисярина Севриков составлял ложные справки-характеристики на арестованных «кулаков». Показательно, что к лету 1939 г. Севриков был уже помощником районного прокурора⁵⁵. Справки сельских советов являлись, как правило, неотъемлемой частью следственных дел жертв «кулацкой» операции и зачастую выполняли роль главной улики, предоставляя органам НКВД тенденциозные сведения о неблагоприятном социальном происхождении, имущественном положении, прежних судимостях, лишении избирательных прав, раскулачивании и т. п., узаконивая, таким образом, действия карательных органов.

⁵⁴ Кабацков А.Н. Штатный свидетель: источники рекрутирования и социальная роль в репрессиях по приказу № 00447 // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы межд. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. М., 2013. С. 444–452.

⁵⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-11776. Т. 1. Л. 32, 239–243.

В начале массовой операции на места во главе бригад следователей посылались ответственные работники УНКВД, чтобы придать ей должное ускорение и показать пример в следствии местным оперативникам. Как вспоминал оперативник Г.А. Скалыбердин, в Бийском оперсекторе НКВД начинающие чекисты сначала сочиняли по два–три листа протоколов в день, затем «нормы» возрастали⁵⁶. Требование признания вины со стороны жертв являлось обязательным. Помощник начальника КРО УНКВД по НСО И.И. Коннов разрешал своим подчинённым составлять протоколы о непризнании вины не более чем на 10% арестованных. Не признававших вину подследственных жестоко избивали, нередко до смерти: показания самих чекистов говорят, что в тюрьмах Новосибирска и Барнаула из всех кабинетов слышались крики истязаемых⁵⁷.

Самым активным образом в работе тройки и рассмотрении следственных дел участвовал первый секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Л.Н. Гусев, проявлявший инициативу в арестах и легко находивший общий язык с начальником УНКВД С.П. Поповым. Известно, например, что Гусев упрекнул барнаульских чекистов, сказав: «Почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят?»⁵⁸ Начальник СПО УНКВД по Алткраю П.Р. Перминов хвастался коллегам, что откорректированный им протокол допроса был «одобрен в крайкоме партии»⁵⁹.

В показаниях работника СПО УНКВД по Алткраю Т.К. Салтымакова говорилось: «Были случаи, когда без обвинительного заключения дела рассматривались на тройке, а потом дооформлялись <...> арестованные искусственно вязались между собой, так как оформлялись преимущественно групповые дела и пускались на тройку по 30–40 человек и больше <...> Повестки <...> [для заседаний тройки] писались и корректировались <...> главным образом [начальником отделения СПО К.Д.] Костроминим или зам. нач. отдела [И.Я.] Юркиным, пом. нач. отдела [И. Я.] Шутилиным. Ими давалась шапка, как тогда выражались, или окраска организа-

⁵⁶ Архив УФСБ по НСО. Д. П-6681. Т. 3. Л. 214–218.

⁵⁷ Архив УФСБ по НСО. Д. П-4421. Т. 5. Л. 422–423; Д. П-4457. Т. 3. Л. 110–110 об.; Д. П-8440. Л. 197; Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С. 44.

⁵⁸ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 450; Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С. 87.

⁵⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-10787. Л. 159. Характерно, что Л.Н. Гусев в 1943 г. был взят на службу в центральный аппарат НКГБ СССР.

ции, группы, и сюда подбирались дела. Повестка дня тройки являлась основным документом»⁶⁰.

Под сильнейшим чекистским давлением прокурорские работники оказывали непосредственную помощь органам НКВД в проведении операции, отчётливо видя при этом размах фальсификаций. В январе 1938 г. прокурор Алтайского края Н.Я. Поздняков сказал подчинённому: «По краю арестовано свыше 30 000 человек, но действительных преступников из них не более одного процента». Как отмечал начальник Отдела кадров краевого УНКВД А.Т. Степанов, на заседаниях тройки «...со стороны Позднякова были попытки повлиять на вынесение приговоров. Но Попов вместе с Гусевым, не считаясь с ним, определяли подсудимым высшую меру наказания. Об этом мне в циничном тоне передавал начальник 1-го спецотдела [М.И.] Данилов, секретарь тройки»⁶¹. Известно, что П.Р. Перминов и М.И. Данилов по указаниям С.П. Попова изготавливали фиктивные отчёты о якобы вскрытых «организациях» для отправки в Москву. Поскольку работники НКВД на местах повсеместно фальсифицировали сведения о социальном и национальном составе репрессированных, официальная статистика «массовых операций» не может считаться полностью достоверной⁶².

Масштабы чистки «социально-вредных элементов» (СВЭ) были близки к размаху чистки от «врагов народа» и проводились столь же преступными методами. Милиция работала, как и сотрудники УГБ: арестовывала людей по набору компрометирующих признаков, часть арестованных передавала «соседям»-чекистам для расстрела или осуждения на большой срок по ст. 58 УК, а других судила сама с помощью собственной тройки как СВЭ⁶³. Однако репрессии против опасных уголовников-рецидивистов, поймать и доказать вину которых было нелегко, являлись достаточно ограниченными. В ходе «Большого террора» власти с помощью привычных внесудебных мер предприняли попытку уничтожить не только политических врагов, но и организованную преступность заодно с её базой, «вычистив» возможно большее количество маргинальных

⁶⁰ Этноконфессия в советском государстве... С. 438–439.

⁶¹ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С. 182–183.

⁶² Тепляков А.Г. Машина террора... С. 257. О недостоверности общей статистики НКВД 1937–1938 гг. см.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. С. 568.

⁶³ Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С. 255.

элементов – бродяг, нищих, проституток, бывших заключённых. В 1937–1938 гг. в районы из сибирских управлений НКВД были спущены контрольные цифры на аресты уголовного и «социально-вредного элемента», что привело к массовым репрессиям в отношении законопослушных граждан⁶⁴.

Таким образом, в осуществлении «кулацкой операции» роль самого массового подразделения НКВД – милиции – оказалась огромной. Милиция, имевшая давний, с Гражданской войны, опыт участия в политических репрессиях, немедленно включилась в осуществление «Большого террора», интенсивно занимаясь как политизацией дел о хищениях, порче портретов вождей и т.п., так и максимальным расширением арестов тех, кого можно было подвести под ст. 35 УК РСФСР, допускавшую расправу над любым «социально-вредным элементом». Милицейские органы по всей стране были сильно криминализированы и компенсировали тяжесть работы и скудную оплату пьянством, фабрикацией дел, издевательством над арестованными, мародёрством и др. преступлениями. И руководящим работникам, и рядовому составу милиции постоянно приходилось участвовать в расстрелах осуждённых, как уголовных, так и политических. Как пишет П. Соломон, в 1929–1930 гг. уровень текучести кадров среди начальников раймилиций по СССР составлял 60%, а среди рядовых милиционеров – 100%. Только каждый четвёртый руководитель имел двухмесячную подготовку на курсах, их подчинённые обычно никакой спецподготовки не имели⁶⁵. Самоуправство было одним из самых распространённых преступлений: так, начальник Сорокинского РУМ ПП ОГПУ Запсибкрая Юрчук в 1934 г. находился под следствием «за расстрел бандитов»⁶⁶. Неудивительно, что эффективность расследований была низкой, хотя в современных публикациях, подготовленных ведомственными историками, можно встретить бездоказательные, основанные не на серьёзной статистике, а лишь нескольких примерах удачных задержаний и разоблачений бандитов, грабителей и

⁶⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-5380. Т. 1. Л. 97, 99; Д. П-18330. Л. 78, 82.

⁶⁵ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 123.

⁶⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 362. Л. 16; Д. 363. Л. 96; Оп. 7. Д. 579. Л. 537.

воров утверждения о том, что милиции ЗСК в начале 30-х годов якобы удалось «значительно снизить уровень преступности»⁶⁷.

В январе 1938 г. новосибирский облпрокурор И.И. Барков в письме в обком заявил, что «органы НКВД, в том числе и органы милиции, за этот период (т.е. с августа 1937 г.) проделали громадную работу по изоляции уголовных преступников»⁶⁸. Под уголовниками понимались и лица из маргинальной среды, не совершившие на момент ареста каких-либо преступлений, помимо проживания без документов.

Террор «кулацкой операции» обрушился на тысячи человек из числа деклассированных элементов и арестованных заодно с ними вполне законопослушных граждан. В областных и краевых управлениях РКМ определялись произвольные лимиты на аресты «социально-вредного» и уголовного элемента, которые доводились до местных начальников. А.П. Пульцин, возглавлявший Рубцовский райотдел милиции УНКВД по Алткраю, до ноября 1937 г. не проводил широких арестов, но затем получил в УРКМ указание о немедленном аресте 300 уголовников. На операцию был дан месяц. Выполняя лимит, Пульцин под видом уголовников организовал арест множества случайных лиц. Так, в ноябре 1937 г. двумя милиционерами был избит кладовщик А. Савин. С целью скрыть это преступление Пульцин приказал сфабриковать на Савина материалы о его якобы приводах в милицию, после чего тот был осуждён милицейской тройкой по ст. 35 УК на пять лет лагерей как «социально-вредный элемент». В числе арестованных милицией оказался и 12-летний мальчик Орлов, который был вместе с остальными отправлен в Барнаул и провёл под стражей несколько месяцев.

В осуждении Пульцина в 1938 г. главную роль сыграло его латышское происхождение, биография же этого персонажа наглядно характеризовала кадровые подходы руководства. Начальник Бирилюсского РАО А.П. Пульцин за активное участие в «ликвидации белой банды» священника М.Н. Уткина в июле 1929 г. был награждён браунингом и продвинулся по службе. До сентября 1934 г. он работал начальником Барабинского РУМ и Ленинского ГУМ ШП

⁶⁷ Суверов Е.В., Кузнецов Д.Е. Противодействие уголовной преступности сотрудниками милиции в Западной Сибири в начале 30-х гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического ин-та МВД России. 2012. № 2 (23). С. 105.

⁶⁸ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 65.

ОГПУ ЗСК, но был снят с работы за должностное преступление, исключён из партии как выходец из классово-чуждой семьи управляющего имением, выдававший себя за выходца из безземельных крестьян, и осуждён на 2,5 года заключения за развал работы гормилиции. Срок наказания был снижен до 1 года условно и с апреля 1937 г. по апрель 1938 г. Пульцин работал начальником Рубцовского РОМ НКВД, хотя был замечен в пьянстве. В 1938 г. он был арестован, осуждён на 10 лет как участник «шпионской организации» и реабилитирован в 1957 г.⁶⁹

С августа 1937 г. по февраль 1938 г. оперативник Павловского РОМ УНКВД по Алткраю А.Н. Агафонов оформил около 400 дел на «социально-вредный элемент». Большею частью в этот период он работал в Новосибирске и Барнауле, будучи прикомандированным для помощи в оформлении дел. По словам Агафонова, в начале массовых операций Павловский РОМ получил лимит на арест 100 чел. СВЭ, а затем – ещё на 70 чел. В итоге начальник РОМ А.В. Ядринцев заявил подчинённым, что придётся «где-то людей брать для выполнения плана». Таким образом, в Павловском районе милиция арестовала больше людей, нежели было по её учётам на СВЭ⁷⁰.

Первоначальное намерение уничтожить вместе с «кулаками» и прочими «врагами народа» основные кадры криминального элемента в ходе развязывания всё более масштабного террора оказалось сильно откорректировано, из-за чего чистка профессионального уголовного мира отошла на второй план. Так, на 25 ноября 1937 г. по приказу № 00447 в Алтайском крае было арестовано 15 365 чел., в т. ч. по делу РОВСа – 3 337 (21,7%), «кулаков» – 10 766 (70,1%) и уголовников – 1 262 чел. (8,2%). Таким образом, в разгар репрессий доля уголовников среди арестованных составила относительно небольшой процент⁷¹.

Ценные цифровые сведения о терроре милиции приводит приговор военного трибунала войск НКВД Западносибирского округа от 22–24 октября 1939 г. в отношении бывшего начальника УРКМ по Алтайскому краю, капитана милиции И.И. Вейнберга, начальника политотдела УРКМ, младшего лейтенанта милиции

⁶⁹ ОСД ГААК. Ф. 2. Оп. 7. Д. П-5380. Т. 1. Л. 17, 70, 92, 97; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 4. Барнаул, 2002. С. 422–423.

⁷⁰ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 402–403.

⁷¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 162. Л. 707.

М.В. Медведева и начальника отдела уголовного розыска УРКМ, младшего лейтенанта милиции А.Ф. Мудрова. Приговор гласил, что руководство краевой милиции организовало в регионе тяжкие нарушения законности. Так, Вейнберг, игнорируя оперативно-агентурную работу, «в период проведения операции по изъятию С.В.Э давал подведомственным ему начальникам РОМ необоснованные задания» по репрессированию граждан, в силу чего милицией были осуществлены массовые аресты не только «социально-вредного элемента», но и «честных граждан-рабочих, служащих, колхозников и стахановцев производства». На основании указаний Вейнберга арестовать 2,5 тыс. деклассированных и преступников начальник Бийского РОМ Проскурин (выдвинутый на эту должность в 1937 г. и осуждённый за нарушения законности по другому делу⁷²) составил план на изъятие по Бийску в течение декабря 1937 г. 1 040 чел., а из сельской местности этого района – 1 430 чел. Только за первую пятидневку операции милиция арестовала 231 чел., причем из одной текстильной фабрики Бийска оказалось «изъято» 20 рабочих, включая стахановцев. Рассматривая дела на СВЭ на милицейской тройке, Вейнберг практиковал рассмотрение «частично фальсифицированных дел», заранее единолично намечая меру наказания от трёх до пяти лет заключения. Заседания тройки Вейнберг проводил «с преступной поспешностью, пропуская в каждом заседании свыше 500 дел. Например, 7 февраля 1938 г. тройкой под руководством начальника краймилиции было рассмотрено 661 дело, 19 апреля 1938 г. – 527 дел и т. д.

На 23 октября 1939 г. по жалобам осуждённых после пересмотра их дел было освобождено 427 чел. как неправильно заключённых под стражу и осуждённых. Кроме этого, новое руководство УРКМ рассмотрело множество дел без жалоб осуждённых, освободив свыше 200 чел. Трибунал отметил «преступно-небрежное» оформление протоколов заседаний милицейской тройки, когда в подлинниках указывались одна мера наказания, а в выписках – другая (когда мера наказания определялась в три года лишения свободы, в выписке могло быть указано пять лет и наоборот). Начальник политотдела УРКМ Медведев искажал установочные данные на обвиняемых, представляя их деклассированными элементами и не выполнил указания прокурора об освобождении за-

⁷² Архив УФСБ НСО. Д. П-10390. Л. 8; ГАНО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

ключённого. Однако только Вейнберг получил реальное наказание в виде семилетнего срока; Мудров отделался условным заключением, а Медведева освободили за недоказанностью обвинения⁷³.

Для того чтобы в каждом крупном регионе расстрелять тысячи и десятки тысяч приговорённых, использовались не только привычные к этой работе сотрудники комендатур и учётно-архивных отделов, но и множество рядовых сотрудников. Группы расстрельщиков возглавлялись руководящими работниками НКВД. Приговоры о расстреле нередко исполнялись с исключительной жестокостью, с ограблением осуждённых, избиениями и издевательствами над ними. Политрук барнаульской тюрьмы Ю.Г. Логвинов со слов заключённых рассказывал, что приговорённых к расстрелу в 1937–1938 гг. по приказу начальника УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попова пытали, а потом «убивали ломом и сваливали в большую яму». Сведения о садистских расправах над осуждёнными также известны для других регионов, причём и на Алтае, и в Новосибирской области чекисты перед расстрелом нередко подвергали своих жертв, особенно женщин, изощрённым издевательствам, в т. ч. сексуального характера⁷⁴.

Часть чекистов получала удовольствие от осознания своей власти и безнаказанности, возможности присваивать ценности во время обыска, издеваться над приговорёнными к расстрелу. В чекистской среде в обиходе были циничные клички – например, «борзописец», «колун», «смертельный колун». Барнаульского чекиста Т.К. Салтымакова коллеги называли «дядя-мухомор», поясняя, что от него «добровольно умирали люди»⁷⁵. В ходе террора были продуманы многочисленные поощрения для чекистов: сначала произошло резкое повышение зарплаты, затем пролился дождь наград в связи с 20-летием ВЧК-НКВД. Особо выделялась работа исполнителей приговоров: в декабре 1937 г. орденом Красной Звезды был отмечен отвечавший за расстрелы комендант УНКВД по Алтайскому краю Д.М. Булгаков (информация об этих награждениях была – вместе с краткими биографиями, где не указывались должности, и портретами чекистов – обнародована в прессе⁷⁶). Дежур-

⁷³ Архивно-следственное дело на А.Ф. Золотухину и др. // ИЦ ГУ МВД по АК. Ф. 1. РО 4397. Л. 190–191 (указано М. Юнге).

⁷⁴ См. Тепляков А.Г. Процедура... С. 56–63, 71–76.

⁷⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 673. Л. 7.

⁷⁶ Алтайская правда. 1937. 24 дек.

ный комендант, а затем комендант краевого УНКВД сержант ГБ И.Г. Сергованцев в мае 1938 г. получил высший ведомственный знак отличия «Почётный работник НКВД»⁷⁷.

В 1937–1938 гг. среди чекистов процветало мародёрство, а конфискованные у «врагов народа» вещи открыто продавались в специальных магазинах. Известно, что помощник начальника алтайского управления НКВД Г.Л. Биримбаум и начальник оперотдела В.Ф. Лешин, а также видные чекисты М.И. Данилов и Ф.Н. Крюков в 1938 г. присваивали деньги, отобранные у арестованных. В 1937–1938 гг. в Барнауле, как показывал Т.К. Салтымаков, «нач. отдела [П.Р. Перминов] представлял из себя зав. жилотделом, а [начальник отделения СПО К.Д.] Костромин – агента жилотдела. Они имели большую связку ключей и распределяли квартиры. Из кулуарных разговоров можно было понять, что основанием к аресту были приличные дома»⁷⁸.

«Кулацкая операция» унесла на территории Сибири примерно 80 тыс. жизней⁷⁹. Сверхвысокий масштаб репрессий руководители НКВД готовы были поддерживать и далее, но были в ноябре 1938 г. остановлены решением Сталина, который счёл цели чистки достигнутыми. Недаром алтайский чекист Н.Л. Баев подчёркивал, что начальник УНКВД Попов «в течение одного–двух лет при помощи своих “методов” мог истребить половину взрослого населения в Алтайском крае»⁸⁰. Так же как и раньше, массовые чистки прекращались в соответствии с политическими решениями верхов, когда цели очередного витка террора считались достигнутыми.

Уничтожение во внесудебном порядке в качестве «врагов народа» рецидивистов, а также массовые аресты и осуждения бездомных, нищих, безработных и ранее судимых не дали нужного эффекта, ибо государственная политика всё время способствовала стремительной криминализации населения и деградации мили-

⁷⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-4651. Т. 42. Л. 15–17; Д. П-12311. Л. 92; ГАНО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 8. Л. 135; Ф. 1027. Оп. 8. Д. 13. Л. 2, Д. 43. Л. 7; Оп. 10. Д. 13. Л. 120; ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 7. Д. 559. Л. 124 (сведения А.Н. Жукова).

⁷⁸ Тепляков А. Г. Машина террора... С. 563, 564.

⁷⁹ Тепляков А. Г. Машина террора... С. 406–408, 599.

⁸⁰ Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно... С. 38 (цитата из письма Баева искажена); ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-5700. Т. 7. Л. 255.

ции⁸¹. Вместе с тем работники милиции самым активным образом осуществляли политические репрессии, нередко являясь основными исполнителями обысков и арестов. Также они самым деятельным образом участвовали в допросах, пытками принуждая арестованных оговаривать себя и других.

Несмотря на внутриведомственные чистки, сотрудники госбезопасности и милиции на местах в основном не только избежали наказания за «перегибы» 1937–1938 гг., но и сохранили звания и награды периода «кулацкой операции». Основная часть уволенных в 1939–1941 гг. чекистов была наказана не за нарушения законности, а по иным компрометирующим обстоятельствам: пьянство, провалы в работе, коррумпированность, злоупотребления служебным положением. При новом руководстве УНКВД, сменившем арестованного в декабре 1938 г. С.П. Попова, выдвинулись на должности начальников отделов и отделений прежде всего те, кто были активными участниками террора, получили различные отличия и считались заслуженными борцами с врагами народа. Чистка была выборочной, что привело к сохранению в органах НКВД основной части «героев» 1937–1938 гг., включая многочисленных активистов репрессий. Сохранили свои позиции и тюремно-комендантские работники как исполнители расстрельных приговоров.

Аналогичное отношение встретили и сотрудники милиции. Пример благополучной милицейской карьеры виден при рассмотрении биографии активиста террора И.Л. Петрова, работавшего в милиции с 1933 г. С июля 1937 г. по март 1938 г., являясь помощником уполномоченного Змеиногорского РОМ УНКВД, он был награждён четырьмя премиями от УНКВД ЗСК и Алткрая: «особенно проявил себя в... изъятии контрреволюционного элемента в кампанию 1937 г., беспрерывно находился на данной работе как по изъятию, [так] и оформлению следственных дел». В 1938 г. Петрова перевели в краевой аппарат УРКМ, в июле 1938 г. назначили начальником Тогульского РОМ, а впоследствии он возглавлял Хабаровский РО МВД⁸².

⁸¹ В 1938–1939 гг. огромная преступность, несмотря на масштабы чисток, сохранялась в Московской области, а также в Казани и др. местах. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 167.

⁸² ГААК. Ф. 834. Оп. 5. Д. 7. Л. 208; Ф. П-1465. Оп. 1. Д. 8. Л. 29; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 405. Л. 74; Оп. 18. Д. 752. Л. 5; Оп. 76. Д. 201. Л. 107; Оп. 88. Д. 19. Л. 370–374; Д. 20. Л. 193; Д. 179. Л. 68; Оп. 97. Д. 71. Л. 144, 159; Д. 75. Л. 150 об.

Работавший в годы террора уполномоченным угрозыска в Калманском РО НКВД С.А. Макаров (поступивший в органы внутренних дел в 1930 г. и в 1934 г. окончивший Омскую школу милиции), с февраля–марта 1938 г. возглавлял Калманский РОМ УНКВД по Алткраю, а в 1943–1950 гг. Макаров руководил Смоленским РО УНКВД-УМВД по Алткраю⁸³.

Аппарат НКВД, постоянно выпрашивая новые лимиты на аресты и расстрелы, выполнил сталинское задание по очистке населения страны от тех, кто был признан вредным и ненужным элементом для социализма. То, что репрессиям большей частью подверглись вполне лояльные режиму лица, не волновало ни организаторов, ни исполнителей террора, привыкших к кампанейщине как непрременной черте всех политических кампаний. «Кулацкая операция» для органов госбезопасности имела весьма серьёзные последствия. Проводимая одновременно с «Большим террором» чистка среди чекистов полностью заменила руководящий состав НКВД, разрушила сложившиеся в его аппарате клановые связи. Значительная часть оперсостава была уволена либо репрессирована, другая часть получила награды и пошла на выдвижение, на многие годы составив костяк руководящего состава аппарата госбезопасности. В ходе террора произошло, несмотря на внутриведомственные репрессии, увеличение численности работников НКВД и укрепление их позиций в государственном аппарате.

И.А. Гридунова

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ В РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ 1939–1941 гг.

Органы прокуратуры в период Большого террора

Прокуратура играла в советских органах юстиции двойственную роль. С одной стороны, она должна была осуществлять надзор за соблюдением законности при проведении следствия, судебного и внесудебного расследования дел. Многие прокуратуры протестовали против открытого пренебрежения законами; верховная власть была явно заинтересована в том, чтобы за органами госбезопасно-

⁸³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 23. Л. 15 об.; Д. 361. Л. 58; Д. 405. Л. 17; Оп. 18. Д. 21. Л. 135; Д. 398. Л. 392; Оп. 88. Д. 179. Л. 352 об.

сти был хоть какой-то надзор. С другой стороны, прокуратура покрывала творимые ОГПУ-НКВД беззакония, поскольку прокуроры выступали обвинителями по сфальсифицированным делам в судах и участвовали в работе внесудебных органов.

Причина данной двойственности – законодательство, регулировавшее взаимоотношения ОГПУ-НКВД и прокуратуры. Так, Положение о Прокурорском надзоре Союза ССР, принятое в декабре 1933 г. определило, что надзор за ОГПУ Прокурор Союза ССР осуществляет непосредственно. При Прокуроре Союза ССР состояла возглавляемая его старшим помощником прокуратура по специальным делам. Для надзора за работой органов госбезопасности выделялись так называемые прокуроры по спецделам – особо доверенные люди, члены ВКП(б), персонально утвержденные в этой должности соответствующими партийными комитетами (в центральном аппарате – ЦК ВКП(б))⁸⁴. Тем самым достигалась обособленность этих работников от остальной части сотрудников прокурорских органов; они по своим функциям, служебным и личным связям гораздо ближе стояли к ОГПУ и НКВД, чем к прокурорской системе. И действовали, как правило, в интересах органов государственной безопасности, покрывая своим должностным авторитетом, как и прокуратуры в целом, совершавшиеся беззакония.

8 мая 1933 г. была направлена специальная правительственная инструкция «всем партийно-советским работникам, всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» в которой говорилось, что органы ОГПУ должны осуществлять аресты с санкций прокурора, за исключением дел о террористических актах, взрывах, поджогах и бандитизме. Таким образом, органы ОГПУ, по существу, были выведены из-под надзора прокуратуры, которая уже не могла влиять на аресты по наиболее важным делам. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел. При нем создавалось Особое совещание, которому административным кодексом предоставлялось право применять ссылку, высылку, заключение до 5 лет и высылку за пределы СССР⁸⁵. Это означало, что органы НКВД в административном порядке присвоили себе судебные и прокурорские функции. Важно подчеркнуть, что инструкция от 8 мая 1933 г., а затем

⁸⁴ Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 50.

⁸⁵ СЗ СССР. 1934. С. 283.

Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. стали правовой основой репрессий 1930-х гг., когда органы ОГПУ-НКВД фактически самостоятельно проводили не только дознание и следствие, но и аресты.

Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. изменил двойственную роль прокуратуры, которую она играла в органах юстиции. Прокуроры, в соответствии с приказом, либо входили в состав троек, либо должны были присутствовать на заседаниях троек, в составе которых прокурорских работников не было. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требовались. И как итог – прокуроров обязывали содействовать активному прохождению операции⁸⁶. Приказ № 00447 лишил работников прокуратуры возможности проводить какой-либо надзор за законностью действий НКВД. Более того, они сами приняли активное участие в кампании террора, так как требование найти и покарать «предателей» и «вредителей» стало для них вопросом жизни и смерти.

Первые сигналы о том, что пришло время тормозить чистку и террор, руководство страны начало подавать уже в январе 1938 г. Январский пленум ЦК ВКП(б) подверг осуждению «огульные, массовые исключения из партии, которые часто приводили к арестам», и обвинил партийных руководителей в том, что допускались подобные факты. В том же духе изданный в январе 1938 г. приказ Прокуратуры СССР требовал от прокуроров республик и областей проверки обоснованности следственных дел, по которым подозреваемый находился в заключении⁸⁷.

Весной 1938 г. новые тенденции укрепились. Во-первых, в апреле Прокуратура СССР проинструктировала областные и республиканские прокуратуры о том, что для возбуждения новых дел по политическим статьям (статья 58 УК) необходимо получить согласие прокуратуры. 7 апреля 1938 г. вышел приказ Прокурора СССР, согласно которому дела о малозначительных хищениях фуража в колхозах необходимо было прекратить⁸⁸. В то же время приказ

⁸⁶ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 248.

⁸⁷ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М., 2001. С. 81.

⁸⁸ Приказ прокурора СССР № 353 от 7 апреля 1938 г. // ГААК. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 668а. Л. 13.

Прокурора СССР давал право подвергать судебному преследованию клеветников»⁸⁹, а незаконное расходование колхозных средств рассматривать как «измену Родине и помощь врагам народа»⁹⁰. Таким образом, отдельные шаги, направленные на сворачивание репрессий, блокировались другими, их расширяющими. К тому же смесь инерции и страха подхлестывала необоснованные преследования.

Первоначально последствия этих новых сигналов для практической работы уголовного правосудия были ограниченными. Так как чистка продолжалась, а органы госбезопасности выполняли новые разнарядки, прокуроры в краях и областях попросту не верили, что стало безопасным приостанавливать эскалацию обвинений. На деле так и получалось. В течение второй половины 1937 г. и в начале 1938 г. «большая чистка» нанесла значительный удар по работникам советской юстиции. Около половины всех прокуроров и судей в СССР были смещены со своих постов. В большинстве случаев они подвергались аресту. Весной 1938 г. в отдельных районах Молдавии вообще не было прокуроров. В одном из районов Белоруссии в течение четырех месяцев органы юстиции работали без прокурора, судьи и следователя⁹¹.

Чистка прокурорских кадров затронула и Алтайский край. Обращения с жалобами о незаконных методах работы НКВД, с которыми выступал прокурор Алтайского края Н.Я. Поздняков, привели к его аресту 22 июня 1938 г. Вслед за Поздняковым были арестованы его помощник, два заместителя, прокурор Ойротской автономной области и его помощник, семь районных прокуроров⁹². Нужно заметить, что Поздняков сам принимал активное участие в репрессивной кампании. Он заседал в тройке, нацеливал подчиненных прокуроров на усиление борьбы с врагами народа. Парадокс в том, что в мире беззакония он оставался прокурором, то есть требовал исполнения существующего закона, который в азарте классовой борьбы многими игнорировался. И в первую очередь это касалось органов НКВД.

⁸⁹ Приказ по прокуратуре СССР № 346 от 5 апреля 1938 г. // Там же. Л. 11.

⁹⁰ Приказ по прокуратуре СССР № 353 от 7 апреля 1938 г. // Там же. Л. 17.

⁹¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1997. С. 237.

⁹² Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 165–167.

В январе 1938 г. А.Я. Вышинский созвал совещание союзных и республиканских прокурорских работников, на котором были осуждены многие извращения правосудия, характерные для периода Большого террора. И все же эти вопросы не являлись главными на этом совещании. Вышинский в своем выступлении сосредоточился на таких проблемах, как текущее состояние органов юстиции, другие участники совещания подняли вопрос об эскалации обвинений и необоснованных преследованиях⁹³.

Конкретизируя новую линию, 1 июня 1938 г. Прокуратура СССР издала основополагающую директиву о перестройке своей работы. Директива однозначно предписывала следователям и прокурорам «прекратить все необоснованные преследования граждан по всем начатым делам» и «прекратить подобную практику в будущем»⁹⁴. Этот приказ возвестил о начале периода, во время которого происходило снижение размаха необоснованных преследований и эскалации перевода обычных уголовных преступлений в политические. Происходило это не без борьбы. Для отступления от навыков террора требовалось больше, чем простая директива.

Прекращение массового террора было маловероятным без решительного вмешательства самого Сталина. В августе 1938 г. он назначил своего протеже Л.П. Берия на пост первого заместителя наркома внутренних дел СССР. Внутри наркомата Берия возглавил Главное управление государственной безопасности. Целью этого шага была изоляция Н.И. Ежова и отрешение его от непосредственного руководства органами госбезопасности. В сентябре НКВД потерял многие свои prerogatives по ведению политических дел. Однако поворотный момент наступил 17 ноября 1938 г., когда было принято совместное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»⁹⁵.

Это секретное постановление, подписанное Молотовым и Сталиным, предписывало положить конец массовым арестам и высылкам; ликвидировать все тройки (отныне дела могли рассматривать-

⁹³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 237.

⁹⁴ Приказ по прокуратуре СССР № 472 от 1 июня 1938 г. // ГААК. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 668а. Л. 110.

⁹⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 125–128.

ся только судами и Особым совещанием при НКВД СССР); возродить практику проверки ордеров на арест со стороны прокуратуры; установить прокурорский надзор за следствием, которое вели все органы внутренних дел, в том числе и органы госбезопасности. Постановление возложило всю вину за террор исключительно на его исполнителей: пробравшиеся в органы НКВД враги народа и агенты иностранных разведок «сознательно извращали советские законы», производили «массовые и необоснованные аресты», работники НКВД забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать таким упрощенным методом, как практика массовых арестов, ориентироваться на доказательства, полученные у обвиняемых во время допросов.

Постановление от 17 ноября акцентировало внимание на исполнителях террора, а не на его вдохновителях. Так запускался механизм «приписывания вины», ранее уже использовавшийся: постановление от 17 ноября 1938 г. было поразительно похожим на инструкцию от 8 мая 1933 г., которая призывала положить конец массовым арестам, связанным с коллективизацией⁹⁶.

Важную роль в проведении курса на ограничение масштабов террора и перестройку работы следственных органов сыграли также постановления, ориентировавшие органы прокуратуры и НКВД на проведение реабилитационных мероприятий.

26 февраля 1939 г. прокурор РСФСР М.И. Панкратьев своим приказом призывал прокуроров союзных и автономных республик «в случае признания неправомерности вынесенного решения и необходимости его отмены <...> вынести постановление об отмене и прекращении дела». Далее следовало, что «опротестование может быть лишь в исключительных случаях, при явной незаконности и необоснованности приговора»⁹⁷. 1 июня 1939 г., внося изменения в постановление от 26 февраля, прокурор РСФСР в очередной раз подчеркнул это обстоятельство⁹⁸. Это существенно ограничило рамки реабилитационных мероприятий.

⁹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 746–750.

⁹⁷ Приказ по прокуратуре РСФСР № 473 от 26 февраля 1939 г. // ГААК. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 669. Л. 42–45.

⁹⁸ Приказ прокурора РСФСР № 1395 от 1 июля 1939 г. // Там же. Л. 69.

Вышеуказанные документы становились правовой базой для реабилитационных мероприятий, стимулируя поток протестов против несправедливых приговоров внесудебных органов и судов.

Участие прокуратуры в пересмотре дел в 1939–1941 гг.

В 1939–1940 гг. отмечался настоящий поток жалоб осужденных в годы Большого террора и их родственников. Так, за 9 месяцев 1940 г., с января по сентябрь, в прокуратуру Алтайского края поступило 27 253 жалобы, из них 12 845 (45%) – по спецотделу, рассматривавшему жалобы на приговоры, вынесенные внесудебными органами: двойками, тройками, Особым совещанием⁹⁹.

Жалобы в спецотделе краевой прокуратуры рассматривались с большой задержкой. Это было связано, во-первых, с тем, что органы НКВД не высылали вовремя истребованные по жалобам дела; во-вторых, районные прокуроры медлили с проверкой дел. Так, например, прокурор Змеиногорского района держал дело на «проверке» 3 месяца, Смоленского – 4 мес., Павловского – 6 мес.¹⁰⁰ Со временем «производительность труда», как это было названо в одном из документов, увеличилась: если в 1939 г. проверялось 7–8 жалоб в день, то в 1940 г. – 15–16¹⁰¹. Объяснялся этот рост соревнованием, в котором участвовали работники спецотдела краевой прокуратуры. В результате, если на начало 1940 г. приходилось 4 194 нерассмотренные жалобы, то к 1 октября этого же года их оставалось 1 367, в том числе 348 – с 1939 г.¹⁰²

Однако ускорение разбора жалоб, связанное с необходимостью разбора их «залежей», зачастую приводило лишь к большему формализму при их рассмотрении. К тому же нужно заметить, что количество нерассмотренных жалоб в спецотделе было значительно большим, чем во всех других отделах, вместе взятых (на них к 1 октября 1940 г. приходилось всего 320 нерассмотренных жалоб)¹⁰³,

⁹⁹ Сведения о движении жалоб по 1-му отделению спецотдела прокуратуры Алтайского края на 20.01.1940 г. // ГААК. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 1а. Л. 74–75.

¹⁰⁰ Акт проверки выполнения конкурсных обязательств спецотделом от 15.10.1939 г. // Там же.

¹⁰¹ ГААК. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 1а. Л. 74.

¹⁰² Сведения о движении жалоб по 1-му отделению спецотдела прокуратуры Алтайского края на 20.01.1940 г. // Там же. Л. 74–75.

¹⁰³ Проверка спецотдела прокуратуры Алтайского края на 01.10.1940 г. // ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 361. Л. 4.

хотя как было показано выше, спецотдел уступал по общему количеству поступивших жалоб.

Порядок рассмотрения жалоб на приговоры, вынесенные внесудебными органами, был следующим. Если прокурор по спецделам усматривал нарушения в проведении следствия в отношении осужденного, от которого поступила жалоба, то выносил протест на предмет пересмотра дела. Часто такой протест был связан с итогами расследований, проводимых на местах районными прокурорскими работниками, в результате которых устанавливалась недоказанность вины осужденных. Инициировал данные расследования прокурор спецотдела.

После вынесения прокуратурой протеста на предмет пересмотра дела органы НКВД приступали к расследованию: привлекали новых свидетелей, перепроверяли показания старых, вновь запрашивали справки о социальном происхождении, характеристики с места работы и пр. Иногда прокурор давал четкие указания, что необходимо доработать: каких свидетелей нужно передопросить и почему, какие справки приобщить к делу и т. д. Несмотря на это, расследование дел органами НКВД зачастую являлось процессом формальным, чего нельзя сказать о прокурорских расследованиях. Примером может стать следующее следственное дело.

23 ноября 1937 г. тройка НКВД по Алтайскому краю приговорила 9 жителей Хабарского района к различным срокам заключения за «вредительскую контрреволюционную деятельность». 2 марта 1940 г. от заместителя крайпрокурора по спецделам к прокурору Хабарского района было направлено следственное дело для дополнительного расследования, с указанием моментов, требующих наиболее тщательной проверки. В ходе прокурорского расследования вопросы свидетелю завалились таким образом, чтобы выяснить, откуда он получил ту или иную информацию, кто может подтвердить тот или иной факт, с тем чтобы обвинительные показания не являлись голословными. В ходе проверки работники прокуратуры повторно запросили справки о социальном положении, характеристики с места работы. Результаты следствия были таковы: свидетели не подтвердили показания, данные ими в 1937 г. «Все, что здесь написано, неправда. Я лишь подписал то, что писал следователь», – говорил свидетель С. Справки о социальном положении осужденных были отличны от справок, приобщенных к делу работниками НКВД в 1937 г. Так, изначально все осужденные по де-

лу проходили как кулаки, расследование прокуратуры в 1940 г. показало, что пятеро из 9 были середняками. На основании новой информации заместитель крайпрокурора по спецделам вынес протест на предмет пересмотра приговора.

Следователи РО НКВД Хабаровского района начинают уже свое повторное расследование. Показания свидетелей, справки о социальном положении осужденных, полученные в ходе следствия органами НКВД в 1937 г., в процессе доследования в 1940 г. просто дублировались и, соответственно, расходились с данными прокурорского расследования. Так, на допросе свидетеля С. спросили: «Вы свои показания, данные 12 ноября 1937, подтверждаете?» «Да, свои показания, данные 12 ноября 1937 года, я целиком и полностью подтверждаю», – отвечал С., хотя в ходе прокурорского расследования, как показано выше, он их опроверг. Другие свидетели также подтвердили свои показания, данные в 1937 г. Итог очевиден: факты вредительской контрреволюционной деятельности осужденных «подтвердились». Ссылаясь на результаты «доследования», начальник УНКВД по Алтайскому краю вынес заключение по делу, в котором говорилось, что решение тройки в отношении осужденных от 27 ноября 1937 г. остается в силе¹⁰⁴. Следствие, проведенное прокуратурой, в ходе которого доказывалась невиновность осужденных, не стало причиной для более качественного доследования, проводимого органами НКВД, и не повлияло на пересмотр приговора.

После 17 ноября 1938 г. органы НКВД были поставлены перед необходимостью изменить методы ведения следствия, применявшиеся в период Большого террора, привести их в соответствие с нормами УПК. Это происходило с трудом, особенно в районах. Поэтому в УНКВД по Алтайскому краю формальное отношение районных следователей к работе вызывало критику. Их обязывали расследование проводить более тщательно. Однако не всегда подобная практика приводила к отказу от формализма в работе районных чекистов. Да и сама критика зачастую была лишь формальностью. Так, после проведения, по протесту прокуратуры, доследования по одному из следственных дел Хабаровский РО НКВД получил письмо от заместителя начальника следственной части УНКВД. В нем говорилось что «краевая прокуратура, проведя дополнительное рас-

¹⁰⁴ Следственное дело по обвинению Пугача и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7391.

следование, внесла протест на необоснованный арест и осуждение тройкой Лезова, Шахтина, Ванцова, Рыболова. Вы же, проводя дополнительное расследование, небрежно отнеслись к исследованию преступной деятельности обвиняемых, что не дает правильного решения дела. Краевая прокуратура, проверяя социальное прошлое обвиняемых, истребовала и приобщила к делу справки Новоильинского сельского совета, из которых Лезов, Шахтин, Ванцов происходят из крестьян-середняков, избирательных прав не лишены. Из приобщенных вами справок Лезов, Шахтин, Ванцов – крепко зажиточные, избирательных прав лишены. Спрашивается, каким справкам верить? <...> В декадный срок все перепроверить». Районные следователи НКВД провели очередное следствие. По своим результатам оно ничем не отличалось от результатов основного следствия и первого следствия. Справки о социальном положении осужденных, показания свидетелей – все те же, лишь в очередной раз были продублированы. Как итог, приговор, вынесенный тройкой НКВД в отношении Лезова, Шахтина, Ванцова и Рыболова, остался в силе¹⁰⁵.

Не подлежала проверке законность осуждения тройками тех репрессированных, которые были приговорены к расстрелу, даже в том случае, если в результате следствия устанавливалась необоснованность осуждения лиц, которые проходили вместе с ними по групповым делам и были приговорены к заключению в исправительно-трудовой лагерь (обычно по их заявлениям и жалобам и проводилось следствие). Как правило, в этом случае еще до начала следствия следователь НКВД указывал на нецелесообразность проведения проверки в отношении «расстрельных» приговоров¹⁰⁶.

Важнейшую роль при пересмотре приговора играло социальное происхождение осужденного. 4 декабря 1937 г. П. И. Игонькина, жительница с. Загайново Тальменского района, была осуждена на десять лет ИТЛ по статье 58–10 (за контрреволюционную агитацию). В ходе следствия, проведенного по ее жалобе в 1939 г.,

¹⁰⁵ Следственное дело по обвинению Лезова К.Д. и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7218.

¹⁰⁶ См., например, заключение по результатам следствия дела о контрреволюционной эсеровской организации в Рубцовском уезде (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1896. Т. 4. Л. 394), заключение по делу С.Т. Кошель и др. (11 чел.) (Д. 7640. Л. 257–258).

факт контрреволюционной агитации не подтвердился. Однако, как было сказано в постановлении прокурора спецотдела краевой прокуратуры, «принимая во внимание, что осужденная Игонькина является классово чуждой», жалобу ее «оставить без удовлетворения» и приговор тройки не отменять¹⁰⁷. Не невиновность человека, а его социальное происхождение и решало исход дела. Данный факт наглядно свидетельствует о том, что главной целью репрессий 1937–1938 гг. было не пресечение политических преступлений, а «выкорчевывание» «социально враждебных элементов». В таких условиях становилось возможным преследование не по политическим мотивам, а исключительно по социальному, национальному и другим признакам.

Поводом для пересмотра приговора могли стать «заслуги» перед властью, например, доносительство. В качестве примера можно привести дело колхозника К. В 1937 г. за «контрреволюционную деятельность», за распространение слухов о скорой гибели советской власти он был осужден на восемь лет заключения в ИТЛ. Из мест заключения колхозник К. написал жалобы в краевые органы НКВД, Прокурору СССР и прокурору Алтайского края. В жалобах он поведал о том, что начиная с 1933 г. работал в качестве осведомителя НКВД. Обвинения, предъявленные ему, отрицал. Органы НКВД приступили к расследованию. Вновь допрошенные свидетели положительно отзывались о К., от своих показаний октября 1937 г. (они являлись главными уликами в вынесении приговора) отказывались. Справка, запрошенная с места работы, характеризовала К. как человека ответственного и исполнительного. По постановлению, утвержденному заместителем краевого прокурора и начальником УНКВД по Алтайскому краю, приговор подлежал отмене, а К. – освобождению из ИТЛ¹⁰⁸.

В некоторых случаях прокуратура вмешивалась и по фактам, связанным с притеснением местными властями семей осужденных. Так, после ареста мужа, который работал счетоводом в сельпо, М.П. Бондаренко, жительницу с. Ново-Песчанского Славгородского района, вызвали в сельсовет и предложили под угрозой конфискации имущества в 24 часа внести 1 240 рублей в погашение числившейся за мужем недостачи, в результате она вынуждена была

¹⁰⁷ Следственное дело по обвинению П.И. Игонькиной // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1114. Т. 4. С. 44–45.

¹⁰⁸ Следственное дело по обвинению К. и др. // Там же.

занимать эту сумму у односельчан. Ее дочери, местной учительнице, сельсовет отказал в обеспечении положенным ей по закону бесплатным топливом. Затем М.П. Бондаренко обложили индивидуальным налогом как единоличницу и за его неуплату конфисковали дом. Семья репрессированного вынуждена была покинуть родное село и переехать в Славгород. После этого М.П. Бондаренко обратилась с жалобой в краевую прокуратуру, из которой в Ново-Песчанский сельсовет поступило указание «прекратить издевательство над семьей учительницы». В результате с М.П. Бондаренко сняли налог, вернули дом, но мать и дочь не захотели жить в родном селе: продав дом, поселились в райцентре¹⁰⁹.

Показательным для суждения о том, насколько результативной была реабилитационная кампания 1938–1941 гг., является дело об эсеровской повстанческой организации в Рубцовском уезде, по которому было осуждено 808 чел. Все они якобы являлись членами вышеназванной организации, стремившейся уничтожить существующий строй, проводившей вредительскую и диверсионную деятельность и т. п. В отдельное делопроизводство в рамках этого дела было выделено следствие в отношении 100 чел. Из них 32 чел. были расстреляны, а 68 осуждены к 10 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. В ходе пересмотра материалов дела в 1940–1941 гг., проводившегося по протесту заместителя краевого прокурора по спецделам, был выявлен их сфальсифицированный характер. В апреле 1941 г. управление НКВД Алтайского края вынесло заключение о возбуждении ходатайства перед Особым совещанием НКВД СССР об отмене решения судебной тройки. Предлагалось в отношении 27 чел. приговор отменить и освободить их из заключения, а в отношении остальных осужденных приговор оставить в силе, но состав преступления переквалифицировать на статью 58–10, сняв обвинения по статьям 58–11 и 58–2. Однако дело Особым совещанием так и не было рассмотрено. И лишь в 1954 г. за отсутствием состава преступления решение тройки отменили. В принятом по этому делу заключении отмечалось, что «лица, осужденные по нему, отбыли свой срок наказания полностью»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Письмо начальнику УКГБ по Алтайскому краю от М.П. Бондаренко от 30 марта 1959 г. // ОСД ГААК Ф. 2. Оп. 7. Д. 7640. Л. 280–282.

¹¹⁰ Дело о контрреволюционной эсеровской повстанческой организации в Рубцовском, Змеиногорском, Волчихинском, Локтевском и Шипуновском районах // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1896. Т. 4. Л. 404.

Таким образом, дополнительное расследование, проводившееся по этому делу в период реабилитационных мероприятий после завершения действия приказа № 00447, не изменило судьбы заключенных.

В целом результативность реабилитационных мероприятия, проводившихся в 1939–1941 гг., была незначительной. Согласно данным, опубликованным в мемориальном издании «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» в 1939–1941 гг. были реабилитированы лишь 237 жителей края¹¹¹.

Материалы прокурорских проверок как основание для чистки органов НКВД

Материалы прокурорских проверок, проводившихся в рамках пересмотра судебно-следственных дел в 1939–1941 гг., использовались как компрометирующие при проведении «чистки» в органах НКВД после завершения операции по приказу № 00447.

Вскоре после выхода постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. вслед за арестом Ежова начались аресты и других работников НКВД. На Алтае аресты наиболее «отличившихся» фальсификаторов начались с ареста начальника УНКВД С.П. Попова 24 декабря 1938 г. 28 января 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его по пунктам 1«а», 7, 11 статьи 58 УК к ВМН с конфискацией лично принадлежавшего ему имущества и лишением звания капитана ГБ. В приговоре указывалось, что он «являлся активным участником а/с организации, существовавшей в органах НКВД» и по ее заданию «сохранял от разоблачения а/с правотроцкистское подполье, проводил массовые необоснованные аресты и фальсифицировал следствие по делам арестованных, создавая дела на несуществующие контрреволюционные формирования»¹¹². К высшей мере наказания 29 мая 1941 г. были осуждены также начальники отделов УНКВД старшие лейтенанты ГБ П.Р. Перминов и И.К. Лазарев, начальник следственной части УНКВД, старший лейтенант ГБ И.Я. Юркин, его заместитель, лейтенант ГБ Т.К. Салтымаков, начальник Бийского оперсек-

¹¹¹ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 3. Ч. 2. Барнаул, 2001. С. 430; Т. 4. Барнаул, 2002. С. 663.

¹¹² Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Июль 1938–1941 гг. Т. 4. Барнаул, 2000. С. 12–13.

тора УНКВД, лейтенант ГБ В.И. Смольников, оперуполномоченный УНКВД, младший лейтенант ГБ Г.С. Каменских (позднее Перминов, Юркин и Каменских будут помилованы), а помощник начальника УНКВД, старший лейтенант ГБ Г.Л. Биримбаум, начальники отделов УНКВД, лейтенанты ГБ И.Я. Шутилин и А.Т. Степанов, начальник Бийской тюрьмы, лейтенант ГБ А.А. Жилков, оперуполномоченный УНКВД, сержант ГБ Т.У. Баранов – к различным срокам лишения свободы. В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1941 г. указывалось: «Все эти лица <...> нарушали революционную законность, производили массовые необоснованные аресты советских граждан. В управлении НКВД к арестованным без всяких на то материалов как система применялись пытки, избиения, истязания, издевательства и провокации с целью добиться от арестованных заведомо вымышленных показаний.

Протоколы допросов фальсифицировались, составлялись подложные документы, справки, акты и пр.

Путем измышлений, подлогов, провокаций арестованным приписывалась принадлежность к различным антисоветским организациям и вменялось в вину совершение тягчайших государственных преступлений»¹¹³.

Многие сотрудники городских и районных отделений НКВД отделились лишь «легким испугом»: например, начальник и оперуполномоченный Шипуновского отделения НКВД С.М. Зарызов и Г.И. Черноокий за фальсификацию следственных дел, необоснованные аресты и извращение методов следствия в 1938 г. приказом начальника УНКВД по Алтайскому краю от 8 августа 1940 г. были арестованы на 15 суток каждый и уволены из органов НКВД. Судя по тому, что Г.И. Черноокий сразу после увольнения перебрался в Барнаул и стал студентом пединститута, это наказание никак не отразилось на их дальнейшей судьбе¹¹⁴.

Малая результативность реабилитационных мероприятий 1939–1941 гг. в отношении жертв Большого террора в сочетании с активно проводившейся чисткой в органах НКВД показывает, что реабилитационная кампания проводилась вовсе не из гуманистических соображений, не из желания утвердить в стране социалистическую законность. Роль прокуратуры после прекращения массовых ре-

¹¹³ Там же. С. 14.

¹¹⁴ Там же. С. 15.

прессий можно сформулировать так: осуществлять контроль за переходом органов НКВД от упрощенного порядка ведения следствия, который существовал в период Большого террора, к следственным действиям, основанным на соблюдении норм УПК, а также доказать многочисленные случаи фальсификации следствия работниками НКВД и этим получить необходимый материал для их ареста и осуждения. Таким образом, с помощью органов прокуратуры партийные вдохновители репрессий освобождали себя от ответственности за репрессивную кампанию и одновременно возвращали органы НКВД в рамки своих первоначальных полномочий. Как и следовало ожидать, подобный крутой поворот вызвал страх, недоумение и растерянность у работников НКВД. И их можно было понять: ведь то, что еще вчера поощрялось, за что они получали ордена и звания, сегодня осуждалось, а особо отличившиеся в массовых арестах и фальсификациях дел сами попадали в разряд врагов, пробравшихся в органы НКВД с целью их дискредитации. Вместе с тем репрессии в отношении работников НКВД, участвовавших в реализации приказа № 00447, не носили массового характера, большинство из низовых работников отделались символическим наказанием.

Раздел 3

ЖЕРТВЫ ТЕРРОРА: БЫВШИЕ «КУЛАКИ» И УЧАСТНИКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

В.Н. Разгон

**БЫВШИЕ «КУЛАКИ» КАК ГЛАВНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА
РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ НКВД ПО ПРИКАЗУ № 00447**

Слепой террор или целенаправленная акция?

В исторической литературе сложилось два основных подхода к оценке «Большого террора» 1937–1938 гг. Один исходит из представления о нем как слепом, бессистемном и безадресном, не выбирающем своих жертв, другой же подход, состоит в том, что «Большой террор» представлял собой целенаправленную репрессивную акцию в отношении определенных социально-враждебных групп и элементов¹. Вместе с тем исследователи, рассматривающие «Большой террор» как целенаправленную акцию, расходятся в вопросе о его причинах. Часть авторов солидарны в том, что советское руководство воспринимало ситуацию, имевшую место в 1937–1938 гг., как предвоенную и поэтому репрессии были обращены против тех социальных элементов населения, которые режим в связи с растущей военной угрозой рассматривал в качестве потенциальной «пятой колонны»². Часть же исследователей полагает, что террор не имел лишь краткосрочную репрессивную функцию, вызванную военной угрозой, а должен был служить целям социальной инженерии, являться инструментом социальной технологии, выступить в качестве последней фазы социальной чистки, за которой открывались возможности для построения основанного на бесклассовой идиллии коммунистического общества³. Некоторые авторы обра-

¹ Подробнее об этом см.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С.205–216; Ilic M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 8. P. 1515–1517.

² См.: Khlevniuk O. Stalinism and the Stalin Period after the «Archival Revolution» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. № 2. P. 324.

³ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 175; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 244–245.

щают внимание и на экономические факторы «Большого террора»⁴. Несмотря на явные экономические успехи первых пятилеток, в народном хозяйстве обозначились «узкие места» – срывы и спад производства в химической и энергетической отраслях, аварии на транспорте, кризис в сельском хозяйстве, вызванный неэффективностью переживавшей стадию становления колхозной системы и перекачкой финансовых средств из сельского хозяйства в промышленность для обеспечения планов ускоренной индустриализации. И городское и сельское население проявляло недовольство сложившимся дефицитом промышленных потребительских товаров и перебоями с поставками продовольствия. Разворачивая террористическую операцию, власти преследовали цель «списать» экономические трудности на вредительскую деятельность антисоветских и социально враждебных элементов. В тексте решения Политбюро ЦК от 2 июля 1937 г. и оперативного приказа народного комиссара внутренних дел № 00447 от 30 июля 1937 г., в рамках реализации которых и проводилась массовая репрессивная операция, указывалось, что именно социально враждебные элементы «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности»⁵.

Наиболее многочисленную группу репрессированных в процессе реализации приказа 00447 составили бывшие кулаки, не случайно в документах того времени эту репрессивную акцию называли «кулацкой» операцией. Особенно значительным удельный вес репрессированных по целевой группе «бывшие кулаки» был в сельскохозяйственных регионах страны. К ним относился и Алтайский край, где осужденные специально созданным для выполнения операции внесудебным репрессивным органом – тройкой УНКВД по Алтайскому краю по категории «бывшие кулаки» составили 68,2% от общего числа репрессированных (согласно подсчетам, сделанным по протоколам тройки, заседавшей с 30 октября 1937 г. по 15

⁴ Гвоздкова Л.И. История репрессий в сталинских лагерях в Кузбассе (30–50-е гг.). Кемерово, 1997. С. 185.

⁵ Трагедия советской деревни. Документы и материалы. М., 2004, Т. 5. Кн. 1. С. 319; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 57, 100.

марта 1938 г. – 8924 из 13092 чел.⁶). Этот процент несколько завышен, так как итоговая цифра включает осужденных тройкой при НКВД по общеуголовным статьям только за 1937 г., поскольку соответствующие протоколы с литерой «У» за 1938 г. не обнаружены в архиве ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю, где они находятся на хранении. Не учтены сведения по Ойротскому оперсектору, по которому мы не располагаем данными о разделении осужденных по категориям (на кулаков, уголовников, другие контрреволюционные элементы).

Несколько иные сведения содержатся в сводке № 33 ГУББ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР № 00447, в которой приведены сведения на 1 марта 1938 г. Согласно этой сводке, по Алтайскому краю тройкой было осуждено 12183 чел., из них бывшие кулаки составили 6251, или 51,3%. Если даже руководствоваться этими данными, то процент кулаков среди репрессированных на Алтае был выше, чем в целом по стране (43,1%)⁷.

Нами были изучены архивно-следственные дела на 290 человек, репрессированных как «бывшие кулаки», рассматривавшиеся на заседаниях тройки при УНКВД по Западно-Сибирскому краю (до образования тройки УНКВД по Алтайскому краю она рассматривала дела по оперсекторам, отошедшим во вновь образованный Алтайский край) (в августе 1937 г.) и тройки при УНКВД по Алтайскому краю (в октябре, ноябре 1937 г. и марте 1938 г.). Эти дела были отобраны посредством 10-процентной механической выборки из общей совокупности дел на «кулаков», персоналии которых были выявлены по базе данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК) и протоколам заседаний тройки УНКВД по Алтайскому краю.

Анализ содержания данного комплекса судебно-следственных дел и прежде всего содержащихся в них реабилитационных материалов (анкет, справок, показаний осужденных и свидетелей, справок из райисполкомов, сельсоветов и архивов, на основании которых в ходе пересмотра дел в 1939–1941 гг. и реабилитационных мероприятий, проводившихся в 1950–1960-е годы, уточнялось со-

⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 1–354; Отдел реабилитации и архивной информации ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Архивная коллекция протоколов заседаний тройки при УНКВД по АК.

⁷ Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2. М., 2005. С. 60.

циальное происхождение репрессированных) показывает, что около 40% от всех репрессированных в 1937–1938 гг. по целевой группе «бывшие кулаки» составили лица, не раскулачивавшиеся и не лишавшиеся избирательных прав в период коллективизации, т. е. кулаками фактически не являвшиеся, чья принадлежность к этой социальной группе была сфальсифицирована работниками НКВД в ходе следствия.

Среди тех, кто действительно раскулачивался (и этот факт подтвержден показаниями свидетелей или архивными справками во время реабилитации), примерно 2/3 составляли кулаки – главы домохозяйств (на момент раскулачивания) и 1/3 – несовершеннолетние или совершеннолетние, но неотделенные дети (сыновья), которые раскулачивались и часто оказывались в ссылке вместе с родителями. В следственных делах дети кулаков проходят в основном как бежавшие из мест ссылки (для кулаков с Алтая – это Нарым), что отражает ситуацию восприятия ими ссылки на поселение как незаслуженного наказания, платы за «грехи отцов» и свидетельствует об их попытках посредством побега изменить свою судьбу.

Среди тех, кто не подвергался раскулачиванию, тоже есть дети кулаков, выделившиеся из отцовских хозяйств еще до начала коллективизации и по показателям своей хозяйственной состоятельности под раскулачивание и лишение избирательных прав не попавшие. Они составляют 1/5 часть от общего числа тех, кто был репрессирован в 1937–1938 гг. по «кулацкой категории», но в действительности раскулачиванию не подвергался. Безусловно, эта группа – отделившихся кулацких детей – создавала широкую социальную основу для репрессий, поскольку дети кулаков рассматривались инициаторами и проводниками репрессий как «враги по рождению», чья социальная враждебность советскому строю была заложена чуть ли не на генетическом уровне⁸. Показательной в этой связи является справка Ново-Петровского сельсовета Панкрушихинского района на арестованного «органами» Д.Ф. Истомина (от 27 января 1938 г.): «Его отец потомственный кулак. Его дед Михаил служил псаломщиком. Они имели по несколько двухэтажных домов. Но сын сейчас Истомин Дмитрий Фе-

⁸ В группу риска входили и те, кто был связан с раскулаченными более отдаленной степенью родства (племянники, зятья и т. д.) Такие родственные связи часто отражались в материалах следствия в качестве компрометирующих обвиняемого сведений.

дорович, как его не учи, как не перевоспитывай, он все в лес глядит. Одним словом, потомственные кулаки»⁹.

Судя по протоколам и судебно-следственным делам, рассматривавшимся алтайской тройкой, аресты отделившихся детей кулаков, которые официально не подвергались раскулачиванию и лишению избирательных прав, становятся массовыми с ноября 1937 г., после того как были репрессированы более «социально опасные элементы» – бывшие кулаки, освободившиеся из мест заключения (после отбытия срока по приговорам, вынесенным тройками, действовавшими в период коллективизации или досрочного освобождения по амнистии или за «ударный труд»), кулаки и их дети, бежавшие из мест ссылки (такие побегι участились после принятия конституции 1936 г.) и спецпоселенцы.

В целом даже за вычетом отделившихся детей кулаков (которые хотя и не раскулачивались, но воспринимались властью как потенциально враждебный элемент и в силу этого являлись социальной базой для рекрутирования жертв террора) около 40% от всех осужденных по категории кулаков составили лица, не являвшиеся кулаками или детьми кулаков, не раскулачивавшиеся и не лишавшиеся избирательных прав (в ходе реабилитационных мероприятий было установлено, что они происходили из середняков или бедняков), чья принадлежность к этой социально враждебной группе была сфальсифицирована в процессе следствия.

Возможность для произвольного обращения с данными о социальном происхождении при проведении репрессивной кампании была заложена уже в самом тексте приказа № 00447. В разделе, где устанавливались контингенты, подлежащие репрессии, в числе прочих указывались также «кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность»¹⁰. Поэтому в справках сельсоветов, выдаваемых по требованию следователей НКВД, социальное происхождение арестованных нередко определялось такими терминами, как «невьявленный кулак», «недовьявленный кулак», «неразоблаченный кулак», «кулак, укρывшийся в колхозе» и т. п.

⁹ Справка Ново-Петровского сельсовета Панкрушихинского района на Д.Ф. Истомина от 27 января 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5116. Т. 2. Л. 56.

¹⁰ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 85.

По мере развертывания операции, с исчерпанием заранее составленных списков и агентурных разработок, число репрессированных, в отношении которых данные о социальном происхождении фальсифицировались (в обвинительных заключениях и приговорах тройки они проходили как «кулаки», а в ходе реабилитационных проверок выяснялось, что они происходят из середняцко-бедняцкой прослойки) возрастало: так, среди тех, чьи дела рассматривались тройкой в с 5 по 18 августа 1937 г. таковых было 24%, в конце октябре–ноябре 1937 г. – 30%, а на завершающем этапе работы тройки – 14 и 15 марта 1938 г. – около 70%.

О том, что данные о принадлежности к основной целевой группе приказа – кулакам фальсифицировались в ходе следствия, свидетельствуют показания причастных к этому должностных лиц, данные ими в ходе реабилитационных мероприятий. Так, по свидетельству сотрудника краевого управления НКВД Н.Л. Баева (1939 г.), во время «кулацкой операции» «имело место огульное приписывание кулацкого соцпроисхождения, поскольку сотрудники НКВД гнались за количеством»¹¹. В реабилитационных материалах архивно-следственных дел отложились также многочисленные свидетельства бывших председателей и секретарей сельсоветов о том, что справки об имущественном положении и социальном происхождении арестованных писались ими под диктовку сотрудников НКВД¹². Так, секретарь Ненинского сельсовета Солтонского р-на Р. показывал на допросе, проводившемся в 1940 г. в рамках пересмотра одного из следственных дел, по которому в 1937 г. были осуждена группа «кулаков» из 32 чел., что «справки и характеристики писались мною по указанию председателя сельсовета Леонтьева и сотрудников милиции..., по их указанию нужно было писать в справках и характеристиках, что все эти люди *кулаки* (*курсив мой.* – В.Р.), занимались вредительством и антисоветской агитаци-

¹¹ Заявление сотрудника УНКВД по Алтайскому краю Баева секретарю Алтайского крайкома ВКП(б) (февраль 1939 г.) // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5700. Т. 8. Л. 265.

¹² См.: протоколы допросов председателя Бурановского сельсовета Тогольского района С.М. Кузменкова (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7463 Л. 109), секретаря Сидоровского сельсовета Романовского района И.П. Воробьева (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Д. 6352. Т. 3. Л. 39–40), секретаря Камышенского сельсовета Родинского района М.Ф. Щитова (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Д. 6574. Л. 198), председателя Родинского сельсовета одноименного района Д.А. Чернущ (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Д. 6125. Т. 2. Л. 31) и др.

ей, саботировали в выполнении плана хлебозаготовок, эти сотрудники говорили, что раз они арестованы, значит, враги народа, а поэтому так нужно писать, несколько написанных мною справок, которые соответствовали действительности, они рвали и давали задание написать новые, говоря, что такие справки и характеристики не нужны...»¹³ В результате в справках, выданных сельсоветами Солтонского района в 1937 г., 30 из 32 арестованных по делу значились как «кулаки». А в ходе проверки, проведенной в 1940 г. в рамках следственных мероприятий по пересмотру этого дела, было установлено, что из 32 арестованных кулацкое происхождение имели лишь 8 человек (5 кулаков и 3 сыновей кулаков), а остальные происходили из середняков и бедняков (соответственно 21 и 3 человека)¹⁴. Из 28 человек, проходивших в 1938 г. по делу о повстанческой организации в с. Рогозиха Павловского района, как показала проверка, проведенная прокуратурой в 1940 г., только 5 человек лишались ранее избирательных прав и раскулачивались, хотя в обвинительном заключении, по которому они были осуждены в 1938 г., почти все они значились как «кулаки»¹⁵ Подобные же проверки, проводившиеся следователями прокуратуры по делу о «контрреволюционной организации» в селах Ново-Ильинского сельсовета Хабаровского района, выявили приписывание кулацкого происхождения 12 из 18 осужденных, по делу об антисоветской группе в Славгородском районе – 16 из 17 осужденных, по делу о ровсовской организации в Алтайском районе – 4 из 8 чел., по делу о контрреволюционной организации в Благовещенском районе – 14 из 18 чел. (проверка 1959 г.), по делу о контрреволюционной группе в Ново-Киевском районе – 8 из 8 чел. (проверка 1960 г.)¹⁶.

Можно высказать предположение, которое, впрочем, нуждается в подтверждении сравнительно-региональными исследованиями, что Алтайский край относился к тем территориям, где фальсификация кулацкого происхождения приобретала наибольшие масштабы, так как кулацкий элемент здесь в значительной степени был

¹³ Протокол допроса бывшего секретаря Ненинского сельсовета Солтонского района Р. от 24 мая 1940 г. // ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 9. Оп. 29. л/с.

Д. 576. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 151.

¹⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7547. Л. 346–368, Л. 674–680.

¹⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7218. Л. 370; Д. 8099. Л. 290; Д. 7203. Л. 274; Д. 9037. Л. 201 и др.

«изъят» органами НКВД еще до «кулацкой операции»: в ходе разоблачения «заговора в сельском хозяйстве» (1933 г.) и «ровсовской» операции, в которых бывшие кулаки составляли значительный контингент репрессируемых¹⁷.

Хотя на Алтае, отличавшимся плодородием почв и более высоким уровнем зажиточности крестьянства, процент раскулаченных крестьянских семей в период коллективизации был более значительным, чем в среднем по Сибири (так, в ряде районов раскулачивалось до 10% крестьянских хозяйств¹⁸, при среднем показателе по Сибири в 6–7%), подавляющая часть их были высланы в северные районы. Так, в Сибирском крае к 15 марта 1930 г. состояло на учете 75 тыс. кулацких хозяйств. Из них в 1930 г. заключены в тюрьмы и лагеря – 10,5 тыс. чел., высланы в необжитые районы – 16 тыс. семей. Остальные были отнесены к третьей категории и должны были быть расселены в пределах районов и округов прежнего прожи-

¹⁷ По делу о заговоре в сельском хозяйстве в Западно-Сибирском крае были осуждены 2092 чел., при этом наибольшее число репрессированных, естественно, приходилось на сельскохозяйственные территории и прежде всего районы, вошедшие в 1937 г. в Алтайский край – 1144 чел. (Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. 1931–1936. Барнаул, 1999. С. 9–10). Операция по разоблачению отделов белогвардейско-монархической организации РОВС в Западной Сибири началась еще до «кулацкой операции» и проводилась затем параллельно. Всего Алтайская и Новосибирская тройка и предшествующая им тройка по Заасибкраю приговорили в 1937 г. по «делу РОВСа» 29528 чел. (Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 597). Более половины всех осужденных в рамках ровсовской операции были кулаки и спецпереселенцы (по данным на 4 октября 1937 г., 4345 чел из общего числа 8047 чел.) (Там же. Л. 257–258). О том, что существовала установка на привлечение по этому делу бывших кулаков свидетельствуют работники НКВД, допрашивавшиеся в ходе следствия в отношении наиболее активных участников репрессивной акции, привлеченных к ответственности после ее окончания. Так, по показаниям сотрудника краевого управления НКВД Каменских (1939 г.), работавшего в период проведения ровсовской операции в Бийском районе, здесь были составлены списки членов местной ровсовской организации на 1100 чел.: «когда исчерпаны были все агентурные разработки, были посланы по производствам и сельсоветам люди, выявлявшие кулаков и их арестовывали и присоединяли к «ровсовской» организации» (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10210. Л. 115–118).

¹⁸ Скабелкин П.Я. Страницы истории Панкрушихинского района. Барнаул, 2000. С. 78; Зональный район. История, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 683–686.

вания в специальных поселках за пределами коллективных хозяйств. В 1931 г. раскулачивание уже осуществлялось без выделения третьей категории и основная часть кулаков, отнесенных в предыдущем году к третьей категории, в течение 1931 г. была выслана в Нарымский край. Всего из Западно-Сибирского края в 1931 г. было выслано в северные районы более 46 тыс. семей, т.е. подавляющая часть «кулаков» в течение 1930–1931 гг. оказалась в ссылке или в лагерях. К началу 1932 г. в кулацких списках во всех районах Западно-Сибирского края значилось 9,5 тыс. хозяйств, на 1 мая 1933 г. – 5,4 тыс. хозяйств¹⁹.

Уже на первом этапе операции были арестованы лица, на которых у органов НКВД имелись агентурные разработки, бывшие кулаки, вернувшиеся из лагерей после отбытия заключения по приговорам, вынесенным тройками в период коллективизации (они состояли на спецучете в органах НКВД), кулаки, бежавшие из мест ссылки, спецпоселенцы, затем настала очередь тех, кто, раскулачиваясь, но избежал высылки в северные районы, «самораскулачившихся», отделившихся детей кулаков и т.д. Во многих случаях этих категорий могло не хватать для выполнения установленных лимитов на аресты, что порождало практику «приписывания» кулацкого происхождения.

Фабрикация следственных дел на «кулаков» приобретала особенно большие масштабы, когда репрессивная кампания приобретала наибольшую динамику – в период объявлений о завершении операции – в ноябре–декабре 1937 и марте 1938 гг., массовыми арестами подкреплялись также направлявшиеся в Москву запросы на повышение лимитов. Вполне естественно, что контрольные цифры арестов и осуждений достигались в первую очередь за счет отнесения жертв террора к основному из обозначенных в приказе контингентов репрессий – «кулакам».

Конкретная практика осуществления репрессивной операции в Алтайском крае содержала и множество частных случаев эскалации террора, порождавшей масштабные «приписки» кулацкого происхождения. Так, во время проведения локальной репрессивной акции в Солтонском районе, обусловленной невыполнением плана госпоставок, работникам местного отдела НКВД было дано указание срочно арестовать по району до 250–300 человек. Как свиде-

¹⁹ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 12–16.

тельствовал один из участников этой акции бывший сотрудник райотдела НКВД Чупин, «в большинстве своем из числа этого количества арестовывали середняков и бедняков, в сельсоветах на них брали справки о том, что они – кулаки, лишались избирательных прав и выселялись в Нарым»²⁰. Довольно часто данные о социальном происхождении фальсифицировались и в случаях фабрикации дел на якобы созданные и действовавшие в Алтайском крае крупные «контрреволюционные организации» – в частности, по делам о контрреволюционной эсеровской организации, многочисленные филиалы которой местные работники госбезопасности вскрывали в различных районах края²¹.

Установление факта массовой «приписки» арестованным «кулацкого» происхождения» не означает, что мы отвергаем версию о целенаправленности террора. Изучение архивно-следственных дел показывает, что наряду с целевыми группами террора, прямо обозначенными в приказе № 00447, имелись и группы населения, которые можно обозначить как «группы риска», не совпадавшие с целевыми группами приказа, но из которых в ходе проведения репрессивной операции с высокой степенью регулярности рекрутировались жертвы террора.

«Группы риска» как социальная база для репрессий

Одну из таких групп составили лица, уже имевшие судимость и освободившиеся после отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях. В основном это были крестьяне, осуждавшиеся в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. за невыполнение налоговых обязательств или кражу колхозного хлеба (преимущественно по ст. 61 УК и закону от 7 августа 1932 года). Освободившиеся после отбытия наказания или в результате досрочного освобождения, в 1937–1938 гг. они вновь арестовывались и предавались суду троек. По подсчетам, сделанным нами на основе материалов архивно-следственных дел, среди всех репрессированных по социальной ка-

²⁰ Протокол допроса сотрудника Солтонского РОМ НКВД Чупина от 17 декабря 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4637. Л. 215.

²¹ Следственные дела по обвинению участников контрреволюционной эсеровской организации в Рубцовском районе (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1896. Т. 1–4); в Каменском районе (Д. 4136. Т. 1–2), Панкрушихинском районе (Д. 4304); Кытмановском районе (Д. 6070) Солонешенском районе (Д. 4692) и др.

тегории «бывшие кулаки» лица, ранее судившиеся или находившиеся под следствием, составляли около 40%, а среди тех, чья принадлежность к кулачеству была сфальсифицирована следователями, этот процент достигал 58. Однажды проявившие нелояльность к власти они и в дальнейшем воспринимались ею как социально враждебный элемент²².

Еще одной социальной группой риска были крестьяне-единоличники. Хотя единоличники не были названы в тексте приказа в качестве отдельной целевой группы, тем не менее, они составили 7,5% от общего числа репрессированных алтайской тройкой по целевой группе «кулаки». В ряде случаев единоличники осуждались целыми группами. Так, на заседании тройки 24 ноября 1937 г. рассматривалось дело о контрреволюционной кулацкой организации, действовавшей в селах Камышенка и Александровка Родинского района. Из 12 человек, осужденных тройкой по этому делу, 10 были единоличниками. Представители сельской администрации, подавшие на них справки в райотдел НКВД, исходили из того, что это были люди со сложившимся антиколхозным мировоззрением, чуждые колхозному строю. По определению секретаря местного сельсовета, «все эти лица считались людьми, не желавшими распротиться со старым единоличным образом жизни»²³. Насильственным устранением единоличников террор способствовал ликвидации остатков нежелательных экономических структур и, следовательно, упрочению колхозного строя, окончательному завершению процесса коллективизации.

В ходе репрессивной кампании 1937–1938 гг. объектом репрессий стали и маргинальные слои населения – лица без определенных занятий и определенного места жительства: они составили 5% от общего числа репрессированных по категории «бывшие кулаки».

²² Правда, необходимо отметить, что сведения о прежней судимости, указанные в анкете или обвинительном заключении, тоже могли быть «припиской». Так, осужденный В. в своей жалобе на имя Верховного прокурора в 1939 г. писал, что «следователь насильно мне навязывал вторую судимость, о которой мне не снилось и во сне, что я якобы был еще сужден до этого, а кем и когда так он мне и не сказал...» (Прошение В. Верховному прокурору СССР о пересмотре дела от 28 сентября 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 17746. Л. 21) (в анкету арестованного следователь действительно внес запись о том, что В. был в 1930 г. осужден на 2 года за саботаж хлебозаготовок по 61 ст. УК РСФСР).

²³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6574. Л. 197.

Таким образом, можно констатировать, что помимо целевых групп, обозначенных в приказе № 00447, в ходе проведения репрессивной операции обозначились и социальные группы риска (по терминологии работников НКВД, они происходили из «социально близкой» к кулакам прослойки²⁴), представители которых на основании сфальсифицированных данных (справок и характеристик, составленных в сельсоветах и правлениях колхозов под диктовку следователей НКВД, «признаний», выбитых физическими истязаниями или угрозами пыток) включались в целевые группы репрессий, в рассматриваемом нами случае в категорию «бывших кулаков». Хотя окончательные выводы о том, насколько велика была эта социальная зона риска, могут дать дальнейшие исследования по другим целевым группам и другим регионам, все-таки можно предположить, что наличие социальных групп риска способствовало эскалации террора, во многом придавало ему массовый характер.

Нередко кулацкое происхождение приписывалось как «отягчающее обстоятельство» и тем арестованным, которые репрессировались за то, что имели какие-то иные «темные пятна» в биографии (часть из них входила в другие контингенты, определявшиеся приказом как подлежавшие репрессии) – состояли ранее в партии эсеров, анархистов и других «контрреволюционных» партиях, исключались из ВКП(б) (исключенные из компартии как «социально чуждые» и за «искривление линии партии» составили 5,2% от числа осужденных по кулацкой категории – 15 из 290 чел.), служили в белой армии (служба в колчаковской армии отмечена в анкетах 11% осужденных по категории «бывшие кулаки» (у 32 из 290 чел.), принимали участие в крестьянских восстаниях периода военного коммунизма и коллективизации (6,9 % – 20 из 290 чел.).

Часть отнесенных в ходе следствия к целевой группе «кулаки», а таковыми в действительности не являвшихся, могла быть арестована на основании имеющихся у работников НКВД агентурных материалов, в которых могли содержаться сведения об их антисоветских и антиколхозных высказываниях, подпадающих под статью 58–10 об «антисоветской агитации» (о количестве таких арестов, обоснованных агентурными разработками, трудно судить определенно, поскольку при поступлении архивно-следственных дел на

²⁴ Протокол допроса сотрудника Солтонского РОМ НКВД Чупина от 17 декабря 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4637. Л. 214.

государственное хранение из ведомственного архива ФСБ документы, содержащие сведения об оперативно-розыскных мероприятиях, не передавались). В таких случаях репресслируемые чаще всего «проводились» по наиболее крупной целевой группе приказа № 00447 посредством «приписки» им кулацкого происхождения.

Экономические факторы репрессий

Выше уже отмечалось стремление властей «списать» возникшие в годы первых пятилеток экономические трудности (срывы в выполнении плановых заданий, аварии в промышленности и на транспорте, кризис в сельском хозяйстве, дефицит товаров и продовольствия) на вредительскую и диверсионную деятельность социально враждебных групп и элементов, против которых была развернута кампания террора.

О том, что «Большой террор» был обусловлен не только социальными, но и экономическими факторами, свидетельствует массовый характер обвинений во вредительской и диверсионной деятельности, которые предъявлялись подследственным в ходе репрессивной акции, проводившейся в рамках выполнения приказа № 00447. По рассматриваемой нами категории «бывшие кулаки» это были обвинения в хищении, порче и поджоге колхозного имущества, подрыве трудовой дисциплины и разложении колхозов, злонамеренной организации падежа скота и пр. Так, в изученных нами архивно-следственных делах обвинения во вредительстве, саботаже и диверсионной деятельности (пункты 7, 9, 14 ст. 58 УК) содержатся в обвинительных заключениях около 40% подследственных. Часто оно предъявлялось наряду с обвинениями в антисоветской агитации и участии в контрреволюционных организациях (пункты 2,10,11 ст. 58). При этом чаще всего «вредительством» объявлялись упущения в хозяйственной деятельности – поломка сельскохозяйственной техники, падеж скота из-за бескормицы или эпизоотий, срыв посевной кампании из-за непогоды или нехватки семенного материала и т.п.²⁵

С самого начала операции работников НКВД, занимавшихся сбором компрометирующих сведений для составления списков лиц, подлежащих репрессии, руководство нацеливало на включение в них тех, кто допускал те или иные «антиколхозные проявле-

²⁵ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5608. Л. 386–387; Д. 7218. Л. 162 об.–183, 267.

ния». Бывший начальник отдела НКВД Алтайского района И., назначенный на эту должность в конце 1937 г., а в начале операции занимавший должность помощника оперуполномоченного Бийского РО НКВД, свидетельствовал: «В начале массовых арестов группе сотрудников Бийского РО НКВД..., в которую входил и я, руководством Бийского РО НКВД было дано задание выехать в с. Плешково и собрать там данные на ранее судимых за контрреволюционные преступления, на кулаков, на лиц, плохо выполняющих госпоставки, на лиц, не вступивших в колхозы и ведущих антиколхозные и антисоветские разговоры.... Перед допросом свидетелей собирался актив села Плешково, в беседе с которыми выяснялись те или иные факты антисоветских и особенно антиколхозных проявлений, имевших место в селе»²⁶.

Т.Е. Руденко, работавший во второй половине 1930-х гг. председателем Курского сельсовета Кулундинского района, будучи допрошен в процессе реабилитационных мероприятий, свидетельствовал, что следователи в 1937 г. «спрашивали меня о всех фактах падежа скота, нарушения трудовой дисциплины, убытках, понесенных за перепашку посевов и, не интересуясь конкретными виновниками, записывали в протокол допроса, что это сделано тем или другим арестованным с целью вредительства»²⁷. Начальник Ново-Киевского районного отделения НКВД Баранов инструктировал своих подчиненных, чтобы они при составлении обвинительного заключения спрашивали у арестованных, «какие были недостатки в колхозе, как-то поломка тракторов, падеж скота, какие были пожары и т.д., а после чего писать все ему известные факты как им сделанные в контрреволюционных целях»²⁸. О том, что руководство приказывало ему, чтобы при составлении протоколов «все недостатки, имевшиеся в колхозах, подводить под вредительство», свидетельствовал и бывший сотрудник Змеиногорского райотдела милиции Б.²⁹

Стремление властей объяснить провалы в экономике и продовольственные трудности злонамеренными действиями социально

²⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7123. Л. 243–244.

²⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4133. Т. 2. Л. 186.

²⁸ Протокол допроса оперуполномоченного уголовного розыска Новокиевского РОМ НКВД Дмитриенко от 16 декабря 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9097. Л. 195.

²⁹ Протокол допроса сотрудника Змеиногорского райотдела милиции Б. (1957 г.) // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5207. Т. 4. Л. 76–76 об.

враждебных элементов нашло выражение и в таком достаточно распространенном в период Большого террора явлении как пере-квалификация уголовных дел, возбужденных работниками прокуратуры по хозяйственным и должностным преступлениям, в политические и передача их на этом основании из судов на рассмотре-ние внесудебных чрезвычайных органов – троек. В качестве при-мера можно привести дело председателя колхоза «Красный росси-ец» Благовещенского района И.Н. Мошкина, который в июне 1937 г. был привлечен прокуратурой за хозяйственные преступле-ния (хищение колхозного имущества, должностные злоупотребле-ния и нанесение убытка колхозу), а затем, когда началась репрес-сивная операция по приказу 00447, в проведении которой работни-ки прокуратуры, согласно указанию Верховного прокурора СССР Вышинского, должны были всемерно содействовать органам НКВД, дело было передано из прокуратуры в НКВД, и ему было предъявлено обвинение во вредительстве и подрыве колхозного животноводства (по пункту 7 ст. 58 УК)³⁰. В политические были также переквалифицированы первоначально рассматривавшиеся прокуратурой и нарсудом дело счетовода колхоза имени 19 лет Ок-тября Тогульского района А.З. Воронина, дело о хищениях в Сол-тонском райпотребсоюзе и др.³¹

С вредительской деятельностью «социально чуждых» в деревне связывалось и невыполнение планов сдачи сельскохозяйственной продукции государству. Так, слабая поставка зерна урожая 1937 года из Солтонского района (к 10 ноября 1937 г. район выпол-нил план госпоставок только на 25%, а в некоторых колхозах райо-на этот процент не достигал и 10) послужила основанием для вы-водов о недостаточной работе по «изъятию кулацкого элемента». В результате последовавшей за этим репрессивной акции, иницииро-ванной начальником краевого управления НКВД Поповым, в нояб-ре 1938 г. в районе были арестованы более 200 чел.³²

Достаточно распространенным направлением репрессий в сель-скохозяйственных регионах страны, в том числе и в Алтайском крае, в 1937 г. являлись осуждения по обвинению «во вредитель-стве в хранении зерна». В конце августа 1937 г. партийно-хозяйственному руководству на местах вплоть до районных упол-

³⁰ Следственное дело по обвинению И.Н. Мошкина и др. (25 чел.) // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5608.

³¹ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4637, 7647, 14948.

³² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4637. Л. 215.

номоченных заготовительных организаций, заведующих элеваторами, складами и мельницами была разослана подписанная Сталиным и Молотовым директива «О борьбе с клещом», в которой от них требовалось организовать борьбу с клещом под угрозой привлечения к «уголовной ответственности как вредителей и врагов народа» Эта угроза в дальнейшем была подтверждена циркуляром Прокуратуры СССР, разосланным 2 сентября и обязавшим прокурорские органы на местах по «сигналам о неблагополучии на складах... немедленно проводить расследование, окончанием в 5-дневный срок, привлекая виновных по статье 58–7 ... как вредителей, врагов народа»³³. Так как надлежащие условия для хранения и очистки зерна на большинстве элеваторов, из-за не выделения достаточных финансовых средств, отсутствовали, это открывало следственным органам широкие возможности для фабрикации дел по «вредительству» на элеваторах и пунктах заготзерно. В Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 гг. практически на всех крупных элеваторах работниками прокуратуры и НКВД были «раскрыты» контрреволюционные группы вредителей, которые составлялись, как правило, из руководителей, инженеров и несколько рядовых работников хлебоприемных пунктов. Часть из них осуждалась в судебном порядке, в том числе и через показательные судебные процессы³⁴, другая часть проходила через тройки³⁵.

Злонамеренным вредительством социально враждебных элементов объяснялись неудачи в организации социалистического соревнования в колхозах, неудачные попытки придать массовый и долговременный характер насаждавшемуся на Алтае так называемому ефремовскому движению³⁶. Так, в числе обвинений, предъявленных осужденному А.С. Кравчуку, жителю ст. Бурла Славгородско-

³³ Данилов В.П. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 43.

³⁴ Вопрос об открытых судебных процессах на Алтае еще не изучен. В источниках содержатся упоминания о проведении таких процессов в Марушинском, Усть-Пристанском, Тальменском районах.

³⁵ См. следственные дела по обвинению работников Кулундинского элеватора, Михайловской мельницы, Овчинниковского заготзерно и др. (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4127, 5285; 5995 и др.).

³⁶ Движение за высокую урожайность, названное по имени его зачинателя – звеньевго колхоза «Искра» Белоглазовского района М.Е. Ефремова.

го района, указывался «развал стахановского звена»³⁷. Руководитель ефремовского звена в колхозе имени Чапаева Хабаровского района Т. Удовик, который из-за нарушения технологии получил на своих опытных полях урожай даже более низкий, чем тот, который был собран на обычных полях колхоза, был арестован и предан суду тройки, среди предъявленных ему обвинений значилось и обвинение в «опошлении ефремовского движения»³⁸.

В ходе реализации приказа № 00447 распространенной была не только практика приписывания кулакам, их детям и выходцам из «социально близкой» среды актов хозяйственного «вредительства» и «диверсий», в действительности ими не совершавшихся. Нередко, как показывает изучение архивно-следственных дел, обвинения во вредительстве и диверсионной деятельности предъявлялись тем, кто по своим должностным обязанностям должен был обеспечивать сохранность «социалистической собственности» (сторожам в случае пожаров, приводивших к потере хлеба или другого колхозного имущества, ветеринарам при падежах скота в результате эпизоотий, трактористам в случаях поломки тракторов, работникам зернохранилищ в случаях порчи зерна из-за нехватки складских помещений или несвоевременной его переработки и т.д.). Понятно, что часто они не имели никакого отношения к кулакам, и кулацкое происхождение им приписывалось с тем, чтобы подвести их под самую распространенную целевую группу репрессивной акции, сама принадлежность к которой рассматривалась как основание, достаточное для ареста. Такого рода действия исполнителей репрессивной акции соответствовали и, в свою очередь, подкрепляли один из основных идеологических постулатов, пропагандировавшийся в обществе в период подготовки и проведения операции: о том, что именно злонамеренные диверсионные и вредительские действия кулачества и других социально чуждых элементов являются главной причиной «пробуксовки» механизма колхозного производства и кризиса сельского хозяйства.

Антисоветские социальные элементы и, прежде всего бывшие кулаки, часть из которых переселилась в города и промышленные поселки, представлялись «главными зачинщиками всякого рода ан-

³⁷ Следственное дело по обвинению А.С. Кравчука // ОСД ГААК. Ф. Р- 2. Оп. 7. Д. 17717. Л. 18.

³⁸ Следственное дело по обвинению Остапенко Л.К. и др. (19 чел.) // ОСД ГААК. Ф. Р- 2. Оп. 7. Д. 7218. Л. 255–255 об., 269–269 об.

тисоветских и диверсионных преступлений» не только в колхозах, но и на промышленных и транспортных предприятиях. По изученной нами группе дел, около 20% осужденных «кулаков» проживали в городах и рабочих поселках и работали на промышленных и транспортных предприятиях. Особенно часто вернувшиеся из заключения или избежавшие высылки кулаки устраивались в заготовительные организации, лесхозы, на горнорудничные предприятия, действовавшие в отдаленной труднодоступной местности, пытаясь избежать возможных новых репрессий, но и здесь их в 1937–1938 гг. находили, арестовывали и предавали суду тройки. Так, П.И. Кудрин, после того как в 1931 г. сельсоветом его хозяйство было признано кулацким и распродано, уехал с семьей в Тогульский район на золотые прииски, однако 7 октября 1937 г. был арестован и 3 ноября приговорен к расстрелу как член контрреволюционной группы, занимавшейся вредительством и антисоветской агитацией³⁹. Такая же участь постигла и кулацкого сына И.Е. Осинцева, который проходил службу в армии, когда отца раскулачили и сослали с семьей в Нарым. После окончания службы он вернулся в родное село, то оказался бездомным (по показаниям одного из свидетелей, данным в 1965 г., «жил очень бедно, даже не имел своего дома»), поэтому завербовался на строительство Чуйского тракта. В 1937 г., являясь рабочим Бийского дорстроя, был репрессирован по обвинению в поджоге склада и антисоветской агитации⁴⁰. Как показывают материалы архивно-следственных дел, среди осужденных по обвинению в диверсионной и вредительской деятельности на промышленных предприятиях также было немало тех, кто «подводился» работниками госбезопасности в ходе следствия под «кулацкий контингент», в действительности не имея кулацких социальных корней⁴¹.

Массовый характер обвинений во вредительстве и диверсиях в колхозах, предъявлявшихся в ходе реализации операции по приказу № 00447 в Алтайском крае, позволяет утверждать, что репрессии использовались как инструмент укрепления колхозного строя по-

³⁹ Следственное дело по обвинению Кудрина П.И. и др. (4 чел.) // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6407.

⁴⁰ Следственное дело по обвинению И.Е. Осинцева // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12249.

⁴¹ См. следственные дела К.И. Повиляева (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 17938), Я.Я. Зеленина (Д. 7248), В.Я. Горянина (Д. 8299), П.Я. Заюкова (Д. 7124) и др.

средством «очистения» колхозов от наиболее явно саботировавших колхозное производство «элементов» и воздействия дисциплиной страха на остальных.

Террор и колхозное руководство

Террор использовался не только партийно-государственным руководством для решения определенных политических, социальных и экономических задач, создавшейся ситуацией активно пользовались и местные хозяйственные руководители (в рассматриваемом нами случае это председатели колхозов и другие представители сельского актива) для решения собственных проблем. Как показывает изучение архивно-следственных дел, обращения в «органы» писались ими на нарушителей трудовой дисциплины, а также тех колхозников, которые стремились выйти из колхоза и устроиться на работу на промышленные предприятия в райцентрах и городах и подавали тем самым «плохой» пример остальным колхозникам. Их обвиняли в «подрыве колхозов», «вредительстве» и т.п. Показателен в этом отношении пример с членом сельхозартели им. Микояна Родинского района Сапуновым, который в сентябре 1937 г., во время уборки урожая, обратился в правление колхоза и сельсовет с просьбой о выдаче ему справки на отходничество. Это привело к скандалу с прибывшим в село для инспектирования хода уборки районным уполномоченным, который вместе с одним из членов сельсовета написали на Сапунова характеристику-донос, в которой обвиняли его в разложении трудовой дисциплины, и передали ее в местный отдел НКВД. 9 ноября 1937 г. Сапунов был арестован, а среди обвинительных материалов, включенных в его дело, фигурировала и указанная характеристика⁴².

Обращения колхозных руководителей в органы НКВД (в обязанности которых входил контроль за выполнением колхозами плановых заданий по ремонту техники, севу, уборке урожая и т.д.) могли использоваться и как устрашающая мера, чтобы найти управу на тех колхозников, кто часто лишь числился в колхозах и не выработывал даже положенного минимума трудодней, при этом занимаясь промыслами. Так, пимокат села Шебнюха Чарышского района М.И. Гурин, который хотя и вступил в местный колхоз им.

⁴² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6574. Л. 175–176. См. также: Д. 5608, 7665 и др.

Буденного, был арестован по заявлению председателя колхоза за то, что «катал пимы за деньги, а за трудодни работать не хотел»⁴³. Уклонение от работы или недобросовестная работа в колхозном производстве, невыполнение минимума трудодней часто фигурировало как компромат в справках и характеристиках, которые выдавались сельсоветами и правлениями колхозов, использовавшийся затем при формулировании обвинений. Так, в справке-характеристике, выданной Каменским горсоветом на арестованного в январе 1938 г. члена с/х артели имени Эйхе (базировалась в Камне-на-Оби) Д.Г. Деревянко указывалось, что он «за 1937 год не имеет ни одного трудодня и справкой колхозника уклоняется от всех платежей... Живет на средства от содержания индивидуально-го заезжего двора, надсмехается над колхозниками, что дураков работа любит, вы работайте на большевиков, а мы поживем и так»⁴⁴.

Жертвами репрессий становились также колхозники, критиковавшие руководство на колхозных собраниях⁴⁵, сельские правдолюбцы, писавшие письма и заметки в газеты о недостатках и злоупотреблениях в работе колхозного руководства. Так, в ноябре 1937 г. был арестован селькор Я.Я. Каптуревский, проживавший в поселке Воскресеновка Ключевского района, который, как было сказано в характеристике, поданной в районный отдел НКВД директором Буденновской МТС, где он работал комбайнером, «делал и делает неоднократные попытки компрометировать председателя колхоза». Одновременно в НКВД был передан акт о выводе Каптуревским из строя комбайна, в результате он был приговорен тройкой УНКВД по Алтайскому краю по обвинению во вредительстве к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет⁴⁶. Приговоренный тройкой к 10-летнему заключению И.С. Попов, обращаясь в 1939 г. к прокурору Алтайского края с заявлением о пересмотре дела, писал, что он есть «жертва ложных доносов и сведения личных счетов» со стороны председателя колхоза, бригадира и председателя ревизионной комиссии, которые «с корыстной це-

⁴³ Свидетельские показания председателя колхоза им Буденного Д. от 19 июля 1937 г. по делу М.И. Гурина // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15714. Л. 17–17 об.

⁴⁴ Справка Каменского горсовета на Д.Г. Деревянко от 27.01.1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4136. Т. 1. Л. 371.

⁴⁵ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4127. Л. 338; Д. 16260. Л. 118–118 об.

⁴⁶ Следственное дело по обвинению Я.Я. Каптуревского и др. (14 чел.). // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4133. Т. 1. Л. 85–88 об.

лью в посевную кампанию 1937 г. в одной из клеток колхозных полей оставили посередине клетки незасеянное место площадью 5 гектар, семена, видно, продали на кутеж, потому что зерно выписано на всю площадь клетки». Когда с началом косовицы незасеянное место обнаружилось, Попов как селькор колхоза написал статью в газету и показал ее председателю колхоза, «который в пьяном виде разорвал эту статью и пригрозил мне, что он это обстоятельство мне в свое время вспомнит»⁴⁷.

Частыми жертвами доносительства становились председатели колхозных ревизионных комиссий, вскрывавшие факты хищения колхозным руководством финансовых или материальных средств. В этом случае председатель колхоза своим обращением в НКВД упреждал обращение в судебные-следственные органы председателя ревизионной комиссии⁴⁸.

Показательным является и тот факт, что из 445 свидетелей, проходящих по изученным нами архивно-следственным делам, почти половину (44%) составляли председатели колхозов, директора МТС, председатели и секретари сельсоветов, бригадиры, заведующие фермами и другие представители сельского руководства. Конечно, скорее всего, в большинстве случаев их свидетельства были вынужденными, сделанными под нажимом следователей НКВД, но они также отражают и стремление сельского руководства использовать ситуацию «Большого террора» в своих целях – для решения насущных производственных проблем – укрепления трудовой дисциплины, обеспечения выработки минимума трудодней, сдерживания выхода из колхозов, а также укрепления собственной власти над колхозниками⁴⁹.

⁴⁷ Жалоба осужденного И.С. Попова прокурору Алтайского края с просьбой о пересмотре дела от 15 сентября 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5210. Т. 1. Л. 272–272 об.

⁴⁸ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6651. Л. 123–124.

⁴⁹ Были среди них и такие, кто пользовался властными полномочиями, предоставлявшими возможность влиять на судьбы людей, самым беспринципным образом. Секретарь Мельниковского сельсовета Знаменского района Х. на допросе в 1962 г. показывал, что писал справки, содержавшие компромат на арестованных, под диктовку своего непосредственного начальника – председателя сельсовета и «боялся открыть рот против Д. и его подручных, потому что знал, что им ничего не стоит любого неугодного человека отправить туда же в НКВД» (ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10850. Л. 210).

Некоторые из изученных архивно-следственных дел отражают часто имевшие место в хозяйственной практике 1930-х годов конфликты между руководством колхозов и МТС, возникавшие из-за несвоевременного внесения колхозами натурплаты за услуги МТС, некачественной вспашки полей и уборки урожая механизаторами МТС и т.п. Так, по свидетельству члена правления колхоза им. 1 мая Хабаровского района А.М. Рукаса, арестованного в 1937 г., предъявленное ему обвинение во вредительстве было «основано на постановлении собрания колхоза, каковое вынесено при активном участии директора Новоильинской МТС Руденко, который имел недовольство на правление колхоза за то, что в 1936 г. колхоз предъявил иск МТС за понесенные убытки по хлебоуборочной кампании и взыскал с МТС 3700 руб. Директор МТС перевел это на личные счета и повел агитацию против правления колхоза, добился на общем собрании 26 октября 1937 года постановления о снятии с работы всего правления и отдачи под суд как вредителей. Собрание продолжалось в течение трех дней, так как колхозники правлением были довольны и не соглашались на указанное постановление, зная причину настойчивого требования директора МТС о снятии правления колхоза с работы»⁵⁰.

Доносы населения как фактор эскалации террора

Материалы, содержащиеся в архивно-следственных делах, дают основания не только для конкретизации представлений о мотивации террора как государственной политики, но также содержат документальные свидетельства, необходимые для изучения процесса «подпитывания» террора снизу – действиями самого населения. Обстановка организованного властями массового террора создавала условия для расширения такого явления как доносительство в советскую политическую полицию – НКВД. Самих текстов доносов в архивно-следственных делах сохранилось немного, но в жалобах, направлявшихся осужденными на пересмотр их дел, указания на доносительство как причину ареста встречаются довольно часто. Часть доносов порождались социальной враждой, уходящей корнями еще в дореволюционное время и период гражданской вой-

⁵⁰ Прощение осужденного А.М. Рукаса Верховному прокурору Вышинскому о пересмотре дела от 8 октября 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7218. Л. 418 об.-419.

ны, другая часть – личными конфликтами и склоками, так как обстановка массового террора создавала благоприятные возможности для сведения различного рода личных счетов. Вместе с тем следует отметить, что немалая часть личных конфликтов происходила из производственных конфликтов и противоречий, порождаемых в рассматриваемом нами социальном контексте низкой эффективностью колхозной системы, созданной посредством насильственной ломки прежнего уклада сельской жизни и переживавшей драматический период своего становления.

Характерным примером доносов, отражающих противоречия в деревенской среде, имевшие дореволюционное происхождение и остро проявившиеся в период гражданской войны, являются заявления, поступившие в августе 1937 г. в Ключевский райотдел НКВД от жителей сел Зеленая Поляна и Марковка Зеленополянского сельсовета Ключевского района, бывших красных партизан, которые обвиняли некоторых своих односельчан в пособничестве колчаковцам, участии в антипартизанских карательных акциях, а также в антисоветской и антиколхозной агитации. Вполне возможно, что эти доносы были инспирированы местными работниками НКВД, которым необходимо было выполнять разнарядку на аресты (все семь заявлений написаны почти в одно и то время – с 25 по 29 августа 1937 г. и одним почерком), но это, тем не менее, свидетельствует, что они активно использовали конфликты и противоречия, существовавшие в деревенской среде, для рекрутирования жертв террора. О том, что эти противоречия были острыми и носили характер социальной вражды, свидетельствует тональность текстов доносов. Так, в одном из них говорилось: «Я партизан, участник многих боев за власть Советов не могу терпеть такой сволочи, какая у нас живет в колхозе и разлагает колхозные основы, а эти основы завоеваны мной во многих боях...»⁵¹ О глубине этих противоречий свидетельствует и то обстоятельство, что авторы доносов, выступившие в качестве свидетелей обвинения в 1937 г., подтвердили свои прежние свидетельские показания и в 1961 году, когда в рамках реабилитационных мероприятий, проводились повторные допросы лиц, фигурировавших в качестве свидетелей в архивно-следственных делах периода «Большого террора». В результате осужденные по данному делу (группа из 6 чел.) в это время так и не

⁵¹ Заявление К. в Ключевский райотдел НКВД от 25 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 16260. Л.113.

были реабилитированы, так как проводившие проверку следователи УКГБ пришли к заключению, что «фактов необъективного проведения следствия получено не было» и лица, проходившие по данному делу, осуждены обоснованно.

Рядовые колхозники обращались с доносами в НКВД на своих односельчан из-за конфликтов на бытовой почве, а также на своих хозяйственных руководителей – председателей колхозов и особенно часто на бригадиров, своих непосредственных производственных начальников, которые нередко наказывали их штрафами за опоздания и невыход на работу, брак при посеве и уборке, надлежащий уход за скотом и т.д. Характерным в этой связи является свидетельство бывшего бригадира колхоза им. Шмидта Топчихинского района А.З. Колтовских, осужденного 23 ноября 1937 г. тройкой по обвинению во вредительстве к 10-летнему лагерному заключению. В своей жалобе на имя Верховного прокурора СССР с просьбой о пересмотре дела, датированной 12 августа 1939 г., он пишет, что был арестован по доносу двух колхозников, «которые неоднократно снимались правлением колхоза как недисциплинированные колхозники. Я как бригадир тоже за невыполнение ими порученных работ снимал с работы их. Это было вызвано необходимостью, чтобы закрепить трудовую дисциплину в колхозе. А на почве этого эти колхозники подали на меня материал кляузный»⁵². Сын осужденного в 1937 г. бывшего бригадира полеводческой бригады колхоза «Путь Сталина» Михайловского района М. Маренича, в своем заявлении в прокуратуру Алтайского края, поданном в 1960 г., просил реабилитировать отца, так как тот пострадал по доносу одного из колхозников, которого отец-бригадир оштрафовал за брак при уборке урожая пшеницы. Оштрафованный заявлял односельчанам, что «Маренич меня оштрафовал, за это он и подойдет в тюрьме». Как справедливо указывалось в заявлении, «в 1937 году было благоприятное время мщения, у кого на это были права, т.е. возможность...»⁵³.

Бригадирь как представители низового управленческого звена в колхозах оказывались как бы «между двух огней»: с одной стороны, на них доносили рядовые колхозники, а с другой – председатели колхозов, с которыми они тоже нередко конфликтовали на про-

⁵² Жалоба А. З. Колтовских Верховному прокурору СССР от 12 августа 1939 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4127. Л. 334–335.

⁵³ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9736. Л. 148 об.

изводственной почве. Не случайно среди всех репрессированных по целевой группе «бывшие кулаки» бригадиры составили 7%.

Таким образом, изучение материалов следственных дел на «бывших кулаков» показывает, что «Большой террор» был сложным явлением, в котором переплетались целенаправленные действия властей по ликвидации или изоляции «социально чуждых» групп населения, куда входили как контингенты, определенные еще до начала репрессивной операции (указанные в приказе № 00447), так и «группы риска», обозначившиеся в ходе репрессивной кампании: лица, имевшие в прошлом судимость или другие «темные пятна» в биографии, единоличники, «деклассированные элементы» и пр., включавшиеся (за счет приписки им кулацкого происхождения) в основную целевую группу репрессий.

Репрессии использовались и как инструмент укрепления колхозного строя. Сложившуюся ситуацию активно использовали хозяйственные руководители, решавшие свои задачи по «очищению» колхозов от тунеядцев, нарушителей трудовой дисциплины, лиц, подававших «дурной пример» другим колхозникам своим участием в промыслах, стремлением к «отходничеству» из колхозов, а также от «неудобных» лиц – правдолюбцев, критиковавших председателей сельхозартелей на колхозных собраниях, селькоров и членов ревизионных комиссий, вскрывавших недостатки в деятельности колхозного руководства и пр. Вместе с тем террор «подпитывался» и доношением самого населения, порождавшимся как «вековой деревенской враждой», бытовыми склоками, так и, во многом, производственными конфликтами, обусловленными противоречиями колхозной системы.

Е.Р. Юсупова

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

В историографии практически отсутствуют специальные работы, посвященные анализу репрессивных мер, направленных против такой целевой группы приказа № 00447 как участники крестьянских антикоммунистических восстаний⁵⁴. Между тем в ходе

⁵⁴ В литературе приводятся лишь фрагментарные данные о репрессиях в отношении участников ряда крестьянских восстаний. См.: Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье, 1937–1938. Омск, 1998. С. 64–

реализации приказа, предусматривавшего преследование «социально опасных элементов», состоявших в «повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях»⁵⁵, репрессиям подвергались не только участники крестьянских восстаний периода коллективизации, но и более ранних крестьянских мятежей, происходивших в период военного коммунизма. Бывшие участники антикоммунистических восстаний становятся объектом репрессий еще с началом «ровсовской операции», а с введением в действие приказа № 00447 масштабы репрессий против них были существенно расширены.

Одним из проявлений антикоммунистического повстанческого движения на Алтае было Сорокинское крестьянское восстание, произошедшее в начале 1921 г. и охватившее район Причумышья – восточную часть Барнаульского и северную часть Бийского уездов. В этом восстании, участники которого выступили под лозунгами «За чистую советскую власть», «Советы без коммунистов», по разным оценкам, приняли участие от 5 до 10 тыс. чел.⁵⁶

На основе изучения протоколов судебной тройки УНКВД по Алтайскому краю, содержащих приговоры в отношении жителей трех районов Причумышья – Сорокинского, Краюшкинского и Залесовского, территория которых входила в очаг крестьянского восстания, нами выявлены архивно-следственные дела на 134 «участника Сорокинского восстания», осужденных тройкой УНКВД по Алтайскому краю, заседавшей с 30 октября 1937 г. по 15 марта 1938 г. Лица, репрессированные как бывшие участники крестьянских восстаний, составили четверть от общего числа репрессированных тройкой жителей этих районов (26 %), а в Сорокинском районе, где находился эпицентр восстания, – 56 %.

65; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было (Западная Сибирь в конце 1920-х–начале 1950-х гг.). Томск, 1995. С. 314–320.

⁵⁵ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 от 30 июля 1937 г. // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 85.

⁵⁶ Абраменко И.А. Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. Томск, 1965. С. 83–84; Гришаев В.Ф. «За чистую советскую власть...». К истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных продразверсткой, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. Барнаул, 2001. С. 72.

Как показывает изучение архивно-следственных дел, в процессе расследования выяснялись характер участия и роль, которую подследственные играли в восстании. Участники восстания в следственных материалах подразделялись на рядовых, которые составили самую многочисленную группу – 85,8 % от общего числа осужденных, «командиров повстанческих отрядов» – 6,7 %, «агитаторов-организаторов кулацкой банды» – 7,5 % (табл. 1).

Наиболее суровые приговоры выносились тем, кто в материалах следствия проходили как «командиры повстанческих отрядов»: 89 % из них были приговорены к расстрелу. В отношении бывших рядовых участников восстания процент смертных приговоров составил 69, а «агитаторов-организаторов» – 60 (табл. 1).

Таблица 1

**Группировка репрессированных
по характеру участия в восстании и приговорам**

Характер участия в восстании	Чел.	%	Приговор			
			ВМН		ИТЛ	
			Чел.	%	Чел.	%
Командир повстанческого отряда (дивизиона, роты)	9	6,7	8	88,9	1	11,1
Агитатор-организатор кулацкой банды	10	7,5	6	60,0	4	40,0
Рядовой участник	115	85,8	79	68,7	36	31,3
Итого	134	100	93	69,4	41	31,6

Определенный интерес с точки зрения выяснения состава участников восстания представляют сведения о возрасте репрессированных на момент восстания (1920–1921 гг.) (табл. 2). Анализ возрастного состава репрессированных участников восстания показывает, что в восстании участвовала не только молодежь (лица, которым в 1920 г. было от 18 до 30 лет, составили 45 % от общего числа участников), которую легко было вовлечь в экстремистские действия. Половину участников восстания составили крестьяне в возрасте от 30 до 50 лет, т. е. уже самостоятельные домохозяева, сознательно сделавшие нелегкий выбор в пользу вооруженной конфронтации с властью, которая своей налоговой политикой фактически подрывала экономическую основу существования кре-

стьянских хозяйств. Процент «возрастных» участников восстания в действительности был еще более значительным, если учесть, что многие из них к 1937–1938 гг. уже умерли.

Таблица 2

Возраст репрессированных на момент восстания (1920 г.)

Возрастные категории	Чел.	%
18–30 лет	60	44,8
31–40 лет	39	29,1
41–50 лет	28	20,9
51–60 лет	7	5,2
Итого	134	100

В целом в материалах расследований, проводившихся в 1937–1938 гг., практически не содержится информации, которая могла бы внести уточнения в конкретные события, связанные с самим ходом крестьянских восстаний. Следователи не ставили перед собой задачу подробного выяснения действий повстанцев в период восстания, поскольку основу предъявляемых им обвинений составляли факты контрреволюционной деятельности, мнимые или реальные, относящиеся к 1936–1937 гг. Гораздо больше архивно-следственные дела содержат информации, способной пролить свет на историю политических репрессий 1937–1938 гг.

Анализ содержания базы данных репрессированных участников восстания

На основе изучения материалов архивно-следственных дел была создана база данных, включающая такие сведения, как Ф.И.О, год рождения, место рождения, место жительства, место работы, должность, род занятий, профессия, национальность, партийность, образование, состав семьи, сведения о социальном положении на момент ареста, социальном происхождении, лишении избирательных прав, судимости, службе в царской и белой армиях, участии в бандах и антисоветских восстаниях, а также сведения о датах ареста, составления обвинительного заключения и вынесения приговора, о мере наказания, определенного тройкой, и пунктах 58-й статьи, на основании которых формулировалось обвинение.

Как видно из табл. 3, подавляющее большинство дел на репрессированных участников Сорокинского восстания (92 %) были оформлены как одиночные, однако в большинстве протоколов допросов обвиняемых и свидетелей по таким делам фигурируют фамилии соучастников, а в обвинительных заключениях, как правило, содержатся обвинения в участии в контрреволюционной группе или организации. Участники восстаний рассматривались как потенциально важный контингент для фабрикации такого рода дел. По свидетельству бывшего начальника Кытмановского районного отдела НКВД В.Н. Шабалина, когда на места поступила директива переходить к формированию групповых дел, начальник 4-го отдела краевого управления НКВД П. Р. Перминов дал ему указание о широком развертывании следствия, «так как район Кытмановский имеет богатую базу как в прошлом повстанческий район»⁵⁷.

Таблица 3

**Соотношение групповых и одиночных дел
на участников Сорокинского восстания**

Дела	Кол-во	%
Групповые	9	8,0
Одиночные	104	92,0
Итого:	113	100

О том, что следственные действия в отношении данной целевой группы приказа были ориентированы на выявление «организованной контрреволюции», свидетельствует более широкое применение к участникам восстаний, по сравнению с другими категориями репрессированных, пункта 11 статьи 58 УК, устанавливающего наказание за организационную деятельность, направленную на подготовку и совершение контрреволюционных преступлений, или участие в организации, образованной для подготовки и совершения таких преступлений: ко всем осужденным алтайской тройкой этот пункт статьи 58 применялся в 70 % случаев⁵⁸, а в отношении участников восстаний – в 82 % (табл. 4). Нередко обвинение в «органи-

⁵⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Он. 7. Д. 6070. Л. 198.

⁵⁸ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 738.

зованной контрреволюции» основывалось на самом факте участия в Сорокинском восстании.

Таблица 4

Применение статьи 58 УК

Пункты ст. 58 УК РСФСР	Число осужденных*	%
58–2 (организация вооруженного восстания или вторжения в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, попытка захвата власти)	68	50,7
58–4 Оказание помощи международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР	2	1,5
58–7 (проведение контрреволюционной деятельности, направленной на подрыв госпромышленности (вредительство))	6	4,5
58–8 (совершение террористических актов)	11	8,2
58–9 (разрушение, повреждение с контрреволюционной целью государственного или общественного имущества (диверсионная деятельность))	22	16,4
58–10 (антисоветская агитация и пропаганда)	101	75,4
58–11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений, участие в контрреволюционной организации)	110	82,1
Всего	134	

* Осужденным могли предъявлять обвинение сразу по нескольким пунктам статьи 58 УК.

Отмеченное выше формальное преобладание в следственном делопроизводстве одиночных дел над групповыми по отношению к участникам восстания в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что отнесенные к данной целевой группе репрессировались на первом этапе проведения операции, когда еще не была принята установка на формирование групповых дел. Распределение по месяцам проведения операции данных об арестах и приговорах, вынесенных тройкой участникам Сорокинского восстания (табл. 5 и 6), показывает, что более 70 % от их общего числа арестованы на первом этапе проведения операции – в июле–ноябре

1937 г., а 60 % приговоров приходится на первый месяц работы алтайской тройки: с 30 октября по 30 ноября 1937 г.

Таблица 5

**Динамика арестов
участников Сорокинского восстания (по месяцам)**

Месяц/год	Число арестованных	%
июль 1937 г.	12	9,0
август 1937 г.	1	0,7
сентябрь 1937 г.	2	1,5
октябрь 1937 г.	38	28,5
ноябрь 1937 г.	44	32,8
декабрь 1937 г.	3	2,2
февраль 1938 г.	29	21,6
март 1938 г.	5	3,7
Итого	134	100

Таблица 6

**Вынесение приговоров
участникам Сорокинского восстания (по месяцам)**

Месяц/год	Кол-во приговоров	%
октябрь 1937 г.	29	21,6
ноябрь 1937 г.	50	37,4
декабрь 1937 г.	22	16,4
март 1938 г.	33	24,6
Итого	134	100

Участники антисоветских восстаний, как правило, включались в число репресслируемых по первой категории, к которой относились наиболее социально враждебные элементы, подлежащие репрессии в первоочередном порядке. О том, что участники восстаний рассматривались в качестве наиболее враждебного элемента, свидетельствуют и данные о мерах наказания, вынесенных тройкой участникам Сорокинского восстания: почти 70 % из них были приговорены к расстрелу, тогда как соответствующий средний показатель, включающий приговоры по всем категориям репрессированных, составил по Алтайскому краю 45,5 %⁵⁹.

⁵⁹ Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказ № 00447 в Алтайском крае... С. 724.

Чтобы конкретизировать представление о механизме осуществления операции по репрессированию антисоветских элементов на территории очага Сорокинского восстания, мы попытались выявить, существовала ли зависимость между мерой наказания и различными показателями, включенными в базу данных: социальное происхождение, социальное положение, судимость, партийность, служба и чин в белой армии, состав семьи.

Если рассматривать зависимость меры наказания от социального происхождения, то можно констатировать, что процент смертных приговоров, вынесенных осужденным, имевшим социальное происхождение из священников, составил 100 %, из торговцев – 50 %, из кулаков – 70,1 %, из середняков – 45,5 % (табл. 7). Некоторая логичность картины нарушается тем обстоятельством, что процент приговоренных к ВМН бедняков был больше, чем кулаков и середняков, а именно 92,9 %. Видимо, фактор происхождения не играл определяющей роли при вынесении приговора по рассматриваемой целевой группе приказа, обвинение основывалось на оценке роли, которую отводилась обвиняемому в крестьянском восстании и в «контрреволюционной организации», к которой его причисляли в 1937–1938 гг.

Анализ социального положения на момент репрессий показал, что 59,7 % из осужденных составляли колхозники и рабочие совхозов, 31,3 % – крестьяне-единоличники, 7,5 % – служащие, 1,5 % – рабочие промышленных предприятий. Обращает на себя внимание большое количество единоличников среди осужденных по рассматриваемой группе, скорее всего, это было связано с тем, что единоличники являлись одной из основных социальных «групп риска» в ходе репрессивной операции. Так как в приказе № 00447 они не были названы в качестве целевой группы репрессий, их осуждали, подводя под другие подлежавшие репрессии контингенты: в районах бывших крестьянских восстаний довольно часто они проводились по целевой группе, обозначенной в приказе как «участники повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формирований». Причем 84 % из числа единоличников, которые рассматривались как носители чуждого социально-экономического уклада, были приговорены к ВМН, тогда как среди колхозников процент приговоренных к расстрелу составил только 49 % (табл. 8).

Таблица 7

**Зависимость между социальным происхождением
и мерой наказания**

Кулаки:	Чел.	%
к ВМН	54	70,1
к ИТЛ	23	29,9
Всего	77	100
Зажиточные-твердозаданцы ⁶⁰ :		
к ВМН	6	50
к ИТЛ	6	50
Всего	12	100
Средняки:		
к ВМН	10	45,5
к ИТЛ	12	54,5
Всего	22	100
Бедняки:		
к ВМН	13	92,9
к ИТЛ	1	7,1
Всего	14	100
Служащие:		
к ВМН	6	100
к ИТЛ	0	0
Всего	6	100
Торговцы:		
к ВМН	1	50
к ИТЛ	1	50
Всего	2	100
Церковнослужители:		
к ВМН	2	100
к ИТЛ	0	0
Всего	2	100

⁶⁰ Зажиточные крестьянские хозяйства, индивидуально обложенные повышенным налогом.

Таблица 8

**Взаимосвязь между социальным положением осужденных
и мерой наказания**

Социальное положение	Чел.	%	Из них приговорены	
			к ВМН, %	к ИТЛ, %
Колхозники	80	59,7	49	51
Крестьяне-единоличники	42	31,3	84	16
Служащие	10	7,5	100	0
Рабочие	2	1,5	50	50
Итого	134	100	70	30

Анализ следственных дел бывших участников Сорокинского восстания подтверждает тезис о том, что одной из основных «групп риска» в рамках репрессивной кампании, проводившейся по оперативному приказу № 00447, были лица, ранее судимые. Такие составили 65,7 % от общего числа репрессированных участников восстания – 88 из 134 чел. (табл. 9).

Среди них те, кто арестовывался или осуждался за бандитизм в 1921–1923 гг., т. е. за участие в восстании, составляли 35,2 %; по статье 58 УК, за контрреволюционную деятельность и агитацию в период коллективизации, – 12,5 %; а самую большую группу (52,3 %) представляли судимые по другим статьям УК (в основном по статье 61 УК – за «саботаж» в выполнении налоговых обязательств и по закону от 7 августа 1932 г.) (табл. 10).

Таблица 9

Предыдущая судимость репрессированных

Распределение репрессированных по факту судимости	Кол-во	%
Ранее судимые	88	65,7
Несудимые	46	34,3
Итого	134	100

Таблица 10

Распределение ранее судимых по содержанию статей УК

Статьи УК	Чел.	% от общего числа ранее судимых	% от числа репрессированных в 1937–1938 гг.
За «бандитизм» в 1921–1923 гг.	31	35,2	23,1
По ст. 58 УК в период коллективизации	11	12,5	8,2
По другим статьям УК	46	52,3	34,3
Итого	88	100,0	

Тот факт, что лишь 23,1 % из числа осужденных в 1937–1938 гг. как участники Сорокинского восстания судились в начале 1920-х гг. за бандитизм, дает основания предположить, что далеко не все, кто репрессировался в 1937–1938 гг. как участники восстаний, таковыми в действительности являлись. Хотя известно, что не все участники массовых крестьянских восстаний арестовывались после их подавления. Так, на вопрос следователя, почему их не арестовали сразу же после восстания, многие на допросах в 1937–1938 гг. отвечали, что они разошлись по домам после подавления восстания и поэтому информация об их непосредственном участии осталась неизвестной для чекистов⁶¹. Часть арестованных участников восстания после разбирательства были отпущены на свободу как действовавшие «несознательно», обманутые своими руководителями.

О том, что обвинение в участии в Сорокинском восстании в отношении многих из осужденных было сфальсифицировано следователями, свидетельствуют прошения осужденных на пересмотр дел, подаваемые в 1939–1941 гг., в период «бериевской» реабилитации и показания, данные на допросах в период реабилитационных мероприятий, проводившихся во второй половине 1950-х–первой половине 1960-х гг. По этим свидетельствам, во время восстания 12 чел. служили по мобилизации в РККА, 3 чел. временно отсутствовали – выезжали из района по хозяйственным и другим делам, одному из осужденных на момент восстания было лишь 11

⁶¹ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 7–8; Д. 12214. Л. 8–9; Д. 6876. Л. 15–16.

лет⁶², еще один из осужденных, согласно свидетельским показаниям в 1956 г., участвовал в подавлении Сорокинского «кулацкого восстания» как боец ЧОН⁶³. На основе изучения отложившихся в следственных делах материалов: жалоб осужденных, свидетельских показаний, справок и других реабилитационных документов⁶⁴ – можно утверждать, что по крайней мере 31 из 134 чел. (23 %), осужденных в 1937–1938 гг. как бывшие участники Сорокинского восстания, в действительности не принимали в нем участия⁶⁵.

Участие в восстании, кроме того, приписывалось как отягощающее обвинение лицам, которые привлекались по другим целевым группам, в частности кулакам. Среди осужденных бывших участников Сорокинского восстания те, чье социальное происхождение было определено как кулацкое, составляли 60 %. Как уже отмечалось выше, под данную целевую группу репрессий в рассматриваемых районах подводились и единоличники. Можно предположить также, что некоторую часть осужденных в 1937–1938 гг. по этой категории составили не участники Сорокинского крестьянского восстания, а те, кто принимал участие в восстании под руководством партизанских командиров Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова в мае 1920 г.

Зависимость между мерой наказания и прежней судимостью репрессированных выразилась в том, что самые суровые приговоры получили лица, судившиеся по статье 58 в период коллективизации, а также по другим статьям УК, тогда как те, кто был судим ревтрибуналами за участие в Сорокинском восстании, в 1937–1938 гг. были наказаны менее сурово (табл. 11). Видимо, по сравнению с участниками крестьянских мятежей начала 1930-х гг. они рассматривались властями в качестве менее социально опасных элементов за истечением длительного времени.

⁶² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 11474. Л. 49.

⁶³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10347. Л. 30,42.

⁶⁴ См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6407. Л. 31; Д. 6584. Л. 473; Д. 12336. Л. 60–62; Д. 16106. Л. 68–69; Д. 8647. Л. 34; Д. 5846. Л. 22; Д. 25806. Л. 123; Д. 8652. Л. 34–38; Д. 10845. Л. 21; Д. 7254. Л. 27–28; Д. 8955. Л. 18–20; Д. 12171. Л. 50; Д. 12251. Л. 32–37; Д. 9438. Л. 139; Д. 6575. Л. 208–212; Д. 9757. Л. 123–140.

⁶⁵ Таковых, видимо, было больше, поскольку часть осужденных была реабилитирована уже в конце 1980-х–1990-е гг., когда реабилитация фактически проводилась лишь на основании установления самого факта осуждения по политической 58-й статье.

Таблица 11

Зависимость меры наказания от прежней судимости

Статьи УК	Чел.	%
За бандитизм 1921–1923 гг.		
к ВМН	19	61,3
к ИТЛ	12	38,7
Всего	31	100
По ст. 58 в 1927–1936 гг.		
к ВМН	11	100
к ИТЛ	0	0
Всего	11	100
По другим статьям УК		
к ВМН	27	73,0
к ИТЛ	10	27,0
Всего	37	100
Всего	46	100

Факты из биографий осуждаемых, связанные со службой в белой армии, сказывались на суровости выносимого приговора лишь в отношении лиц, имевших младшие офицерские чины (все они были приговорены к расстрелу), а среди рядовых участников Белого движения доля приговоренных к ВМН был даже меньше, чем в целом по рассматриваемой целевой группе – 52 % (табл. 12).

Абсолютное большинство репрессированных участников Сорокинского восстания, как и следовало ожидать, являлись беспартийными (92,5 %), 6 % проходили по следственным делам как исключенные из ВКП(б) за «искажение линии партии», развал комячейки, связь с кулацкими элементами, пьянство и т. п. и 1,5 % – как бывшие члены партии эсеров (табл. 13).

Зависимость между мерой наказания и партийностью репрессированных выразилась в том, что к расстрелу в итоге были приговорены все бывшие представители партии эсеров (100 %). Процент приговоренных к высшей мере наказания среди беспартийных был выше, чем среди бывших членов партии (соответственно 70 и 50 %) (табл. 13).

Таблица 12

Зависимость меры наказания от службы в белой армии

Служившие в белой армии	Чел.	%
к ВМН	21	61,8
к ИТЛ	13	38,2
Всего	34	100
В том числе:		
Младший офицерский состав		
к ВМН	7	100
к ИТЛ	0	0
Всего	7	100
Рядовые		
к ВМН	14	51,9
к ИТЛ	13	48,1
Всего	27	100
Не служившие в белой армии		
к ВМН	69	69
к ИТЛ	31	31
Всего	100	100

Таблица 13

Партийная принадлежность репрессированных и мера наказания

Партийность	Чел.	%	Из них приговорены, %	
			к ВМН	к ИТЛ
Беспартийные	124	92,5	70	30
Бывшие члены РКП (б)-ВКП (б)	8	6	50	50
Бывшие члены партии эсеров	2	1,5	100	0
Итого	134	100	70	30

Анализ зависимости меры наказания от численности семьи осужденного показал, что явно выраженной связи здесь нет, можно предположить, что гуманистический аспект практически не принимался в расчет при вынесении приговоров, т. е., даже если у арестованного была многодетная семья, это обстоятельство почти никак не влияло на меру наказания. Хотя некоторое снижение процента смертных приговоров в отношении лиц, имевших многодет-

ные семьи, все же прослеживается (77,1 % среди осужденных, имевших в семье от 2 до 3 чел., 64,4 % – в семье от 4 до 6 чел., 63 % – в семье от 7 до 9 чел.) (табл. 14).

Таблица 14

Состав семей осужденных и мера наказания

Состав семей осужденных	Число	%
Одиночки		
к ВМН	2	66,7
к ИТЛ	1	33,3
Всего	3	100
2–3 чел.		
к ВМН	37	77,1
к ИТЛ	11	22,9
Всего	48	100
4–6 чел.		
к ВМН	38	64,4
к ИТЛ	21	35,6
Всего	59	100
7–9 чел.		
к ВМН	17	63,0
к ИТЛ	10	37,0
Всего	27	100

Участие в восстании 1921 г. как причина ареста

Проследить, какую роль играло обвинение в участии в Соронском восстании в ряду других предъявлявшихся осужденным обвинений, можно на примере архивно-следственного дела по обвинению Листкова Елиастара (Аристарха) Петровича⁶⁶, 1892 года рождения, уроженца с. Залесово Томской губернии, русского, гражданина СССР, беспартийного, арестованного 16 февраля 1938 г. До ареста Листков проживал в с. Шмаково Залесовского района и с 1929 г. работал на Залесовском льнозаводе (это под-

⁶⁶ Следственное дело по обвинению Листкова Е.П. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203.

тверждалось свидетелями, хорошо знавшими Листкова)⁶⁷. По анкете арестованного, составленной в феврале 1938 г. оперуполномоченным Залесовского РО НКВД, Листков проходил как крестьянин-единоличник, имел семью из четырех человек. С 1914 по 1917 г. служил в царской армии рядовым, на момент ареста имел середняцкое хозяйство, к суду не привлекался. Графы «Политическое прошлое» и «Участие в мятежах и восстаниях» заполнены клишированными фразами, использовавшимися и другими следователями: «бандит-каратель», «активный участник кулацкого восстания 1921 г.»⁶⁸. В характеристике сельсовета в первую очередь назывался факт участия подследственного в восстании, с указанием должности: Листков участвовал в Сорокинском восстании в должности командира взвода. Эта фраза была подчеркнута цветным карандашом, тем же карандашом позже подписывалось обвинительное заключение. На этом факте из жизни арестованного следователи особо заостряли внимание для того, видимо, чтобы учесть его при вынесении приговора⁶⁹. Протокол допроса обвиняемых, как правило, начинался с вопроса: «Вы принимали участие в Сорокинском кулацком восстании 1921 г. и в чем конкретно выразилось ваше участие? Расскажите подробно». Так было и в случае с Е.П. Листковым: ему задали именно этот вопрос. Вывод напрашивается сам собой: такое признание арестованного было одним из главных и необходимых признаний, которое хотели услышать следователи. Обвиняемый якобы дал следующий ответ: «Мое участие выразилось в том, что, находясь в банде, я командовал взводом. Принимал ряд боев с красными партизанами, участвовал в расстрелах коммунистов и красных партизан»⁷⁰.

К этому протоколу подшиты протоколы допросов других обвиняемых, являвшихся соучастниками Листкова по восстанию. Схема обвинения была проста: обвиняемые, участвовавшие в «кулацком» восстании 1921 г., автоматически становились и участниками «контрреволюционной эсеровско-повстанческой организации»,

⁶⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 75–76.

⁶⁸ Анкета арестованного Е.П. Листкова от 13 февраля 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 3.

⁶⁹ Характеристика Шмаковского сельсовета Залесовского района на Е.П. Листкова от 16 февраля 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 5.

⁷⁰ Протокол допроса Е.П. Листкова от 2 марта 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 7.

возникшей в 1936–1938 гг. на территории Залесовского района с целью свержения советской власти. Рассказы соучастников об их конкретных действиях в момент мятежа ни на слово не отличались друг от друга, по сути это был один грамотно и четко составленный рассказ: «В начале 1921 г. ряд сел Залесовского района были охвачены Сорокинским кулацким восстанием, в том числе и наше село. В указанном восстании принимала участие кулацко-зажиточная часть крестьянства. В результате восстания в нашем селе организовалась банда из кулаков, которая повела активную вооруженную борьбу с Советской властью. В организации этой банды мы с отцом принимали активное участие, когда банда была сформирована, то я был назначен командиром взвода и до ликвидации ее продолжал быть командиром. Когда же банда была разгромлена, то я скрылся, боясь репрессий со стороны красных партизан и регулярных войск РККА»⁷¹.

Первое, что вменялось в вину в обвинительном заключении, – это участие в антикоммунистическом восстании 1921 г., а уже потом – принадлежность к «контрреволюционной эсеровско-повстанческой организации» в 1936–1938 гг.⁷² Даже в выписке из протокола заседания тройки УНКВД по Алтайскому краю от 24 марта 1938 г. в графе «Слушали» на первое место ставилось обвинение в бандитизме и другие характерные обвинения, а далее — участие в «контрреволюционной эсеровско-повстанческой организации»⁷³.

По окончании следствия Е.П. Листков по постановлению тройки УНКВД по Алтайскому краю от 24 марта 1938 г. был осужден к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение 29 марта 1938 г. в Барнауле.

Таким образом, анализ содержания архивно-следственных дел 1937–1938 гг. показал, что среди обвинений, предъявляемых участникам крестьянских восстаний, обвинение в бандитизме в 1921 г. являлось исходным, к нему затем добавлялись обвинения, связанные с «антисоветской деятельностью» репрессируемых в 1936–1938 гг.: участием в антисоветской агитации и особенно в

⁷¹ Протокол допроса обвиняемого Т. от 2 марта 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 15.

⁷² Обвинительное заключение по делу Е.П. Листкова от 2 марта 1938 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12203. Л. 31.

⁷³ Там же. Л. 32.

контрреволюционных группах и организациях, за что по «законам» Большого террора полагалась высшая мера наказания.

* * *

Изучение архивно-следственных дел участников Сорокинского восстания показывает, что участники восстаний рассматривались инициаторами и проводниками репрессивной акции, реализовавшейся в рамках приказа № 00447, в качестве одного из наиболее социально враждебных контингентов, о чем свидетельствует то обстоятельство, что они были в основном арестованы и репрессированы на первом этапе проведения операции. Об этом же говорит высокий процент смертных приговоров, утвержденных в отношении осужденных, отнесенных к данной целевой группе приказа № 00447: 70 % против 45,5 % в среднем по всем приговорам, вынесенным алтайской тройкой. Особенно суровым преследованиям подвергались лица, судившиеся ранее по 58-й статье УК РСФСР. Суровость приговора определялась также происхождением осужденных из «социально чуждых» классов, принадлежностью в прошлом к партии эсеров, участием в офицерском корпусе Белого движения.

Раздел 4

«НАДО БЫ ПОПРИЖАТЬ ГОСПОД ЦЕРКОВНИКОВ...»¹ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ И АКТИВИСТЫ КАК ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА ПРИКАЗА № 00447

А.А. Колесников
**ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Одним из недостаточно изученных вопросов истории Большого террора 1937–1938 гг. являются репрессии, направленные против служителей религиозного культа. Между тем они характеризуют определенный поворот в политике партийно-государственного руководства по отношению к религиозным объединениям и их служителям. Стремление власти ослабить влияние религии на население проявлялось и ранее. Однако теперь была предпринята попытка в рамках развернутой репрессивной операции нанести мощный удар по «контрреволюционному влиянию» указанных объединений через отдельных служителей культа (в основном «низшего» эшелона) – посредством их физического уничтожения² и изъятия еще сохранявшихся в частных руках культовых предметов.

Данное исследование посвящено анализу политических репрессий на Алтае в отношении представителей Русской Православной Церкви в период Большого террора 1937–1938 гг. В основном это священнослужители и церковнослужители, т. е. клир, и те, кто относился к церковному правлению. И все-таки не вполне справедливо было бы ограничиться только этим кругом «церковных жертв» сталинского режима. Для полноты картины социальную базу репрессированных необходимо расширить за счет: а) бывших

¹ Цитата из указания И.В. Сталину народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову, данного 13 ноября 1937 г. В соответствии с этим указанием органы НКВД на местах интенсифицировали репрессии в отношении «церковников и сектантов». См. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936 – 1938 гг. М., 2010. С. 272.

² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 167–174.

служителей и управленцев; б) лиц, названных в архивно-следственных делах «активными церковниками»; в) церковных сторожей. Действительно, без этих звеньев церковь как серьезную идеологическую силу, действовавшую в указанное время, трудно себе представить. Все репрессированные, тесно связавшие свою жизнь с деятельностью Православной Церкви, объединены здесь термином «церковные функционеры» или «церковники» (выражение, бытовавшее в советском обществе).

Предоставленная возможность практически неограниченного доступа к таким первоклассным документальным источникам, как архивно-следственные материалы на функционеров Русской Православной Церкви, с одной стороны, почти не дала повода к вынужденному фрагментарному изучению общего объема документов, а с другой – позволила не прибегать к «процентному отбору» дел. В процессе разработки темы были изучены *все* дела по обвинению церковников, хранящиеся в отделе специальной документации ГААК, по которым «прошло» 343 чел. Причем в строгих границах спецоперации, проведенной органами НКВД на Алтае на основе приказа № 00447, выявлено 328 чел. из интересующей социальной группы (15 чел. осуждено до 5 августа 1937 г.).

Необходимо отметить, что количество архивно-следственных дел, попавших на государственное хранение, еще не является исчерпывающе полным т. к. процесс передачи следственных материалов из Управления ФСБ РФ по Алтайскому краю, начавшийся в 1993 г., продолжается. К тому же в середине 1990-х гг. по просьбе правительства Республики Алтай несколько сотен архивно-следственных дел по обвинению представителей разных групп Управление ФСБ по Алтайскому краю передало на хранение в г. Горно-Алтайск. Но можно быть уверенным, что в фонде Р-2 отдела специальной документации на сегодня собрано подавляющее большинство прекращенных следственных дел, в т. ч. и заведенных на церковников, подпавших под действие оперативного приказа № 00447. Бесспорно, и в качественном, и в количественном отношении мы имеем дело с весьма репрезентативным историческим источником по изучаемой теме.

Предварительные аресты

Прежде чем непосредственно обратиться к рассмотрению вопросов, связанных с репрессированием церковников на Алтае в рамках исполнения приказа № 00447, надо несколько отступить назад и взглянуть на статистику арестов представителей данной социальной группы до 5 августа 1937 года. Согласно архивно-следственным делам эти аресты начались на Алтае в апреле 1937 г., а всего было «взято» за 1937 г. 288 чел. Причем в формальные сроки спецоперации под следствие попали 107 чел., а до 5 августа – 181. Разбив последнюю цифру по месяцам, получаем следующее: апрель – 18 чел., май – 2, июнь – 7, июль – 146, август (до 4-го числа включительно) – 8 чел. Обращает на себя внимание июль, когда аресты достигли невиданного размаха. Расчеты показывают, что в период до 27 июля включительно в среднем за день арестовывалось по три человека, правда, 20 июля отмечается несомненный скачок – 14 чел. А 28 июля произошел скачок беспрецедентный – 72 чел.³ Действительно, такого уровня «облава» на алтайских церковников не достигла ни в один из дней за весь период Большого террора. Таким образом, есть основания полагать, что фактически непосредственная подготовка к спецоперации по приказу № 00447 развернулась в июле 1937 г., а 28-е число стало поистине «черной средой».

На вопрос, какого именно числа на Алтае началась «арестная подготовка» спецоперации в отношении церковников, четкого ответа нет. Попробуем разобраться. Если принять календарные числа июля 1937 г. за числитель, а количество арестованных лиц – за знаменатель то получится такая картина месяца: 3/6, 5/3, 6/1, 9/1, 10/1, 11/3, 15/1, 16/1, 18/1, 19/1, 20/14, 21/3, 22/4, 23/1, 26/3, 27/5, 28/72, 29/15, 30/6, 31/4. Ярко выраженной, бесспорной закономерности до 28 июля тут нет, но можно выделить все же 20 июля – как определенный симптом. Причем необходимо подчеркнуть, что за 1, 2, 4, 7, 8, 12, 13, 14, 17, 24 и 25 июля, т.е. 11 дней, аресты в делах лиц, «захваченных» приказом № 00447, не зафиксированы.

³ Алтайские работники органов НКВД выполняли тем самым указание начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронова, данное им на оперативном совещании 25 июля 1937 г. в Новосибирске: «...сразу же провести аресты в больших масштабах, по первой категории до 20 000 человек, чтобы иметь "резерв"»: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 22.

С 29 июля по 4 августа включительно органы НКВД арестовали еще 32 чел. Таким образом, перед 5 августа у Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю был по арестам церковников на Алтае уже хороший задел. Причем последний, разумеется, составили не только арестованные начиная с 20 июля (134 чел.), но и те, кого взяли раньше и «провели по тройкам» уже в хронологических рамках, определенных приказом № 00447 и другими директивами.

Основные данные о репрессировании церковников

Жертвами репрессивной политики, проводившейся в рамках реализации приказа № 00447, а именно с 5 августа 1937 г. по 15 марта 1938 г., на Алтае стали, как было сказано выше, 328 церковников, осужденных тройками управлений НКВД по Западно-Сибирскому и Алтайскому краям, а также по Новосибирской области (8 чел.). Из этого количества 52 чел. (15,9 %) составили женщины. Это очень много, особенно если учесть, что общее количество женщин, репрессированных в стране по приказу № 00447, не превышало 1 %. Но, чтобы покончить с этим «женским вопросом», укажем, из чего сложились на Алтае эти 52 чел.: монашки, попадьи, «активные церковницы» – 37 чел.; церковные старосты – 8, председатели церковных советов – 2, церковные сторожа – 2 чел., а также один член церковного совета, одна псаломщица и один казначей.

По возрасту репрессированные разделены нами на две категории: а) от 30 до 59 лет включительно – 278 чел. (84,8 %); б) от 60 лет и выше – 50 чел. (15,2 %). Самым молодым стал священник Анисимов Иван Васильевич (1907 г. р.), с. Загайново Троицкого района⁴; самыми «возрастными» – церковный староста Долгов Иван Тимофеевич, с. Никольское Старобардинского района⁵, и дьякон Руга Авдей Андреевич, с. Георгиевка Локтевского района⁶ (оба 1855 г. р.).

Среди репрессированных церковников абсолютное большинство составили «пришлые», т. е. родившиеся вне территории Алтая

⁴ Архивно-следственное дело по обвинению Анисимова И. В. и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6416. Т. 1–2.

⁵ Архивно-следственное дело по обвинению Долгова И. Т. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9391.

⁶ Архивно-следственное дело по обвинению Руга А. А. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 14060.

–267 чел. (81,4 %), и только 61 чел. (18,6 %) не являлись уроженцами края. Что же касается национальности, то, понятно, наиболее пострадавшей группой стали русские – 302 чел. (92,1 %). Остальные 26 чел. (8,1 %) – это (по мере уменьшения) украинцы, мордва, белорусы, чувашаи и даже один православный татарин. По происхождению более всего церковников оказалось из крестьян – 210 чел. (64%) и только 77 чел. (23,4 %) – это представители потомственного духовенства. Мещанское сословие дало 27 чел. (8,4 %), а остальные 11 (4,4 %) вышли из кустарей, рабочих, казаков; один имел дворянские корни.

Вопрос об образовательном уровне репрессированных церковников требует особого рассмотрения. Духовную академию (Московскую) внутри изучаемой социальной группы окончил лишь один человек – епископ Козырев Григорий Алексеевич, г. Барнаул⁷. Духовные семинарии и консистории окончили или учились там, но по разным причинам не окончили – 42 чел. (13,1 %). В духовных, катехизаторских, епархиальных, приходских училищах, 2-годичной духовной школе учился 31 чел. (9,5 %), а в городских училищах, сельских, церковно-приходских, министерских и земских школах – 115 чел. (35,1 %). Интересно, что 4 чел. учились в гимназиях, а 10 (4,4 %) – в учительских институтах, семинариях и школах. Священник Ильин Николай Иванович, с. Ильинское Тюменцевского района, окончил два курса историко-филологического факультета Томского университета и учился на втором курсе Московского института иностранных языков⁸; дьякон Малыш Семен Иванович, г. Барнаул, окончил Московские регентские курсы⁹; священник Мильский Петр Васильевич, г. Бийск, наряду с духовной семинарией окончил медицинский факультет Воронежского университета¹⁰. Если свести воедино указанные виды официального духовного и светского образования репрессированных церковников, получим 205 чел. (62,5 %). Это уровень достаточно высокий, тем более что

⁷ Архивно-следственное дело по обвинению Козырева Г.А. и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9113. Т. 14.

⁸ Архивно-следственное дело по обвинению Ильина Н.И. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15843.

⁹ Архивно-следственное дело по обвинению Малыш С.И. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6397.

¹⁰ Архивно-следственное дело по обвинению Мильского П.В. и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4949.

факты об образовании в архивно-следственных делах не совсем полные: скажем, непонятно, как человек, получивший низшее светское образование, становился священником, вероятно, занимался на специальных курсах. Остальные 123 чел. (37,5 %) «позиционировали» себя на следствии как «грамотные», «малограмотные», «самоучки», с «низшим» образованием, а также как «неграмотные». Относительно их нередко в документах одного и того же дела уровень образования конкретного лица варьируется. Но можно сделать вывод, что речь во всех этих случаях идет все же о начальной степени образования, показательной характеризующей низший слой церковников.

Первое место в «общецерковной» иерархии среди репрессированных, как и ожидалось, принадлежало священникам. Это 179 чел. (54,6 %). Далее идут: монашки, монахи и «активные церковники» – 41 чел. (12,5 %), церковные старосты – 36 (11 %), псаломщики – 14 (4,3 %), церковные сторожа – 12 чел. (3,7 %). Оставшиеся 29 чел. (8,8 %) делятся между такими группами, как дьяконы, председатели и члены церковных советов, церковные казначеи, епископы и один церковный секретарь. Кроме того, как упоминалось выше, учтена и такая категория, как бывшие церковники, т. е. те, кто на момент ареста отошел от «дел духовных»: в связи с закрытием церкви накануне ареста или годами ранее, либо в связи с изменением характера деятельности до 1917 г. и в более поздний период. Таких набралось 17 чел. (5,3 %). И все же надо иметь в виду, что выявление персоналий активных и бывших церковников могло дать лишь весьма приблизительные цифры – из-за вероятного отсутствия в ряде архивно-следственных дел (и в справочных материалах) фиксации принадлежности к данным группам.

По ветвям Русской Православной Церкви репрессированные делятся так: официально-православные – 317 чел. (96,6 %), т. е. абсолютное большинство, и старообрядцы – 11 чел. (3,4%). Только половина осужденных на 1917 г. занималась «церковными делами» — 167 чел. (50,9 %), деятельность 161 чел. (49,1 %) на указанный год совершенно не была связана с церковью. В составе последней категории крестьяне составляют 120 чел. (74,5 %), бывшие на иждивении родителей (одна на иждивении мужа) и учащиеся – 16 чел. (9,9 %), мещане (служащие) – 11 чел. (6,8 %); остальные 13 чел. (8,1 %) – это рабочие, кустарь-портной, прасол (торговец скотом), военный медфельдшер, казак и домохозяйка.

На момент начала массовых репрессий на Алтае многие из арестованных церковников ранее уже были в конфликте с советским законом: или осуждены, или находились под следствием, под кратковременным арестом. В 1920–1930-х гг. политические дела коснулись 114 чел. (34,8 %), общеуголовные – 53 (16,1 %), «смешанно» – 15 чел. (4,6 %). Таким образом, 182 чел. (55,5 %), т. е. больше половины, вполне могли находиться в «органах» на особом учете. А 146 чел. (44,5 %) к периоду Большого террора не имели судимостей и не подвергались арестам.

Закономерно, что основная масса подлежащих репрессированию черпалась из сельской местности Алтая, ведь там проживала большая часть населения региона: из сел, деревень и поселков по приказу № 00447 было «взято» 237 чел. (72,2 %), а из городов – 91 чел. (27,8 %), причем из Барнаула – 30 чел. (33 % от всех городских церковников); один из прошедших по «алтайским делам» был арестован в г. Новосибирске.

Обвинения по политическим делам, предъявлявшиеся церковным функционерам, четко делятся на два больших разряда: а) индивидуальные и б) в составе группы. Индивидуальным разрядом были «охвачены» 65 чел. (19,8 %), а в составе групп – «проведены» 263 чел. (80,2 %). «Групповикам», понятно, «вменялась» статья 58 п. 11 УК РСФСР (участие в контрреволюционной организации). Но не всегда. Имеется 15 репрессированных лиц, признанных обвинением членами группы, но без отнесения к 11-му пункту статьи 58. Это те, кто участвовал в «сговоре», «в связи», «в согласии», т. е. где группа была неустойчивой, четкие признаки организации отсутствовали. Количество участников колебалось здесь от 2 до 5 чел. Например, в Баевском районе в ноябре – декабре 1937 г. были осуждены три священника из разных сел. Всех их объединили в «контрреволюционную группу», в которой они «действовали», «будучи тесно связаны общностью враждебных настроений». Из 58-й статьи им инкриминировали только 10-й пункт (контрреволюционная агитация)¹¹. Как и ожидалось, более всего среди церковников оказалось лиц, в состав обвинения которых вошел 10-й пункт 58-й статьи, – 274 чел. (83,5 %). Однако 11-й пункт почти не уступает 10-му – 263 чел (80,2 %). Предъявлялись обвинения и по дру-

¹¹ Обвинительно заключение по делу Гордиенко С.И., Подорванова Д.А. и Усачева В.С., сентябрь 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7681. Л. 85–88.

гим пунктам 58-й статьи: 2 чел. – повстанческая деятельность, 6 – шпионаж, 7 – вредительство, 8 – терроризм, 9 чел. – диверсии.

Изъятие церковных ценностей

Арестам обреченных предшествовали обыски. Последние у лиц, связанных с церковью, имели свою специфику. Наряду с изъятием обычных вещей, а также паспортов, документов об образовании, переписки и прочих материалов, характерных для всех социальных групп арестованных, у церковников изымались обрядовые предметы, книги религиозного содержания, церковные грамоты и др. Именно такое имущество было изъято у 122 чел. (37,2 %). Довольно яркий пример – результат обыска в доме священника Подкина Григория Антоновича, с. Ново-Глушенка Залесовского района, проведенного 41 июля 1937 г. Кроме привычных и для других арестованных лиц предметов, у него изъяли ризу, стихарь, 2 епитрахили, «2 пары» парчи, 100 граммов ладана, 7 свечей, 1,7 килограмма воска, «крестильные вещи» и 47 (!) церковных книг¹². А вот у 204 чел. (62,2 %) ничего «церковного» не обнаружили. На двух же человек протоколы обыска в архивно-следственных делах отсутствуют.

Разумеется, основные ценности советская власть изъяла у Русской Православной Церкви на Алтае, с одной стороны, в процессе разрушения и разграбления культовых зданий (соборов, церквей, молельных домов, часовен), а с другой – в 1917–1936 гг. в ходе политических репрессий по отношению к отдельным церковникам. Исполнение оперативного приказа № 00447 внесло в это дело весомую лепту. Анализ сведений об изъятии церковных предметов на территории нашего края при проведении в жизнь этого репрессивного документа дает следующую картину.

Прежде всего обращает на себя внимание изъятие такой идеологической «скверны», как церковные книги: библии, евангелия, часословы, Четьи-Минеи, молитвенники и т. д. и т. п. Количество действительно впечатляет: 930 единиц, из них 916 – собственно книги (и, очевидно, брошюры тоже) и 14 – номера «Журнала Московской патриархии». Можно сказать – целая духовная библиотека. Следует подчеркнуть, что указанное количество отражает литературу именно духовную, т. к. в подавляющем большинстве протоко-

¹² Протокол обыска у Подкина Г.А. от 31 июля 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 14196. Л. 2.

лов обысков даны либо конкретные названия изданий, либо используется обобщающее выражение «церковные книги». В ряде протоколов (их, впрочем, немного) зафиксированы просто «книги» и «журналы», но можно смело предположить, что большая часть из них имеет непосредственное отношение к православному вероисповеданию. Иными словами, 930 единиц церковной литературы еще не является полной цифрой; количество явно достигает тысячного рубежа.

Духовная литература была изъята у 66 арестованных лиц, т. е. 54,5 % располагавших церковными предметами вообще или у 20,6 % к общему количеству церковников, репрессированных по приказу № 00447. В основном сотрудниками НКВД в каждом конкретном случае изымалось до десятка религиозных изданий. Но были и «исключения». О 47 изданиях, обнаруженных у священника Подкина Г.А., выше уже говорилось. А вот еще примеры: священник Пономарев Дмитрий Павлинович, г. Барнаул, Знаменская церковь – 60 ед.¹³; священник Лебедев Логин Сафронович, с. Благовещенка Благовещенского района – 51 ед.¹⁴; священник Подорванов Дмитрий Афанасьевич, с. Нижняя Пайва Баевского района – 39 ед.¹⁵; священник Смирнов Василий Дмитриевич, с. Паутово Быстроистокского района – 34 ед.¹⁶; церковный староста Половинкина Анастасия Павловна, с. Карпово Краснощековского района – 30 ед.¹⁷

Понятно, «интересовались» сотрудники НКВД и манускриптами, но последних обнаруживалось немного, и являли они собой в основном эпистолярные материалы. Но вот у священника Денисова Михаила Ивановича, благочинного церковью Калманского района, при обыске 28 июля 1937 г. изъяли и вскоре вшили в следственное дело 29 листов (55 стр.) интереснейшей, четкой и аккуратной руко-

¹³ Протокол обыска у Пономарева Д.П. от 20 июля 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9113. Т. 12. Л. 3.

¹⁴ Протокол обыска у Лебедева Л.С. от 13 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 13680. Л. 3–3 об.

¹⁵ Протокол обыска у Подорванова Д.А. от 28 июля 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7681. Л. 7 об.

¹⁶ Протокол обыска у Смирнова В.Д. от 17 мая 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4632. Т. 7. Л. 55 об.

¹⁷ Протокол обыска у Половинкиной А.П. от 28 июля 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8176. Т. 1. Л. 18.

писи¹⁸. Сам подследственный на допросе так объяснил ее происхождение: «Мои записи [...] "Основные вопросы современной христианской апологетики" хранятся с 1932 года, которые мною лично были записаны с лекции академика протоиерея Виноградова в гор. Н[ово]-Сибирске, который был моим духовником и учителем»¹⁹.

Итак, в результате репрессивных действий местных органов НКВД из конкретной религиозной практики на Алтае было «выведено» никак не менее тысячи единиц духовной литературы, что уже само по себе не могло не потеснить позиции православия в регионе. А ведь литературой дело не ограничилось. Все, что хоть мало-мальски имело отношение к отправлению религиозного культа, изымалось решительно. Вот обобщающие данные о таких предметах, сведения о которых сохранились в протоколах обысков репрессированных лиц: иконы – 86 ед.; кресты наперсные (нагрудные) – 51 ед.; церковная утварь (дарохранительницы, кадила, ковши, крестильные ящики, сосуды, чаши и др.) – 57 ед.; вещи церковного облачения (головные уборы, епитрахили, подризники, ризы, рясы, стихарь и др.) – 34 ед.; грамоты – 8 ед.; печати и штампы – 6 ед. К этому надо добавить изъятые в довольно крупных размерах (приведены в разных видах измерения) свечи и воск.

В ряде протоколов обысков церковные предметы обозначены обобщенно: «Разные вещи церковного обряда», «Разные церковные предметы», «Вещи церковного обихода» – и таковых набирается 16 ед.

А вот случай исключительный. При обыске 5 октября 1937 г. у церковного сторожа Вознесенской церкви г. Новосибирска Замятина Петра Ивановича, приехавшего в с. Змеиногорское Алтайского края, было обнаружено 8 000 (!) нательных крестиков и 500 (!) венчиков²⁰. Сравните: во всех остальных протоколах обысков, вместе взятых, крестиков зафиксировано 211 единиц, а венчиков – 5.

¹⁸ Основные вопросы современной христианской апологетики (рукопись) // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 14143. Л. 12–40.

¹⁹ Протокол допроса Денисова М.И. от 2 августа 1937 г. // Там же. Л. 47.

²⁰ Протокол обыска у Замятина П.И. от 5 октября 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 14748. Л. 2.

Свидетели

По свидетелям в следственном процессе не вполне ясно, что же иметь тут в виду. Если свидетелем считать человека, находящегося «на воле» и дающего показания как лицо, вызванное по повестке, – это одно. Другое дело, когда в качестве свидетелей используются либо «подельники», либо лица, «проходящие» по другим «политическим» делам. А ведь такой прием – «добывать» свидетельские показания у людей, морально и физически целиком зависимых от следователя, – в 1937–1938 гг. применялся нередко. В 1938 г. использование «подельников» и иных зависимых лиц как свидетелей достигло небывалого уровня. Такое положение хорошо иллюстрирует следующий пример. В феврале 1938 г. Управлением НКВД по Алтайскому краю на территории г. Барнаула и ряда районов «была вскрыта и оперативно ликвидирована» «контрреволюционная церковно-монархическая повстанческая организация». Всего было арестовано 53 чел., 26 из которых четко «подпадают» под изучаемую социальную группу. Так вот, для того чтобы всех церковников обвинить (по статье 58 п. 2, 10, 11 УК РСФСР), свидетелей – в обычном понимании – не потребовалось: каждый был «изобличен» показаниями самих обвиняемых, и только²¹.

Возьмем теперь *все* попавшие в наше поле зрения «политические» следственные дела «духовных лиц» за 1938 г. (конкретно – это осужденные в марте), находящиеся на хранении в отделе специальной документации ГААК. Дел этих – 16, и пострадало по ним 47 чел., «пропущенных» через тройку Управления НКВД по Алтайскому краю 4, 5, 7, 11, 14 и 15 марта 1938 г. Расчеты показывают, что:

– «изобличены» исключительно «подельниками» или лицами, осужденными по другим политическим делам (т. е. людьми несвободными, причем всегда церковниками), – 37 чел. (78,8%);

– «изобличены» «смешанно», т. е. людьми несвободными и обычными свидетелями, – 5 чел. (10,6 %);

– «изобличены» только обычными свидетелями – 5 чел. (10,6 %); причем в качестве таких свидетелей выступали: член сельсовета, зав. райсобесом, преподаватель сельскохозяйственной

²¹ Обвинительное заключение по делу в отношении Высоцкого М.А. и др. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4557. Т. 2. Л. 354–386.

машинной школы, инженер-строитель, рабочий, председатель колхоза, рядовой колхозник, единоличник, домохозяйка и другие.

Таким образом, в решении вопроса об осуждении подавляющего большинства церковников в рамках оперативного приказа № 00447 за 1938 г. следствием использовались прежде всего лица несвободные.

При выборочном рассмотрении по этой линии архивно-следственных дел за 1937 г. подобной тенденции не отмечено, хотя упомянутые лица играли роль свидетелей неоднократно. К примеру, 18 августа 1937 г. тройка Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю осудила по одному делу 60 чел., проживавших в Алтайском районе и являвшихся якобы членами контрреволюционной организации (ст. 58 п. 11 УК РСФСР). Из этого количества 14 чел. (23 %) – собственно церковники. При просмотре пяти томов следственных «бумаг» было установлено следующее. В целях «изобличения» этих людей допрашивались прежде всего свидетели «обычные» (находившиеся «на воле») разных социальных «оттенков»: кассир Госбанка, служащий, школьный учитель, председатель сельсовета, председатель сельпо, продавец, рабочий инвалидной артели, председатель колхоза, счетовод колхоза, рядовой колхозник, иждивенец. Тем не менее, в разделы дела, содержащие следственные материалы на священников Морозова С.У., Романовского А.М., Щукина С.Ф. и церковного старосту Ненашева П.Е., в один ряд с рукописными подлинниками показаний «обычных» свидетелей были включены машинописные копии показаний «подельников»²².

Изучение десяти произвольно отобранных индивидуальных архивно-следственных дел (ст. 58 п. 10 УК РСФСР) за август–декабрь 1937 г. на предмет уяснения особенностей подхода следователей к свидетельским показаниям дало следующие результаты. Восемь человек из десяти были «изобличены» исключительно «обычными» свидетелями, т. е. лицами, приглашенными для дачи показаний согласно процессуальным нормам. Это председатель поссовета, заведующий нефтехозяйством МТС, агент по заготовкам стройматериалов на кожевенном заводе, финансовый работник горсовета, кустарь-портной, служащий, члены колхозов (рядовые и занимавшие разные должности), заведующий избой-читальней и сиделка в больнице.

²² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5366. Т. 1. Л. 23–26; Т. 2. Л. 49–57; Т. 3. Л. 224–228; Т. 4. Л. 31–53.

Что же касается двух церковников из указанной выборки, то тут разговор особый. Священника с. Ново-Камышенка Залесовского района Подкина Григория Антоновича «изобличили» «разнородные» свидетели. Наряду со свидетельствами «свободных» колхозников были весьма активно использованы – посредством включения в дело копийных экземпляров – показания священников, проходивших в качестве обвиняемых по другим делам²³. Дьякона церкви с. Мезенцево Тюменцевского района Самарина Петра Романовича, «разоблаченного» рядовым колхозником и заведующим молочнотоварной фермой колхоза, «привязали» еще и к вшитым в дело в виде машинописной копии показаниям обвиняемого по другому делу сектанта Максимова М.К.²⁴

Вопрос о сути и роли свидетеля в политических расследованиях периода Большого террора и связанных с этим процессуальных манипуляциях представляет особый интерес и требует отдельной, углубленной работы.

Признание вины

При изучении архивно-следственных дел на лиц, связанных с деятельностью церкви, обращает на себя внимание тот факт, что признание, непризнание, частичное признание вины равно предопределяло трагическую судьбу человека. Вердикт троек почти всегда отличался крайней суровостью. Уровень полного признания вины был чрезвычайно высоким – 290 чел. (88,4 %), что может свидетельствовать только о том, насколько жестким было моральное и физическое давление на подсудимых. Анализ изученных архивно-следственных дел позволяет сделать вывод о том, что протокол допроса в органах НКВД в период Большого террора был документом в большей степени формальным. В этом смысле показательным является следственное дело в отношении священника села Ая Алтайского района Орлова Иннокентия Дмитриевича. Его арестовали 29 июля 1937 г. по признакам совершения преступлений, предусмотренных статьей 58 п. 10 и 11 УК РСФСР. На первом до-

²³ Протоколы допросов Акашкина В.Н., Коркина М. К., Лебедева А.Н., Плехова Е.Н. и Самоукина Ю.М. от 29, 30, 31 июля, 2, 7 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 14196. Л. 8–34.

²⁴ Протокол допроса Максимова М. К. от 30 июля 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 13581. Л. 9–11.

просе, состоявшемся 5 августа, на вопрос следователя о признании себя виновным Орлов ответил: «Я это отрицаю». Тогда следователь «выдал» привычную допросную формулировку: «Следствие располагает достаточными материалами, изобличающими вас в принадлежности к контрреволюционной организации и активной деятельности против существующего строя. Требую правдивых показаний»²⁵. Ответ был такой: «Я убедился, что следствие располагает достаточными материалами, изобличающими меня, дальше не желаю скрывать свои преступления. Признаюсь, что я действительно являюсь участником...»²⁶ и т. д. Такой уж был на допросах шаблон. Но в случае с айским священником формалисты явно перестарались. Подследственному на допросе уже нелепо было что-либо отрицать, ведь накануне он сделал начальнику Алтайского районного отделения НКВД заявление следующего содержания: «Прошу вызвать меня на допрос. Я дам чистосердечное признание о моем участии в контрреволюционной организации и участии других лиц, *ничего не скрою*» (курсив мой. – А.К.)²⁷. К заявлению был даже приложен текст «чистосердечного признания» под заголовком «Мои показания»²⁸. Отсюда видно, что, несмотря на явно нестандартную ситуацию, рутинная, избитая форма допроса скорректирована все же не была.

О том, что обвинения, по которым следователи добивались признания, были надуманными, красноречиво свидетельствует такой факт, «неосторожно» зафиксированный в протоколе допроса. 19 августа 1937 г. допрашивали священника Кадысева Пахома Сазоновича из с. Колово Грязнухинского района:

«Ответ: Поскольку следствие располагает достаточными материалами изобличающими меня, то я готов дать свои показания, *но меня интересует вопрос, кто же из участников контрреволюционной организации фигурирует в качестве обвиняемых по делу этой организации* (курсив мой. – А. К.).

Вопрос: *Фамилии других обвиняемых вам будут названы в процессе допроса* (курсив мой. – А. К.), а сейчас вы прямо и справедли-

²⁵ Протокол допроса обвиняемого И.Д. Орлова от 5 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5366. Т. 5. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 13–13 об.

²⁷ Заявление И. Д. Орлова на имя начальника Алтайского районного и НКВД от 5 августа 1937 г. // Там же. Л. 9.

²⁸ «Мои показания» Орлова И. Д. // Там же. Л. 10–10 об.

во ответьете на вопрос – признаете ли вы себя участником контрреволюционной повстанческой организации?

Ответ: Да, виновным себя признаю, что я действительно был участником названной организации»²⁹.

Как говорится, комментарии излишни.

Из 328 репрессированных начисто отмели все обвинения только 26 чел. (7,9 %). Еще меньше количество частично признавших свою вину – 12 чел. (3,7 %). Следует иметь в виду, что среди давших признательные показания были и такие, кто не оговорил никого. К примеру, священник Никольский Евдоким Степанович, р. п. Тальменка Тальменского района, на допросе 20 августа 1937 г. признал себя участником контрреволюционной группы, возглавляемой епископом Г.А. Козыревым, который *уже был арестован 27 июля*. «Выдать» других соучастников Никольский категорически отказался³⁰. На допросе 21 августа подследственный сделал попытку самоубийства, «ударившись с силой головой об печку, но неудачно». Травмированный священник заявил: «Ни за что я никого не выдам, я не могу быть предателем»³¹.

* * *

Общий итог выполнения на Алтае оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 в отношении лиц, связанных с православной церковной деятельностью, сводится к следующему. Из 328 арестованных, «пропущенных» через тройки, 302 чел. (92,1 %) были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу. И лишь 26 чел. (7,9 %) получили лагерные сроки – 10 и 8 лет. Процент приговоренных к смерти церковников на Алтае оказался выше, чем в других регионах: в Татарии он составил 75,9 %, в Новгороде и его окрестностях – 84 %³².

Интересна и разбивка по годам. В 1937 г. по указанному приказу политическим репрессиям подвергли 281 церковника (85,7 % к

²⁹ Протокол допроса обвиняемого П.С. Кадысева от 19 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7123. Л. 8.

³⁰ Протокол допроса обвиняемого Никольского Е. С. от 20 августа 1937 г. // ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 13839. Л. 7–9 об.

³¹ Акт о попытке Никольским Е.С. совершить самоубийство от 21 августа 1937 г. // Там же. Л. 15.

³² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 172, 290.

общему количеству), из них 271 чел. осудили к расстрелу, а 10 чел. – к лагерным срокам (96,4 % и 3,6 %). В рамках же 1938 г. репрессировано было 47 чел. (14,3 % к общему количеству), из которых высшую меру наказания получили 31, а в лагерях оказались 16 чел. (66 % и 34 %).

Непосредственная практическая подготовка к началу операции по приказу № 00447 началась на Алтае не ранее 20 июля 1937 г., а 28 июля было арестовано рекордное количество церковников за весь период этой крупнейшей акции НКВД – 72 чел.

Бросается в глаза, что в ходе данной операции было «взято» много женщин – около 16 % от общего количества репрессированных. Это можно объяснить спецификой изучаемой социальной группы, широко допускавшей в свою среду – в качестве штатных функционеров и активистов – представительниц «слабого пола».

Подавляющее большинство арестованных имели вполне «деятельный» возраст, и лишь чуть более 15 % переходили пенсионный рубеж. Заметен, но не удивителен решительный перевес среди репрессированных церковников лиц пришлых, т. е. тех, кто не являлся уроженцем Алтая, – более 4/5 общего количества. В основном это люди, переселившиеся в наш регион в начале XX в. из Европейской России. Не нуждается в особых комментариях вывод, что более 92 % попавших под «карающий меч революции» церковников являлись по национальности русскими. Причем, как и ожидалось, большая часть репрессированных – около 3/4 – черпалась органами НКВД из сельской местности.

Уровень образования «изъятых» из общества церковников был довольно высок, но все же около 2/5 из них стояли по этому показателю на весьма низкой ступени (включая и неграмотных). Чуть больше половины репрессированных на Алтае «духовных лиц» оказались священниками.

Обвинения, предъявлявшиеся церковникам, впрочем, как и представителям других социальных групп, были индивидуальные и в составе группы; вторые – самые многочисленные – охватывали более 4/5 репрессированных лиц. Наиболее распространенные обвинения, которые вели к физическому уничтожению церковников, предусматривались пунктом 10-м (антисоветская агитация) и 11-м (участие в антисоветской организации) 58-й статьи УК РСФСР. В обвинительных заключениях данные пункты встречаются у более чем 80 % осужденных и почти в равном соотношении.

В качестве свидетелей, «изобличавших» церковников, в ходе следствия выступали самые разные люди. Среди них председатели сельсоветов и колхозов, рядовые колхозники, единоличники, инженеры, рабочие, учителя, домохозяйки, пенсионеры и т. д. Нередко роль свидетелей «с успехом» выполняли «подельники» и лица, привлеченные по другим политическим данным, т. е. целиком зависимые от следователей. Причем выяснено, что в 1938 г. подавляющее большинство свидетелей бралось как раз из представителей этой категории.

При жестком моральном и физическом давлении сталинского следствия на церковников уровень полного признания ими вины не мог быть низким и составил около 90 %. И только 26 чел., несмотря на все ухищрения следователей, обвинения в свой адрес решительно отвергли. Наряду с безжалостным репрессированием собственно церковников как живых носителей враждебной большевизму идеологии, в ходе практического осуществления оперативного приказа № 00447 проводилось широкое изъятие у обреченных церковных ценностей. В результате этого «православный мир» на Алтае лишился не менее тысячи единиц печатных религиозных изданий и большого количества церковных предметов: икон, наперсных крестов, утвари, церковного облачения, печатей, грамот и пр.

Нелепо утверждать, что в результате проведения в жизнь мероприятий оперативного приказа № 00447 на Алтае «духовное влияние» здесь не было ослаблено. Такое избиение церковников (вместе с изъятием специфического имущества) можно объяснить тем, что они в своей массе все еще представляли «воинствующее» мировоззрение, несовместимое с коммунистической идеологией и являвшее собой духовную альтернативу, «освященную» веками. И это при существовании обновленческого движения, вполне лояльного к советской власти.

Несмотря на бесконечные насилия, чинившиеся над Русской Православной Церковью с первых лет советской власти, к середине 1937 г. она еще оставалась моральной силой, с которой большевикам нельзя было не считаться. Именно тогда для «государства рабочих и крестьян» наступил момент, когда наряду с другими противостоявшими новому строю социальными группами можно было нанести мощный удар и по «людям Церкви», главным образом православной. Причем, если с бывшими кулаками, офицерами, членами буржуазных партий и другими «врагами» в социальном плане

действительно стремились решить вопрос «кардинально», то об «искоренении» религии в СССР в *ближайшем будущем* речи идти не могло. Настолько крутая ломка сознания масс в планы «воинствующих безбожников» не входила, хотя «избавление» народа от религии и церкви, бесспорно, являлось заветной целью большевиков. Историк Русской Православной Церкви С.С. Бычков пишет: «Тоталитарная система, созданная Сталиным по рецептам Ленина <...> не только игнорировала христианские ценности, но и стремилась уничтожить Церковь, хранительницу духовных традиций. Большевики пытались уничтожить на территории СССР все мировые религии»³³. С этим надо согласиться, если иметь в виду все же *историческую перспективу*, тактику *постепенного удушения* опасного идеологического конкурента. А пока Конституция 1936 г. в своей 128-й статье «перед лицом всего мира» провозглашала: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»³⁴. В том-то, по-видимому, и состоял смысл политических репрессий, развернутых согласно оперативному приказу № 00447 против церковников, чтобы создать благоприятные условия для дальнейшего, *более успешного* культивирования «карманной», «беззубой», не «воинствующей» церкви. Подобная организация верующих, по замыслу «кремлевских вождей», прежде чем – по мере приближения к «светлому будущему» – отмереть, должна была какое-то время реально помогать держать массы в беспрекословном повиновении. Вопросы же чисто мировоззренческие, от остроты которых, впрочем, не могла уйти ни одна из сторон, при функционировании такой «толерантной церкви» неизбежно отступали бы на второй план.

Говоря о чудовищных политических репрессиях в отношении алтайских церковников, нельзя обойти стороной сопутствующую и принципиально важную тему – о постепенном «выкашивании» на территории края православных церквей.

Оперативный приказ № 00447 предусматривал политические репрессии в отношении церковников, и, как мы знаем, речь шла исключительно о физических лицах. В документе не было ничего

³³ Бычков С. Большевики против Русской церкви // Очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М., 2006. С. 13.

³⁴ Конституция РСФСР // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР на 1 марта М., 1941. С. 26.

сказано о закрытии церквей. С одной стороны, причина этого – в специфике приказа, принципиально обращенного своим острием к «живой силе» врагов, а с другой – подгонять процесс лишения церковников культовой недвижимости данным документом не приходилось: это с успехом осуществляли иные «высокие директивы». Между тем по подчинению определенной целеустановке практика закрытия церквей была неразрывно связана с многолетней погромной деятельностью органов госбезопасности. Одно идеально дополняло другое, и «вода лилась» на одну «мельницу».

Сохранились списки, согласно которым с 1931 по 1941 г. включительно на Алтае было закрыто 369 церквей, причем бесспорный пик этого вида богоборческой политики пришелся на 1938–1939 гг., когда Церковники (и паства) потеряли 157 культовых зданий, т. е. 42,5 % от общего количества закрытых за 11 лет церквей³⁵. Что же касается конкретных рамок осуществления в регионе мероприятий рассматриваемого приказа, то надо признать: никакого всплеска закрытия церквей тут не было. Более того, в жертву «красному дьяволу» принесли тогда лишь 7 храмов, а с учетом июля 1937 г. – 11³⁶.

Важно отметить, что закрытые властями церкви сплошь да рядом «перепрофилировались» под помещения с самым разным целевым назначением. И современный исследователь имеет возможность ознакомиться со сводным списком по Алтаю, который содержит сведения о переоборудовании и перестройке конкретных церквей под клубы, больницы, «пожарки», мастерские МТС, школы, избы-читальни, склады, кинотеатры, дома культуры, интернаты, столовые и зернохранилища; часто в малопригодные для иных целей бывшие церковные здания просто засыпали зерно³⁷. А вот в с. Знаменка одноименного района был случай беспрецедентный: там деревянную церковь перестроили... в здание районного отдела НКВД!³⁸

³⁵ Список православных церквей Алтайского края, закрытых по постановлением Зап[адно]-Сиб[ирского] крайисполкома в 1931–1937 годах» и «Учет церквей Алтайского края, закрытых Оргкомитетом Президиума Верховного Совета РСФСР по Алтайскому краю [1938–1941 гг.]». 6 октября 1943 г. // ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–28.

³⁶ Там же. Л. 23–24.

³⁷ Список не действующих церковных зданий в Алтайском крае [1945 г.] // ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–38.

³⁸ Там же. Л. 31 об.

Приложение

**Должности свидетелей в следственных делах по обвинению
церковников Алтайского края***

Должность или объединение в группу	Кол-во (чел.)
Работники отделов райгорисполкомов (инструкторы, рядовые служащие)	8
Работники сельсоветов	28
Рук-во колхозов (председатели, зам. пред., члены правлений)	23
Члены колхозов (рядовые производственники, спе- циалисты и обслуживающий контингент)	146
Работники молочнотоварных ферм колхозов	6
Заведующий конефермой колхоза	1
Заведующий хатой-лабораторией колхоза	1
Председатель артели инвалидов	1
Работники сельпо	7
Инструктор внутренней торговли	1
Заведующий винной лавкой	1
Работники маслозаводов (директора, сторож)	3
Начальник лесопильного участка	1
Начальник пожарной дружины	1
Ветфельдшер и ветсанитар	2
Директора школ и учителя	10
Учащиеся школ	8
Зам. директора МТС по хозяйству	1
Заведующий нефтебазой МТС	1
Машинист свеклозавода	1
Дорожный десятник	1
Агент по заготовкам на кожевенном заводе	1
Рабочие	12
Служащие	9
Сторож	1
Единоличники	20
Домохозяйки	13
Сектант	1
Церковники, осужденные по другим делам	49**

* Представлены результаты выборки из 95 дел: а) всех индивидуальных (п. 10 ст. 58-й УК); б) части групповых (включающих п. 11 ст. 58-й УК), разделенных на индивидуальные производства (под самостоятельными номерами).

** В данном случае приводится не количество свидетелей, а количество обращений к их показаниям в период следствия по делам разных лиц. Показания пяти церковников использовались следователями по несколько раз.

Понятно, что и сам факт закрытия церквей, и издевательское их «перепрофилирование» не могло не нанести серьезного ущерба религиозным чувствам людей, не могло не заставить их страдать нравственно. Да только что за дело было властям до таких переживаний?! Впрочем, когда недовольство «дотягивало» до «контрреволюционной агитации», в дело решительно вступали органы госбезопасности.

А.И. Савин

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВЕРУЮЩИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА РЕПРЕССИЙ

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло свое печально известное решение «Об антисоветских элементах», потребовав взять на учет всех возвратившихся из ссылки кулаков и уголовников, «с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки», а менее опасные элементы были бы подвергнуты высылке. На следующий день нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов отдал шифротелеграммой № 266 соответствующий приказ начальникам местных управлений³⁹. Так был дан старт «Большому террору».

Хотя евангельские верующие – члены протестантских и неопротестантских церквей баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников, субботников, молокан, – не фигурировали конкретно в этих двух документах, именно они стали одной из главных целевых групп террора. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., знаменовавшим собой начало самой массовой репрессивной, так называемой «кулацкой», операции НКВД по уничтожению последних «несоциалистических элементов» и ликвидации «повстанче-

³⁹ Директива НКВД СССР № 266/15545 от 3 июля 1937 г. за подписью Н.И. Ежова. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 319.

ской базы» в СССР на случай войны, «сектанты»⁴⁰ должны были быть уничтожены как одни из «главных зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». Репрессии также распространялись на «наиболее активных» «сектантских активистов, церковников», которые к моменту начала операции содержались в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях⁴¹.

В статистическом отчете о работе органов НКВД СССР за 1937 – 1938 гг. приводятся данные о 50 769 «церковниках и сектантах», репрессированных в ходе операции по приказу № 00447 (соответственно 37 331 за 1937 г. и 13 438 за 1938 г.)⁴². Таким образом, в относительных цифрах священнослужители и актив общин всех конфессий составили около 6,6 % от жертв «кулацкой» операции. Современное состояние исследований, обусловленное закрытостью внутриведомственного делопроизводства НКВД, не позволяет сказать, какое количество от этого числа жертв составляли евангельские верующие. Но их доля, очевидно, сравнима с количеством репрессированного православного клира⁴³.

Включение евангельских верующих в качестве одной из целевых групп операции № 00447 и жестокость, с которой они преследовались органами НКВД и «тройками», свидетельствуют о том,

⁴⁰ В советской терминологии совокупность протестантских и неопротестантских церквей традиционно именовалась «сектантством», а члены данных церквей – «сектантами».

⁴¹ Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. С. 330–331. «Участники контрреволюционных сектантских группировок» подлежали незамедлительному аресту также согласно оперативному приказу № 00593 НКВД СССР от 20 сентября 1937 г., давшего старт репрессивной акции в отношении «харбинцев» – бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги.

⁴² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М, 2003. С. 172; Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen in der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terrors 1937 – 1938. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 52, 2004. Н. 4. S. 523. Эти же цифры приводятся О.Б. Мозохиним. См. Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М, 2006. С. 337, 341.

⁴³ Данные экстраполяции основываются на результатах «кулацкой» операции в отношении «сектантов» в Алтайском крае (см. ниже).

что в глазах тайной полиции и политического руководства страны евангельские верующие к концу 1930-х годов являлись весьма опасными «враждебными элементами», подлежащими изоляции и уничтожению. Ряд предыдущих публикаций автора был призван дать ответ на следующие вопросы: в результате чего и как складывалась в СССР устойчивая репрессивная традиция в отношении «сектантов» в 1920-е–первой половине 1930-х гг.; какие специфические особенности 1937 г. обусловили повышенное репрессивное внимание властей к евангельским верующим; в чем разница между репрессиями 1937–1938 гг. и карательными акциями в их отношении в предыдущие годы; кто являлся инициатором массовых репрессий в отношении «сектантов» в ходе «Большого террора» – центр или места. Эмпирическим материалом для этих статей послужили наши исследования о проведении репрессий в отношении евангельских верующих в Западно-Сибирском крае в 1937–1938 гг., а также данные о репрессивной акции в их отношении как в СССР, так и в Сибири в целом⁴⁴.

Задача настоящей публикации заключается в том, чтобы изменить ракурс исследования и посмотреть на репрессии в отношении протестантов с максимально близкого расстояния, через призму протоколов заседания тройки УНКВД по Алтайскому краю и архивно-следственных дел верующих. Для этого сначала здесь будут представлены как наиболее характерные, так и специфические дела верующих, осужденных тройкой в течение 1937 г., вслед за чем последует описание истории разгрома одной из наиболее крупных баптистских общин Алтая и Западной Сибири в целом – общины г. Славгорода. Такой «погружение» в главные документальные источники периода Большого террора позволит с максимальной достоверностью оценить соотношение объективного признака принадлежности жертв к евангельской церкви и субъективного признака в виде их актуального поведения на момент Большого терро-

⁴⁴ См.: Savin A. Die evangelischen Gläubigen Sibiriens als Zielgruppe der Massensoperation des NKVD im Rahmen des Befehls Nr. 00447. In: Die Deutschen und das östliche Europa. Aspekte einer vielfältigen Beziehungsgeschichte. Festschrift für Detlef Brandes zum 65. Geburtstag. Hg. v. Dietmar Neutatz und Volker Zimmermann. Essen: Klartext 2006. S. 189 – 205; Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 303–342.

ра для включения в число репрессируемых, а также для обоснования обвинения. Это, в свою очередь, позволит выявить специфику репрессий 1937–1938 гг. в отношении протестантов. Кроме того, благодаря вводу в научный оборот большого массива новых источников безымянные жертвы Большого террора вновь обретут свои лица и голоса.

Репрессии 1937–1938 гг. в отношении «сектантов»

Алтайского края: хроника событий

(по протоколам заседаний тройки УНКВД)

Прежде чем приступить к описанию и анализу репрессий в отношении евангельских верующих⁴⁵, необходимо указать на одно важно обстоятельство – к моменту образования Алтайского края и начала деятельности тройки при УНКВД по Алтайскому краю операция по приказу НКВД СССР № 00447 реализовывалась уже почти целых три месяца. Без всякого сомнения, первые «сливки» уже были сняты тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю, в первую очередь были репрессированы наиболее видные пресвитеры и проповедники, находившиеся на оперативном учете НКВД. Так, в июле–сентябре 1937 г. были проведены аресты членов т.н. «контрреволюционной баптистской группы», состоявшей из верующих общины баптистов сел Чесноковка и Белоярка Барнаульского района во главе с бывшим пресвитером Славгородской баптистской общины Ф.И. Кикотем, осуждены пресвитеры одной из крупнейших баптистских общин края – Усть-Пристанской – И.Ф. Титков и Г.Ф. Бурцев, расстреляны руководители баптистской общины Змеиногорского сельсовета Змеиногорского района С.А. Коршунов и С.В. Сергеев⁴⁶. Тем не менее, в случае выделения

⁴⁵ В настоящей публикации автор, исходя из ее ограниченного размера, отказался от освещения репрессий в отношении членов меннонитских общин Алтая. Этому вопросу посвящены его отдельные публикации. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2009; Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI век. 2012. № 3. С. 40–61.

⁴⁶ См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. Новосибирск-СПб., 2004. С. 328–329, 333–337; ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7457. Л. 16. К сожалению, прото-

в ходе Большого террора новых территориально-административных единиц действовала та же самая закономерность, что и в случае издания каждого нового приказа или директивы, акцентировавших внимание органов НКВД на очередной целевой группе репрессий – это автоматически вело к усилению репрессий на территории вновь созданных краев и областей в отношении целевых групп массовых операций НКВД. Алтайский край в этом отношении не был исключением.

Всего в период с 30 октября 1937 г. по 13 ноября 1938 г. состоялось 43 заседания тройки УНКВД по Алтайскому краю, из них 20 заседаний – в 1937 г. (30.10, 31.10, 1.11, 3.11, 5.11, 6.11, 11.11, 23.11, 24.11, 26.11, 27.11, 28.11, 29.11, 8.12, 9.12, 10.12, 27.12, 28.12, 29.12, 30.12.) и 23 заседания – в 1938 г. (4.03, 5.03, 7.03, 8.03, 11.03, 13.03, 14.03, 15.03, 27.09, 28.09, 29.09, 4.10, 5.10, 7.10, 8.10, 9.10, 10.10, 11.10, 13.10, 14.10, 17.10; 10.11 и 13.11). «Кулацкая» операция была завершена в Алтайском крае в марте 1938 г. Протоколы тройки за сентябрь – ноябрь 1938 г. содержат сведения о проведении операций по «национальным линиям».

Евангельские верующие фигурировали в числе жертв на большинстве заседаний тройки за октябрь 1937 – март 1938 г. Автор не ставил своей целью упомянуть их здесь поименно всех без исключения, но старался уделять внимание наиболее показательным случаям, стремясь в свете поставленной задачи выявить как закономерности, так и специфику репрессий образца «кулацкой» операции в отношении т.н. «сектантов». Главное внимание здесь будет уделено репрессиям 1937 г., поскольку евангельские христиане и баптисты, пережившие 1937 г. и осужденные тройкой в марте 1938 г., все чаще являлись рядовыми фигурантами таких сфабрикованных чекистами организаций как «Польская организация войсковая» или «Сиббюро Партии социалистов-революционеров», в результате чего следственные материалы в их отношении становились все более короткими и шаблонными, специфика репрессий – смазанной, а установление достоверной картины гонений в отношении верующих – проблематичным.

На своем первом заседании, 30 октября 1937 г., тройка УНКВД по Алтайскому краю первым из евангельских верующих осудила к расстрелу жителя Змеиногорского района В.К. Семенова, «кулака-

колы тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю по-прежнему недоступны для историков.

сектанта-единоличника». Криминал был налицо – Семенов в 1930 г. был раскулачен, лишен прав и сослан в Нарым, откуда сбежал в 1934 г., в 1935 г. был осужден по ст. 61 УК РСФСР на один год, из мест заключения снова сбежал⁴⁷. В данном случае принадлежность к верующим являлась лишь дополнительнымотягчающим фактором.

Зато в случае с В.Д. Гаврилюком, жителем с. Озеро-Красилово Косихинского района, явно преобладали религиозные моменты. Проповедник баптистов, он «под видом молитв проводил контрреволюционные собрания, распространял к-р. агитацию, направленную на разложение колхозного строя». Кроме этого, вместе с членами своей общины он выгнал из дома, ранее принадлежавшему одному из них, колхозника-ударника⁴⁸. В характеристике сельского совета от 7 августа 1937 г. – именно характеристики сельских советов зачастую играли роль главной улики среди собранных следствием доказательств – отмечалось, что Гаврилюк активно уклонялся от обязательных платежей, «особо рьяно проявил свою к-р. работу с утверждением сталинской конституции. Открыто начал пропаганду о равноправии кулаков, попов и проповедников, иронически повторял прочитанные лозунги»⁴⁹. В вынесении смертного приговора, без сомнения, сыграли свою роль факты лишения Гаврилюка избирательных прав, высылки в 1929 г. из пределов Дальневосточного края и осуждения в 1933 г. по ст. 61 УК к двум годам лишения свободы. И все же главное место принадлежало обвинениям, связанным с активным отправлением проповедником религиозного культа.

Следом были осуждены к расстрелу отец и сын П.Н. и М.П. Богословские, жители Старо-Бурлинского сельсовета Славгородского района. Отец до 1929 г. являлся активным членом и проповедником Славгородской баптистской общины, как руководитель «баптистской секты» был лишен избирательных прав, упорно не вступал в колхоз, в 1934 г. ему как единоличнику был «доведен» план сева в четыре га. Этого плана Богословский не выполнил, за что был осужден нарсудом Славгородского района на два года, в 1935 г. за невыполнение налогов у него конфисковали свинью. Сын также был осужден дважды в 1933 и 1934 гг. за саботаж работы в

⁴⁷ ОСД ГААК, Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 2. Л. 17–21.

⁴⁸ ОСД ГААК, Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 12. Л. 10.

⁴⁹ ОСД ГААК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12807. Л. 4.

колхозе, кроме того, в обвинении говорится о том, что в 1935 г. он вел подрывную агитацию под видом религиозных проповедей, которые читал колхозникам у себя в доме.

Следующее заседание тройки 31 октября 1937 г. оказалось крайне «урожайным» на осужденных баптистов. В первых рядах были приговорены к расстрелу жители Краснозерского района, баптистский проповедник и «организатор» баптистской общины С.И. Одинцов, а также «сектант-проповедник» А.С. Лисовиченко⁵⁰. К моменту ареста С.И. Одинцов работал бригадиром в колхозе им. Крупской, но «баптистское прошлое» и судимость по ст. 58–10 УК в комбинации с трудностями, которые переживал колхоз, стали для него роковыми. А.С. Лисовиченко, судя по протоколу тройки, также отошел от активной религиозной деятельности, работал рядовым колхозником, но ярлыка «баптиста» и прежней судимости по ст. 58–10 УК оказалось в его случае достаточным для вынесения смертного приговора.

К ВМН тройка также приговорила группу из трех верующих – жителей Купинского района: «лишенца» и проповедника баптистской общины Л.И. Алексеева, бывшего осужденного по ст. 79 УК РСФСР на пять лет проповедника секты евангелистов В.Ф. Криковцева и «кулака – евангелистского проповедника» А.П. Драчева. В качестве главного обвинения фигурировало вредительство членов группы в колхозе, которое привело к массовому падежу скота и выходу хозяйств из колхоза⁵¹.

Вслед за этим тройка рассмотрела еще одно групповое дело баптистов-проповедников во главе с Ф.И. Кислым из пос. Павлоград Хабарского района. Судя по изъятой у него переписке конца 1920-х годов с руководством евангельских общин Славгородского округа и Сибирского краевого отдела ВСЕХ, Кислый действительно являлся одним из активных работников церкви евангельских христиан. Как следует из справки сельсовета, подшитой к делу, он убеждал колхозную молодежь не брать оружия в руки. Свое религиозное кредо Федор Кислый подтвердил также во время следствия. На допросе от 25 сентября 1937 г. он заявил помощнику оперуполномоченного Хабарского РО НКВД Иванникову: «Наша секта ставила задачу воспитания людей в духе вежливости, не оскорб-

⁵⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 15. Л. 13–14, 34–35.

⁵¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 17. Л. 5–8.

лять человечества, не воровать, не убивать человека человеком»⁵². Вместе с Кислым к расстрелу тройка приговорила трех баптистских проповедников из пос. Павлово-Ивановка Хабарского района К.С. Кравченко, Д.Д. Мищенко и С.И. Аникина. Кравченко и Мищенко как руководитель баптистского хора и, соответственно, проповедник баптистов были лишены избирательных прав в 1926 г. и в 1927 г. Кроме того, Мищенко был в 1929 г. осужден по ст. 58–10 УК к семи годам ИТЛ. Все участники группы были арестованы в один день, 28 июля 1937 г., то есть еще в т.н. «предоперационный» период, до начала «кулацкой» операции, а следовательно находились на оперативном учете. Перед арестом чекисты активно разрабатывали баптистов с помощью агентурного осведомления. Сексот, в частности, доносил 21 июля 1937 г. о том, что 9 июля 1937 г. подозреваемые возвращались из бора с работ, остановились на ночевку и повели антисоветские разговоры, что живется теперь хуже, чем при помещиках, нет мануфактуры, «читали Библию и историю Людовика»⁵³. В вину баптистам также были поставлены нелегальные «религиозные сборища» на частных квартирах.

Очередной жертвой из числа верующих стал житель Ново-Тюменцевского сельсовета Благовещенского района Г.М. Турков. В 1934 г. он был лишен избирательных прав как пресвитер баптистского культа, в 1935 г. его хозяйство власти распродали в компенсацию за неуплату штрафов. Кроме того, Турков проводил у себя на дому богослужения, куда собирал колхозников. После такого «букета» прегрешений обвинение в том, что, работая скотником, вредительски относился к своим обязанностям, в результате чего в 1936 г. пало 29 и абортировалось 14 коров, выглядит уже лишним⁵⁴.

Последними из числа баптистов, осужденных тройкой 30 октября 1937 г., стали жители Ребрихинского района А.Ф. Мысник, И.Ф. Мысник и И.Т. Коваленко. Они также были арестованы в конце июля 1937 г. и находились на оперативном учете, поскольку кроме принадлежности к церкви судились ранее по статьям 61 и 72 УК РСФСР. А.Ф. Мыснику в вину вменялась агитация против службы в Красной армии, а И.Т. Коваленко во время сева 1937 г. в

⁵² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 17. Л. 25–27. Оп. 7. Д. 9915. Л. 31 об.

⁵³ ОСД ГААК. Ф. Р.-2. Оп. 7. Д. 9915. Л. 58.

⁵⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Д. 9832. Л. 8–12.

колхозе им. Эйхе агитировал колхозников «не выходить на работу и вступать в свою баптистскую группу»⁵⁵.

Группа «кулаков-сектантов-евангелистов-фанатиков», жителей Ново-Троицкого сельсовета Солтонского района, в составе бывшего члена общины евангельских христиан г. Перми И.И. Шмырина, а также евангельских христиан С.М. Осанова и М.Р. Качемасова, относилась к числу убежденных противников колхозов и поборников единоличного образа жизни. В частности Осанов, согласно обвинения, выступал против зернопоставок, призывал колхозников хлеб государству не сдавать, а также «уговаривал призывников отказываться брать в руки винтовку и идти в армию». Качемасов в свою очередь «восхвалял единоличную жизнь <...> выступал против займа обороны»⁵⁶. Верующие были осуждены тройкой 1 ноября 1937 г. к расстрелу.

3 ноября 1937 г. тройка осудила к ВМН двух руководителей отдельных групп евангельских верующих: С.Т. Борщова и Е.С. Каляпина. Борщов возглавлял Бийскую группу адвентистов седьмого дня с 1936 г., после того как был арестован ее предыдущий руководитель – проповедник Радников. В вину Борщову шаблонно ставилась «обработка возглавляемой им группы адвентистов в к-р. повстанческом направлении» и «вредительская кладка мостовой», поскольку Борщов работал бригадиром мостовщиков Бийского горстройтреста⁵⁷. В обвинении, выдвинутом Каляпину, наглядно прослеживается острый конфликт с руководством колхоза им. Эйхе Уржумского сельсовета Алейского района. После того, как бывший член Воронежской общины баптистов «завербовал» весной 1936 г. в свою группу 13 колхозников, они перестали работать по воскресным дням. За это же сам Каляпин был исключен из колхоза в сентябре 1935 г., двумя годами ранее его хозяйство было распродано за «невыполнение государственных платежей». В обвинительном заключении Каляпина приводилось еще одно традиционное обвинение в адрес верующих – контрреволюционная агитация в связи со «сталинской конституцией». Как безграмотно, но злорадно констатировалось в справке сельского совета, «в связи с новой сталинской конституцией то вся бактисско-сиктантская группа во главе со своим атаманом Каляпиным поняли так, что ни-

⁵⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 25. Л. 3; Оп. 7. Д. 12144. Л. 7–8, 19–22, 67.

⁵⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 35. Л. 10; Оп. 7. Д. 7638. Л. 213 – 220.

⁵⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 37. Л. 40; Оп. 7. Д. 15893. Л. 7–20.

кто не имеет права запрещать вербовку в свою бактисско-сиктантская группу»⁵⁸.

В свое время Грегори Фриз, характеризуя радикальные антирелигиозные мероприятия советской власти в период коллективизации, подметил, что «в противоположность прежней политике основной целью теперь была не сама церковь, духовенство или суеверия, а скорее сами церковники и приходы»⁵⁹. Большой террор также характеризовался новым качеством репрессий в отношении верующих: в 1937–1938 гг. наряду с руководителями церковных организаций, общин и групп, которых репрессировали традиционно, все чаще и чаще страдали рядовые, хотя и активные, члены общин. Причем «церковных активистов» в протоколах тройки становилось все больше по мере того, как исчерпывались оперативные чекистские учеты. 5 ноября 1937 г. тройка первым из евангельских верующих осудила именно такого активиста – жителя г. Камня К.Т. Харькова. Хотя в обвинении он фигурирует как «баптист-проповедник», Харьков был рядовым членом общины с 1927 г. На допросе он показал: «Официально проповедником я не был, но со словом Божиим выступал и выступаю». В вину ему вменялось распространение литературы религиозного содержания и вовлечение в общину новых членов⁶⁰. Вслед за ним к ВМН был осужден один из настоящих церковных «функционеров», т.н. разъездной проповедник Н.И. Терешко. Согласно обвинения, «в 1937 г. по заданию секты евангельских христиан разъезжал по городам СССР по связям с другими сектами баптистов, по возвращении откуда выступал с проповедями, передавая приветы от других сект, при этом призывал на укрепление местной секты; виновным себя признал частично»⁶¹.

Достаточно часто с целью демонстрации того, что все враждебные советскому государству силы неминуемо в борьбе с ним объединяются в единый блок, по принципу амальгамы, изобретенному еще в годы Великой Французской революции, когда в ходе одного судебного процесса судили одновременно группу людей, не имевших друг к другу никакого отношения, верующих включали в со-

⁵⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 39. Л. 3; Оп. 7. Д. 7697. Л. 5.

⁵⁹ Freeze G. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung*. München, 1998. S. 231–232.

⁶⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 43. Л. 1; Оп. 7. Д. 15020. Л. 17–18.

⁶¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 43. Л. 2.

став фиктивных повстанческих контрреволюционных организаций, где «первую скрипку» играли или «бывшие», или даже опальные представители коммунистической оппозиции. По этому принципу баптисты-проповедники, жители Краснозерского района Г.И. Сасин, Т.А. Стрельченко и Р.П. Фурлет оказались включены в качестве активных членов в филиал организации РОВС, якобы действовавший в Краснозерском районе. Все они были ранее судимы по разным статьям УК, поэтому приговор к ВМН, вынесенный тройкой 23 ноября 1937 г., выглядел вполне обоснованным. Вместе с ними к ВМН был осужден отец Р.П. Фурлета, П.Ф. Фурлет, проповедник «баптистской секты» и крестьянин-единоличник. Поскольку первое обвинение в его отношении было традиционным – «как баптист-проповедник, прикрываясь религиозными обрядами, проводил сборища для богослужения, собирая свою группу для нелегальных совещаний», то следователи для подкрепления обвинения указали, что Фурлет «взял на себя обязательство в день выборов в Верховный Совет СССР поджечь молочно-товарную ферму колхоза им. Правды»⁶².

Стремление представить верующих членами контрреволюционных, повстанческих, саботажных и тому подобных организаций имело под собой еще одну немаловажную основу, о которой недвусмысленно свидетельствует следующее указание зам. народного комиссара внутренних дел М.П. Фриновского начальникам УНКВД: «Если церковники и сектанты ведут у вас контрреволюционную деятельность, они в общем порядке подлежат аресту и наказанию в соответствии с тяжестью их преступлений. Если же церковники и сектанты состоят в повстанческих, террористических, фашистских и бандитских формированиях (пункт 3 раздела 1 приказа), то они подлежат репрессированию по 1 или 2 категории»⁶³. Таким образом, фабрикация организаций давала местным органам НКВД возможность репрессировать их «членов» через тройки, в упрощенном внесудебном порядке.

Вслед за ними тройка осудила к ВМН ряд баптистских проповедников, также фигурировавших в составе различных антисоветских групп. Я.И. Павленко, житель пос. Богодуховка Ново-

⁶² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 58. Л. 10, 31, 44–45.

⁶³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 272–273. К сожалению, авторы не указали дату цитируемого документа.

Киевского района, баптист-проповедник и «лишенец», бежавший в 1932 г. из ссылки, «проводил агитацию за возобновление работы сектантской общины баптистов среди женщин в колхозе». Вместе с ним по делу РОВС проходили баптисты И.А. Шапаренко, И.А. Нестеренко и М.С. Кошевой из Карасукского района, ранее судимые по ст. 61 УК, которые теперь обвинялись главным образом в саботаже и диверсиях⁶⁴. В составе «кулацкой» повстанческой группы из девяти человек к расстрелу был приговорен житель с. Ново-Ильинка Хабаровского района, чабан и сторож сельскохозяйственной артели «Советский путь» К.Д. Ена. В 1930 г. он был лишен избирательных прав за эксплуатацию наемной силы и проповедование баптизма. Такая же участь постигла проповедника баптистов Д.В. Якимова, животновода сельхозартели с. Утянка Хабаровского района, который 25 октября 1937 г. «сорвал занятие по выборам в Верховный Совет СССР». Скупость обвинения объясняется здесь возможно тем, что срок от ареста Якимова до вынесения приговора составил всего две недели⁶⁵.

Зато двух баптистских проповедников, братьев Афанасия Скибу и Фому Скибу, жителей с. Орлеан, чекисты Благовещенского РО НКВД разрабатывали основательно. В деле сохранились доносы агентов «Брус» и «Комар», а также рапорт «О состоянии общины евангельских христиан в с. Орлеан Благовещенского района ЗСК» от 24 июля 1936 г., который был составлен на основании агентурных донесений начальником РО НКВД А.И. Дедюшиным и отправлен начальнику СПО УГБ УНКВД ЗСК И.А. Жабреву. Из этих документов вырисовывается следующая картина: Орлеанская община существовала с 1912 г., в 1930 г. она насчитывала 48 членов. В 1934 г. молитвенный дом был в соответствии с широко распространенной практикой взят под засыпку зерна по разрешению председателя Славгородского РИК Дарина⁶⁶. В связи с закрытием дома 14 верующих выехали из села. Оставшиеся работали в колхозах, на моления стали собираться нелегально с весны 1936 г., что и побудило чекистов взять общину в разработку. После публикации

⁶⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 59. Л. 32–39.

⁶⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 60. Л. 19, 42.

⁶⁶ О практике использования церковей и молитвенных домов в качестве зернохранилищ см.: А.А. Колесников, А.И. Савин. Дело священника // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010. С. 291–292.

проекта конституции А.А. Скиба неоднократно говорил о возможности «жить единоличником, без притеснения чужого труда <...> и в отношении вероисповедания можно, мол, без всякого выходить на улицы с церемониями религиозными», призывал колхозников не работать по воскресениям. В итоге Афанасий Скиба был осужден к расстрелу, Фома Скиба получил 10 лет лагерей, отбывал срок в Севураллаге⁶⁷.

По представлению Благовещенского РО НКВД тройка в тот же день также осудила «бродячего проповедника» Л.И. Миненко из Ленковского сельсовета, в результате агитации которого из колхоза якобы вышло около 45 хозяйств⁶⁸.

24 ноября 1937 г. тройкой были приговорены к ВМН два баптиста, жителя Ново-Киевского района – бывший проповедник П.А. Радченко и С.П. Анистратов. По принципу амальгамы их включили в повстанческую группу из 10 человек, якобы созданную бывшим белым полковником Д.С. Исаковым. В их отношении были выдвинуты характерные для баптистов обвинения в устройстве нелегальных сборищ верующих, ведении пораженческой агитации и распространении «клеветнических измышлений на советскую власть». Кроме того, Анистратов в 1929 г. был раскулачен и лишен избирательных прав⁶⁹.

Вслед за этим к ВМН были осуждены бывший проповедник и руководитель Ново-Израилевской общины Баевского района Т.П. Пономарев, а также активный член общины Ф.А. Яценко. Среди религиозных книг и бумаг, изъятых при аресте у Пономарева, в том числе содержалась переписка между ним и руководителями Всесоюзного Совета евангельских христиан Я.И. Жидковым, А.В. Каревым и М.А. Орловым, из которой следовало, что еще в 1933 – 1934 гг. Ново-Израильская община функционировала легально. Однако к осени 1937 г. ситуация кардинальным образом изменилась и верующим приходилось собираться на молитвенные собрания нелегально. Помимо этого, в вину Пономареву, который в 1926 г. уже судился за растрату и был лишен избирательных прав, вменялась деятельность, направленная на развал колхоза⁷⁰.

⁶⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 61. Л. 8–9; Оп. 7. Д. 10216. Л. 39–41.

⁶⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 61. Л. 27–28.

⁶⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 63. Л. 22; Оп. 7. Д. 6244. Л. 139–140.

⁷⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 70; Оп. 7. Д. 8480. Л. 140–147.

В ряду «прегрешений» осужденного тройкой к ВМН баптиста В.К. Морозова, жителя Парфеновского района, помимо двух судимостей по 61 ст. УК РСФСР, было такое экзотическое, как отказ от советского гражданства в 1935 г. и возбуждение ходатайства о выезде в Китай. Поскольку на момент ареста Морозов не имел «определенных занятий», его антисоветский нонконформизм был крайним и последовательным⁷¹.

В этот же день тройка своим приговором фактически завершила разгром Уч-Пристанской общины баптистов, одной из крупнейших общин баптистов на Алтае⁷². Как члены организации РОВС были осуждены руководитель общины В.Е. Польшников, регент хора Т.С. Коровин, члены совета общины Ф.С. Иванников, Я.С. Аксенов, Н.С. Черепанов, Г.Д. Караваев, а также активные члены общины А.М. Дерешев, Н.М. Филиппов, Л.У. Донских и К.М. Старухин. Т.С. Коровин фактически возглавил общину после ареста своего тестя, баптистского пресвитера И.Ф. Титкова. Фактически все осужденные баптисты относились к категории «обиженных и оскорбленных» советской властью. Так, Коровин был в 1922 г. осужден за отказ служить в Красной армии. Иванников в том же году получил пять лет лагерей за участие в крестьянском восстании. Дерешев был сыном кулака-лишенца, высланного на север, сбежал из Нарыма в 1934 г. по подложным документам, а в 1936 г. был судим за уклонение от воинской службы на 6 месяцев ИТР. «Твердозаданец» Старухин сбежал от выселения. Из материалов обвинения не совсем ясно, насколько активно вела себя Уч-Пристанская баптистская община после ареста И.Ф. Титкова, однако уже только самого факта действующей общины было достаточно для включения ее членов в состав сибирского филиала РОВС. По версии следствия, участие в баптистской «секте» являлось лучшей конспирацией для заговорщиков, поскольку «баптистский закон говорит, что христиане с оружием не должны выступать против власти»⁷³.

Последним из евангельских верующих в этот день тройкой был осужден к ВМН житель Краюшкинского РО НКВД, проповедник евангельских христиан С.А. Власов. Унтер-офицер колчаковской армии и участник Сорокинского восстания, в 1928 г. он как пропо-

⁷¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 73. Л. 21.

⁷² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 76. Л. 2. 5–11, 13–21.

⁷³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 73. Л. 21; Оп. 7. Д. 5480. Л. 28–29.

ведник был лишен избирательных прав, в 1931 г. выехал в г. Гурьевск, где «под предлогом евангелистской работы проводил контрреволюционную агитацию». В 1937 г., будучи активным членом общины евангельских христиан г. Мариуполя, Власов после начала арестов единоверцев в июле 1937 г. выехал в Сибирь. Согласно показаниям свидетелей, перед своим арестом он неоднократно публично заявлял о том, что «врагов надо любить и ни в коем случае не убивать, а советская власть делает неправильно, расстреливает людей»⁷⁴.

26 ноября 1937 г. тройка продолжила рассмотрение дел членов Уч-Пристанской баптистской общины, были осуждены к расстрелу и заключению в лагерь Е.И. Лютиков, П.И. Лютиков, Г.И. Кустов, братья Антон Иванович и Афанасий Иванович Зюзины. Афанасий Зюзин был в прошлом баптистским пресвитером в с. Брусенцово Уч-Пристанского района, до 1930 г. в общине состояло около 30 человек, своего молитвенного дома не было, на собрания собирались на частных квартирах. В вину баптистам вменялась агитация против выборов в Верховный Совет СССР, распространение провокационных слухов о войне и готовность с оружием в руках выступить против советской власти. Кроме этого, практически все они были ранее судимы по ст. 58, 61, 78 и 109 УК РСФСР⁷⁵.

Далее был осужден бывший секретарь общины евангельских христиан с. Украинка Мамонтовского района Н.А. Большаков. После того, как во время ликвидации кулачества как класса община в с. Украинка развалилась в 1930 г., поскольку большинство верующих выехало из Мамонтовского района, сам Большаков также уехал из Сибири, два года работал на Турксибе, потом строил московское метро. Все это время он оставался активным верующим, в Москве посещал собрания в Реформатской церкви, общался с руководством ВСЕХ в лице Я.И. Жидкова и А.Л. Андреева. В конце 1934 г. Большаков вернулся в с. Украинка и вступил в колхоз. В вину ему вменялось, что «под видом проведения религиозных бесед занимался контрреволюционной пропагандой среди населения», «всячески внедрял религиозность среди населения, имел письменную связь с руководителями центрального баптистского совета в Москве, от которых получал указания по работе секты баптистов». Интересно, что к моменту ареста Большаков не был

⁷⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 82. Л. 6; Оп. 7. Д. 27887. Л. 9–12.

⁷⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 96. Л. 1–6; Оп. 7. Д. 5481. Л. 19–20.

ранее судим, что являлось редкостью среди активных членов евангельских общин⁷⁶.

В случае с тремя баптистами, жителями с. Тишинка Рубцовского района и членами колхоза «Красное Знамя» А.И. Родиным, С.С. Малаховым и П.Е. Кочетковым был налицо затяжной конфликт между группой крестьян, недовольных колхозными порядками, и руководством колхоза. Баптисты призывали не выходить на работу по воскресным дням, заявляли, что «в магазинах ничего нет, ходят все оборванные, работаем за одни голые трудовни», а денег хватает только на то, чтобы приобретать государственные займы обороны СССР. Помимо этого, баптисты неоднократно выражали свое возмущение ограничением обещанных религиозных свобод. В частности они заявляли: «Партия и советская власть нас, баптистов, обманывает, по Конституции пишет, что свобода слова, а на самом деле свободы не дают. Это полный обман со стороны советской власти <...> Эти конституции нам никакой пользы не дают». В элиминации влияния баптистов была также заинтересована местная школа. В деле имеются показания пионервожатой, заявившей о хождении в школе религиозных листовок, которые родители-баптисты распространяли через своих детей. Таким образом, вынесение всем троим смертного приговора обусловила активная религиозная жизнь, выражавшаяся в еженедельных молитвенных собраниях, вкуче с антиколхозными настроениями⁷⁷.

Сравнительно экзотичным на общем фоне выглядит дело «сектанта-субботника», жителя с. Успенка Локтевского района Н.П. Кондратова. Дважды ранее судимый, в 1937 г. он привлекался к административной ответственности за отказ в получении паспорта. Кондратов вел антиколхозную агитацию с явным антисемитским подтекстом. В частности, в октябре 1937 г. он якобы заявлял: «Колхозный строй – это крепостное право-барщина, в них [колхозах] народ работает не на себя, а на коммунистов-жидов, которые продали Иисуса Христа». В случае войны с СССР, по утверждению Кондратова, Япония могла рассчитывать на людей, «которых еврейская власть выслала на север»⁷⁸. Тройка приговорила его к ВМН.

⁷⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9119. Л. 17, 29–30.

⁷⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 104. Л. 11–13; Оп. 7. Д. 10218. Д. 11–12, 47–49.

⁷⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 15863.

Начиная с 27 ноября 1937 г., тройка в несколько приемов осудила практически всех сколько-нибудь заметных членов Барнаульских общин баптистов и евангельских христиан по обвинению в участии в «эсеровско-повстанческой организации» во главе с пресвитером баптистов А.К. Кононовым и пресвитером евангельских христиан Н.М. Хвостиком⁷⁹. Показательно, что от большинства обвиняемых следователи на допросах добивались признания в деятельности, направленной на создание в Сибири объединенного «блока» баптистов, евангельских христиан, старообрядцев и православных «для совместной борьбы с Советской властью». Инициатором объединения все допрошенные называли краевого уполномоченного евангельских христиан О.И. Кухмана, посетившего Барнаул весной 1937 г. и якобы выступившего с программной речью на собрании, на котором присутствовало около 70 баптистов и евангельских христиан⁸⁰. В действительности для слияния общин евангельских христиан и баптистов в Барнауле имелась более прозаичная причина: евангельские христиане не имели своего молитвенного дома и испытывали серьезные трудности с проведением официально разрешенных молитвенных собраний. Объединение с баптистами решило бы эту проблему.

Дело Л.Г. Бочки, организатора и руководителя «к-р. баптистской секты на станции Пospelиха Алтайского края» можно вновь расценивать как классическое дело служителя религиозного культа, репрессированного «за веру» в ходе «кулацкой» операции. На своей квартире Бочка регулярно проводил нелегальные собрания баптистов, на которых якобы вел антисоветскую агитацию и призывал колхозников-допризывников отказываться брать оружие в руки⁸¹. Как следует из материалов допросов, в 1937 г. в баптистскую группу входило всего пять человек. Бочка официально обращался с ходатайством в райисполком, разрешить им проведение собраний, но власти ответили отказом. В итоге собирались «нелегально», по субботам и воскресениям, читали Евангелие, проповедовали и «пели разные призывные стихи, которые призывали народ покаяться

⁷⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 112. Л. 31–32; Д. 156. Л. 45; Д. 235. Л. 1–24. См. также: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920 – 1941 гг. С. 340–355.

⁸⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5671. Т. 1. Л. 55.

⁸¹ Показательно, что в 1929 г. Л.Г. Бочка был осужден на пять лет за незаконный убой скота.

Богу». Вместе с Бочкой были арестованы и осуждены к ВМН 27 ноября 1937 г. баптисты И.Т. Зиновьев и К.О. Мануйлов, которые обвинялись в «вербовке» новых членов. Как показывали сами обвиняемые, они надеялись, что в случае увеличения численности группы власти разрешат им зарегистрироваться⁸².

Из числа евангельских верующих, осужденных тройкой 29 ноября 1937 г., обращает на себя внимание группа баптистов из с. Озеро-Красилово Косихинского района во главе проповедником Е.К. Букиным. Община в селе существовала, начиная с 1925 г., в 1933 г. власти отказались ее регистрировать, а в 1936 г. это существование превратилось в «автономное плавание», без какой-либо связи с общесоюзными или общесибирскими баптистскими структурами. Верующие собирались на собрания на квартире у Букина нелегально. Вместе с Букиным были осуждены Н.П. Хомяков, В.Е. Шаховцев и В.Г. Щербаков. Как заявлял Букин на допросе, «нас всех пораскулачили, хозяйство все забрали и задавили налогами. В силу этих причин мы были недовольны соввластью и считаем, что она с народом поступает неправильно». Сам Букин был лишен избирательных прав как «как кулак-эксплуататор и баптистский начетчик», остальные члены группы в 1931–1933 гг. бежали из Нарымской ссылки. В 1959 г., в ходе реабилитационных процедур, бывший председатель колхоза показал, что осужденные баптисты в колхоз не шли, активного участия в общественной жизни не принимали⁸³.

8 декабря 1937 г. тройка осудила к 10 годам ИТЛ Т.И. Кисилева, председателя колхоза «Красный пахарь» Змеиногорского района. Бывший член ВКП(б) был одновременно баптистом, «пробравшимся к руководству колхоза». В результате Кисилев якобы постоянно саботировал выполнение государственных заданий и вовлек в правление колхоза еще одного баптиста, бывшего «твердозаданца» Д.Е. Чубакова. Здесь принадлежность к баптизму скорее была побочной уликой, служившей в интересах подкрепления обвинения. Об этом свидетельствует и относительно мягкий приговор⁸⁴.

Зато активный баптист-одиночка Д.Ф. Пузилов из с. Косиха Косихинского района был приговорен к расстрелу только лишь за то, что «пытался организовать секту евангельских христиан». Пузилов

⁸² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 124. Л. 15–16; Оп. 7. Д. 15340. Л. 18, 21.

⁸³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 143. Л. 20–22; Оп. 7. Д. 8607. Л. 14, 18.

⁸⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 158. Л. 55–57.

уверовал в 1931 г. в Нарымской ссылке, откуда сбежал в 1932 г. В 1935 г. был осужден к двум годам лишения свободы по ст. 61–2 УК. На допросе Пузиков заявил: «Я в этом убежден, что соввласть с народом поступает неправильно, христиан задавили налогами, согнали насильно в колхозы и разорили нас. В учении Христа этого быть не должно»⁸⁵.

Такой же участь постигла еще одного одиночку, евангельского верующего Т.Д. Калинина, «чернорабочего» колхоза «Луч» с. Ново-Повалиха Краюшкинского района. Показательно, что в анкете арестованного от 23 ноября 1937 г. в графе социальное положение следователь указал «евангелист». Согласно справке сельского совета, Калинин в 1924 г. был осужден на два года за отказ служить в Красной армии, в 1937 г. вел публичную читку Евангелия, «по Евангелиям доказывает колхозникам о том, что мол вот скоро будет война и советскую власть свергнут». Будучи допрошен 25 ноября 1937 г. показал, что с 1920 г. состоял членом Барнаульской общины евангельских христиан. На вопрос: «Сейчас Вы верите в Евангелие?» ответил: «Да, я в Евангелие верую, там написана только правда и я останусь до смерти верующим в Евангелие». Очевидно хорошо понимая цель вопросов следователя, Калинин усиленно отрицал свое знакомство с другими верующими, заявил, что из «евангелистов» в районе никого не знает⁸⁶.

Такого рода дела на одиночек к концу главного этапа «кулацкой» операции можно отнести к недоработкам соответствующих подразделений НКВД. Руководство тайной полиции требовало от своих подчиненных групповых дел, и, как правило, именно в создании контрреволюционных повстанческих организаций и заключался главный факт фабрикация обвинения. Именно такое дело с массовым участием верующих тройка рассмотрела 8 декабря 1937 г. по представлению Змеиногорского РО НКВД. В состав контрреволюционной организации численностью 32 человека были также включены «руководитель секты евангелистов» Н.Ф. Жабин, «руководитель секты баптистов» В.М. Сергеев, «сектант-баптист» И.Ф. Малютин и «сектант-молоканин» А.Ф. Бобылев. Фактически же речь шла о продолжении разгрома баптистской общины с. Змеиногорское, руководители которой С.В. Сергеев (сын В.М. Сергеева) и С.А. Коршунов уже были расстреляны в августе

⁸⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 180. Л. 2; Оп. 7. Д. 7768. Л. 9, 13.

⁸⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 183. Л. 10; Оп. 7. Д. 14851. Л. 3, 8, 11.

1937 г. В состав общины на январь 1937 г. входило 24 человека, после отказа Змеиногорского райисполкома официально зарегистрировать «секту» баптисты, по показаниям В.М. Сергеева, «стали проводить собрания без всякого разрешения в моем доме, в доме Коршунова и других сектантов», чтобы не вызывать подозрения властей. С обвинением актива у следователей НКВД проблем не возникло – помимо участия в нелегальных собраниях, Жабин был лишен избирательных прав и раскулачен, Бобылев в 1930 г. подвергался высылке «на Ангару», Малютин был раскулачен, лишен избирательных прав, кроме того, в 1934 г. был арестован и 18 дней находился под следствием по обвинениям по ст. 58 УК. В результате все верующие, за исключением И.Ф. Малютина, получившего 10 лет ИТЛ, были расстреляны⁸⁷.

Также по принципу амальгамы в составе «контрреволюционной группы» из 31 человека, действовавшей на территории Локтевского зерносовхоза, 8 декабря 1937 г. к ВМН были осуждены жители Локтевского района, баптисты Ф.Е. Сигаев и Ф.Е. Собакин. Сигаеву вменялось в вину то, что он под видом секты баптистов завербовал в организацию восемь человек. Поскольку Сигаев в 1923 г. был осужден на один год за отказ служить в Красной армии, показания Ф.Е. Собакина, явно написанные под диктовку следователя на его единственном допросе 2 ноября 1937 г., должны были выглядеть убедительно: «Кроме того, мы ставили своей целью завербовать под видом секты баптистов побольше людей, главным образом молодежи, т.к. по нашим религиозным убеждениям мы не должны братья за оружие, и ослабить мощь Красной Армии тем, что она будет немногочисленной»⁸⁸.

Дело проповедника и руководителя баптистской группы с. Новичиха Новичихинского района П.М. Степаненко, осужденного тройкой к ВМН 8 декабря 1937 г., служит ярким примером типажа религиозного деятеля, до последнего открыто и бескомпромиссно отстаивавшего свои убеждения. Крещение по вере П.М. Степаненко принял в 1925 г., согласно справке сельсовета, «при сплошной коллективизации повел усиленную антисоветскую агитацию против колхозного строя путем обхода по дворам с Еван-

⁸⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 185. Л. 14–29; Оп. 7. Д. 4128. Т. 1. Л. 247–250, 304–312.

⁸⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 186. Л. 1–7; Оп. 7. Д. 7762. Т. 1. Л. 113 об., 294–298.

гелием, проповедуя скоро конец света <...> В колхоз вступил в последнюю очередь в 1931 г. <...> Предоставленную ему колхозную квартиру как заведующему кроликофермой превратил в моленный дом сектантов». В квартире были повсюду развешаны религиозные лозунги для того, как показал Степаненко, «чтобы приходящие ко мне колхозники видели, что тут живет “брат” и это их наталкивает сразу на вопросы моей религии». При аресте было изъято большое количество религиозной литературы и самодельных плакатов. На допросе Степаненко открыто заявил следователю: колхозы не предусмотрены Евангелием, люди стали злы, близится конец мира, «все эти признаки, указанные в Евангелии, уже есть в действительности. К этому привела народ соввласть и это является противным Богу <...> Но это еще не поздно, если народ одумается и возвратится к той жизни и к вере, как он жил до советской власти, ему простится. Господь так сказал: За Имя мое, кто будет веровать в меня, будут ненавидимы всеми народами, но претерпевший до конца спасется. Об этом я говорил колхозникам». Несомненно, что на колхозников должны были производить впечатление и такие слова Степаненко: «В Писании сказано – будет поставлена печать Антихриста на правой руке или на челе, только тогда продашь и купишь – продашь государству хлеб, получаешь бумажку с печатью, и тогда купишь товару, а не получишь с бумажкой печати, ничего не купишь»⁸⁹. Антиколхозный характер религиозной проповеди был настолько очевиден, что в 1961 г., даже во время хрущевской «оттепели», в реабилитации П.М. Степаненко было отказано, он был реабилитирован только в 1989 г.

Проповедник баптистской общины с. Ново-Троицкое Родинского района Ф.С. Гунько обвинялся в антиколхозной агитации, из-за которой из колхоза им. Косиора в 1937 г. вышло пять хозяйств. Однако это распространенное обвинение, судя по материалам архивно-следственного дела, все же не отображает здесь главных причин ареста и осуждения колхозного садовника. Бывший крепкий хозяин и «твердозаданец», Гунько конечно же не испытывал особых симпатий к колхозу, но на первом месте у него стояла община. На допросе 24 ноября 1937 г. он показал: «Все свое свободное время провожу по своему религиозному убеждению – руковожу сектой баптистов». Крещение Гунько принял в 1922 г., в 1928–

⁸⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 187. Л. 33; Оп. 7. Д. 15269. Л. 4, 8–9, 14–15.

1929 гг. временно возглавлял общину, в 1936–1937 гг. был проповедником. Один из «подельников» Гунько дал следующие показания: «Гунько Филипп в молитвенном доме среди посещающих баптистов говорил, чтобы не голосовали в момент выборов в совет за выдвинутых кандидатов, а выдвигали – вносили в списки своих братьев-баптистов»⁹⁰. Возможно, именно такая трактовка объявленных властью «демократических» выборов и привела его в расстрельный подвал.

Аналогичные обвинения в попытке дискредитировать выборы в Верховный Совет СССР были предъявлены С.Ф. Вертянкину, «руководителю баптистской секты в Рубцовске». Вертянкин якобы заявлял: «Конституция написана для обмана народа, никогда коммунисты не допустят, чтобы народ выбирал и выдвигал своих кандидатов в Верховный Совет СССР». Вертянкин был включен Рубцовским РО НКВД в состав контрреволюционной повстанческой группы в количестве 42 человек, вместе с ним тройка осудила 9 декабря 1937 г. баптистских проповедников Н.Е. Мурашко, И.Е. Голубчикова, В.И. Борисенко и А.И. Осадчего. Кроме того, по делу проходили несколько членов церковных советов православных общин⁹¹.

В случае с баптистским проповедником С.Г. Архиповым, жителем с. Малышев Лог Волчихинского района, явно сплелись антиколхозные и религиозные мотивы, очевидно вызвавшие острый конфликт баптиста с руководством колхоза и местного сельсовета. Архипов в годы коллективизации был лишен избирательных прав, в 1933 г. осужден по ст. 61 УК к году исправительных работ, в колхоз вступил только в 1937 г., но уже в октябре 1937 г. выступил против хлебосдачи. Из справки сельсовета от 15 ноября 1937 г. следует, что Архипов пытался противиться закрытию молитвенного дома: «Занимался контрреволюционными действиями: проповедывал бабдисскую веру, сам был руководителем бабдисской общины <...> Во время подписки граждан на закрытие церкви говорил: “Проклятые души, продают Иисуса Христа как жида распинали его, кто подпишется на закрытие церкви, того Бог покарает”». 9 декабря 1937 г. тройка приговорила С.Г. Архипова к ВМН⁹².

Из дел евангельских верующих, осужденных тройкой 28 декабря 1937 г., обращает на себя групповое дело на 29 человек, сфабри-

⁹⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 188. Л. 15; Оп. 7. Д. 8537. Л. 30, 46–48.

⁹¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 200. Л. 12–35; Оп. 7. Д. 7975. Т. 1. Л. 163.

⁹² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 210 Л. 2–3; Оп. 7. Д. 12773. Л. 1–2, 19.

кованное Рубцовским РО НКВД, из которых 10 человек во главе с пресвитером К.К. Мурашко проходили как баптистские проповедники. Верующих активно разрабатывали посредством двух сексов, но, судя по всему, баптистам нечего было вменить, кроме антисоветской агитации. Так, проповедник С.Т. Браницкий заявлял в октябре 1937 г. после «молитвенного обряда баптистов»: «Стала расстреливать советская власть специалистов и военных, заслуженных людей, которые хотели нам дать хорошую жизнь». Ему вторил Ф.И. Смирнов: «Правительство и партия коммунистов говорят, что мы хорошо живем, а вот видите, как мы весело живем, голодные и оборванные и последнюю шкуру с нас дерут. Советское правительство откупается от Японии, чтоб Япония дальше ДВК войной не шла». П.Л. Ковалевский «проговорился» на занятии по изучению положения о выборах в Верховный Совет СССР: «Это все болтовня, соввласть арестовывает кулаков и баптистов, все делается неверно. Сталин сидит только и выдумывает». Еще более антисоветски звучали слова П.А. Лоскутова: «Рабочие и колхозники при Советской власти так живут, как раньше никто не жил, нам, баптистам, нужно держаться, пока не придет японец, если придет японец, нам лучше будет». Возможно потому, что все обвиняемые были жителями маленького, но все же города, в их деле отсутствовал явный антиколхозный подтекст. Показательно, что как минимум четверо из десяти баптистов на момент ареста нигде не работали и проходили в деле как «БОЗ» и «деклассированный элемент»⁹³.

29 декабря 1937 г. были осуждены три баптиста из сел Усть-Мосиха и Шарчино Ребрихинского района – Г.Д. Бурцев, Г.Т. Сысоев и В.С. Нужных. От момента их ареста до осуждения прошло от десяти дней (в случае с Бурцевым) до трех (в случае с Сысоевым и Нужных). 31 декабря 1937 г. «кулацкая» операция должна была официально закончиться, и чекисты лихорадочно проводили дозачистку подведомственных территорий. Все трое осужденных были единоличниками и противниками колхозов, о чем наглядно свидетельствуют их биографии. Бурцев «мирный анархист» с 1920 г. и баптист с 1925 г., был трижды судим за отказ выполнения хлебозаготовок – в 1929, 1933 и 1934 гг. На Сысоева в 1929 г. было наложено «твердое задание» по сдаче зерна государ-

⁹³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 233. Л. 12–23; Оп. 7. Д. 5626. Т. 1. Л. 15–16, 114, 449–471.

ству, в колхоз он вступил в 1932 г., но за участие в баптистской группе был в 1934 г. из колхоза исключен и больше попыток стать колхозником не предпринимал. Социальный момент здесь тесно увязался с религиозным: Сысоев на допросе показал, что участия в выборах в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. не принимал по религиозным убеждениям. При аресте у Бурцева изъяли 13 книг религиозного содержания, сам он, если верить справке сельсовета, неоднократно проповедовал скорый конец советской власти, заявляя следующее: «Все живем до 1 января 1938 г., а потом вас всех подушат, а мы будем жить все время»⁹⁴.

Одно из последних «баптистских» дел, рассмотренных тройкой УНКВД по Алтайскому краю в 1937 г., во многом отражает уже специфику дел 1938 г. – в числе осужденных появляются женщины, в том числе стоявшие во главе небольших групп верующих, переживших чистку и имевших мужество продолжать собираться на «нелегальные» молитвенные собрания. 29 декабря 1937 г. к ВМН были приговорены жители с. Орел Парфеновского района, домохозяйки С.В. Башева, Ф.Ф. Башева, а также единоличник А.А. Башев. С момента их ареста и до вынесения приговора прошло всего три дня. Обвинение в протоколе тройки в адрес Степаниды Башевой гласило: «Кулачка, проповедница баптистской секты, боз, являясь проповедником, организовала баптистскую общину из 25 членов, среди которых систематически проводила контрреволюционную агитацию». При аресте у нее было изъято 10 наименований религиозных книг, кроме того, к следственному делу были приложены три самодельные религиозные листовки. Муж Степаниды, Иван Башев, был в 1930 г. осужден на пять лет по 58–10 УК за распространение религиозных листовок среди колхозников, его дальнейшая судьба была ей неизвестна. На допросе 27 декабря 1937 г. Башева показала, что вступила в общину евангельских христиан в 1929 г., избрана проповедником в 1935 г., поскольку «многие из братьев и сестер [были] осуждены». Жизнь А.А. Башева также поломала коллективизация – в 1930 г. его имущество распродали за неуплату сельскохозяйственного налога, в 1933 г. последовала очередная распродажа – за неуплату штрафов. В общину Башев вошел все в том же 1930 г., возможно, не последним в этом решении было стремление заручиться в тяжелой ситуации поддержкой единоверцев. На мо-

⁹⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 243. Л. 1–3; Оп. 7. Д. 15846. Л. 19–20; Д. 15847. Л. 17–18.

мент ареста бывший крепкий хозяин жил вместе с женой Феодосией крайне бедно. Ф.Ф. Башева показала на допросе: «Сейчас хозяйства никакого нет и нигде не работаю, питалась за счет нищенства и овощей с огорода». Обвиняемым не сумели ничего вменить, кроме «контрреволюционной агитации» – якобы 12 декабря 1937 г. члены общины приняли решение, не участвовать в выборах в Верховный Совет СССР, но и этого оказалось достаточным для вынесения всем троим смертельного приговора⁹⁵.

Показательно, что в марте 1938 г., на этот раз действительно завершая «кулацкую» операцию, тройка УНКВД по Алтайскому краю осудила 91 «сектанта», что было даже несколько больше количества евангельских верующих, осужденных в декабре 1937 г.⁹⁶ В последний день заседаний «кулацкой» тройки, 15 марта 1938 г., в рамках группового дела ею были осуждены 10 баптистов – жителей Кочковского района, а также 15 баптистов и евангельских христиан из других районов края, в том числе три женщины-баптистки. Большинство из верующих, осужденных в марте 1938 г. тройкой УНКВД по Алтайскому краю, были арестованы в феврале 1938 г.

В таблице 1 приведены статистические данные об осуждении евангельских верующих в Алтайском крае в ходе операции по приказу № 00447.

Итого 85% всех осужденных евангельских верующих были приговорены к расстрелу, что существенно превышает средний показатель соотношения приговоров к ВМН к остальным наказаниям, которые исследователи определяют для «кулацкой» операции как 1 : 1⁹⁷. Только 15% были заключены в лагерь, как правило, на 10 или на 8 лет с последующим поражением в правах. Избежать расстрела смогли рядовые члены общин, часть из которых была женщинами, некоторых от смертельного приговора спасло благоприятное социальное происхождение. Беспрецедентно жестоким нам

⁹⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 244. Л. 1–7; Оп. 7. Д. 10859. Л. 7–9, 21, 37–42.

⁹⁶ См. таблицу 1. Как известно, декабрь 1937 г. рассматривался как финальный месяц операции и в большинстве регионов именно он был отмечен наиболее высоким количеством приговоров.

⁹⁷ См. к примеру McLoughlin, Barry. Die Massenoperationen des NKWD. Dynamik des Terrors 1937/38. In: Stalinscher Terror 1934 – 41. Hrsg. von W. Hedeler. Berlin, 2002. S. 50.

Таблица 1

Даты заседаний тройки	Октябрь 1937 г.		Ноябрь 1937 г.		Декабрь 1937 г.		Март 1938 г.		Итого в крае за время проведения операции по приказу № 00447	
	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ
30.10 31.10			1.11, 3.11, 5.11, 6.11, 11.11, 23.11, 24.11. 26.11, 27.11, 28.11, 29.11		8.12, 9.12, 10.12, 27.12, 28.12, 29.12, 30.12		4.03, 5.03, 7.03, 8.03, 11.03, 14.03, 15.03			
Итого	23	-	86	9	79	6	62	29	250	44
В том числе пресвитеров, проповедников, регентов хоров и членов советов общин	21	-	52	-	36	-	27	-	136	-

Таблица сост.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 2–352.

представляется вынесение смертных приговоров практически всем руководителям (пресвитерам и проповедникам) и активистам общин – 136 чел., 46,25% от общего числа осужденных⁹⁸. Всего тройкой УНКВД по Алтайскому краю с 30 октября 1937 г. по 15 марта 1938 г. было осуждено 14 876 человек, из них расстреляны 6 766 человек⁹⁹. Таким образом, доля репрессированных евангельских верующих составляет около 2,0 %¹⁰⁰. Что же касается православно-

⁹⁸ Это не означает, что пресвитеры и проповедники общин всегда приговаривались тройками в ВМН. Так, уже упоминавшиеся нами пресвитеры из Уч-Пристанского района Г.Ф. Бурцев и И.Ф. Титков были осуждены 20 сентября 1937 г. тройкой УНКВД по ЗСК к 8 годам лишения свободы. Возможно, свою роль здесь сыграло то, что они проходили не по групповым, а по одиночным делам.

⁹⁹ Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД СССР № 00447 // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447. С. 29.

¹⁰⁰ В подсчеты не были включены данные о верующих – членах сект, возникших на основе РПЦ, таких как широко распространенные в крае общины, близкие к истинно-православным христианам. Таким образом, суммарная численность «сектантов», репрессированных тройкой, была гораздо выше.

го клира и мирян-«активистов», то за период с 5 августа 1937 г. по 15 марта 1938 г., то есть за более продолжительное время, были репрессированы 328 православных священников, членов церковных советов, монахов, монашек и церковных сторожей¹⁰¹. Основываясь на этих цифрах, с большой долей уверенности можно предположить, что евангельские верующие преследовались в ходе массовых операций не слабее, чем православные священнослужители и церковный актив. Как и в случае с православными священнослужителями, доля репрессированных среди евангельских верующих очевидно была непропорционально высокой в сравнении с долей верующих среди населения региона в целом¹⁰².

Славгородская община баптистов в 1937–1938 гг.: история разгрома

История разгрома Славгородской общины баптистов репрезентативно демонстрирует тот размах и ту последовательность, с которой евангельские верующие преследовались в ходе осуществления «кулацкой операции» НКВД. 21 июня 1936 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «Об антирелигиозной работе в крае». Материалы, использованные при его подготовке, дают возможность представить общую картину положения евангельских церквей в Сибири в год, предшествовавший «Большому террору». Несмотря на то, что по заверениям краевого совета Союза воинствующих безбожников «сектантские организации» Сибири находились «в полосе распада», по чекистским данным, летом 1936 г. в крае насчитывалось около 340 сектантских общин различных толков, «а, включая мелкие группы и одиночек, – до 930 активно действующих точек сектантских религиозных организаций»¹⁰³. Славгородская община в составе 104 человек была

¹⁰¹ Колесников А.А. Преследования представителей Русской Православной церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 284.

¹⁰² На данный момент не существует достоверных данных о количестве евангельских верующих в крае к моменту начала операции, что вынуждает прибегать к экстраполяциям. Так, известно общее количество членов Славгородской общины на лето 1936 г. – 104 чел. В ходе операции было репрессировано 40 членов общины, или 38,5%.

¹⁰³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 721. Л. 64.

охарактеризована в постановлении как «одна из крупнейших организаций сектантов» в Сибири. Разгромить такое «гнездо церковников» было делом чести для органов госбезопасности.

Предвестником массовых репрессий в отношении членов Славгородской общины баптистов стало дело рабочих и служащих Славгородского железнодорожного депо. Зимой 1936 г. на сроки заключения от двух до пяти лет были осуждены руководитель Славгородской общины баптистов Ф.П. Васильев и члены исполнительного органа общины Е.И. Охрименко, Н.Е. Рябчун и А.В. Демкович. Им инкриминировалась пропаганда среди рабочих идей баптизма, публичные читки Евангелия, посещение в рабочее время молитвенного дома¹⁰⁴.

В ходе операции по приказу № 00447 первая группа баптистов Славгорода была репрессирована в конце августа – сентябре 1937 г. в качестве составной части дела «шпионско-диверсионной организации среди сектантов Сибкрая» во главе с краевым уполномоченным евангельских христиан О.И. Кухманом¹⁰⁵. 23 августа 1937 г. в Славгороде по обвинению в организации баптистских «контрреволюционно-повстанческих организаций по ЗСК и в ряде других городов СССР», проведении антисоветской агитации и шпионской деятельности был арестован один из бывших видных деятелей Дальневосточного союза баптистов пресвитер С.В. Петров¹⁰⁶. Его деятельность оказалась настоящим «подарком» для чекистов – освободившийся в начале 1935 г. из заключения, Петров в поисках места пресвитера в 1936–1937 гг. посетил большое количество баптистских общин, проповедуя и встречаясь с их руководством¹⁰⁷.

Так как в 1935–1936 гг. С.В. Петров был членом Новосибирской общины баптистов и хорошо знал как руководителя баптистов Ф.П. Куксенко, так и уполномоченного евангельских христиан О.И. Кухмана, чекистам легко было представить его в качестве эмиссара «кухмановской» организации. Уже 4 сентября 1937 г. Петров «признался» в том, что якобы получил в конце 1935 г. задание от бывшего заместителя председателя Дальневосточного союза

¹⁰⁴ ОВД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 11239.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Савин А.И. Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.). // Книга памяти жертв политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1. С. 394–404.

¹⁰⁶ ОВД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5861. Л. 1.

¹⁰⁷ Там же. Л. 88–93.

баптистов П.Я. Винса и Ф.П. Куксенко, которые в свою очередь якобы действовали от имени О.И. Кухмана, для усиления работы сектантской контрреволюционной повстанческой организации объехать в 1936 г. города Западно-Сибирского края, а также связаться с другими «сектантскими» организациями СССР¹⁰⁸.

Пять проповедей, прочитанные С.В. Петровым летом 1937 г. в молитвенном доме Славгородской общины, были использованы чекистами для обоснования включения Славгорода в общую схему общесибирского «сектантского» заговора. По делу «контрреволюционно-повстанческой организации, существовавшей среди баптистов в г. Славгороде», вместе с С.В. Петровым в июле–сентябре 1937 г. были арестованы 13 баптистов во главе с проповедником общины Н.С. Аносовым. У всех арестованных в качестве доказательства их контрреволюционной деятельности были изъяты Библии и религиозная литература. Баптисты, если верить материалам следствия, активно и достаточно открыто вели в городе религиозную агитацию, «доказывая <...> правильность баптистского учения, так как это единственный путь спасения народа».

Практически от всех арестованных следствие добилось признания в организации вредительской деятельности на жизненно важных объектах Славгорода. Чекистам также было важно продемонстрировать интеграцию славгородских баптистов в сеть всесибирского «сектантского» заговора, поэтому от Н.С. Аносова они получили показания о том, с весны 1937 г. директивы о проведении вредительской деятельности якобы поступали в Славгород через С.В. Петрова от бывшего председателя Федеративного союза баптистов СССР Н.В. Одинцова¹⁰⁹. 19 сентября 1937 г. сотрудником Славгородского РО НКВД М.Ф. Ковешниковым было подготовлено обвинительное заключение, 26 сентября 1937 г. тройка УНКВД по ЗСК приговорила девять баптистов к расстрелу, трех – к десяти, двух – к восьми годам лишения свободы.

В ходе следствия по делу С.В. Петрова – Н.С. Аносова 25 августа 1937 г. руководством Славгородского РО НКВД было принято

¹⁰⁸ Там же. Л. 94.

¹⁰⁹ Там же. Л. 112–114. Как доказательство их связи следствием были расценены призывы С.В. Петрова оказать материальную помощь административно-ссылным баптистам, в том числе председателю Федеративного союза баптистов СССР Н.В. Одинцову, находившемуся в тот момент в ссылке в Красноярском крае.

решение отдельно выделить дело «баптистов на элеваторе», в рамках которого 10 сентября 1937 г. тройкой УНКВД по ЗСК к расстрелу были осуждены рабочие Славгородского элеватора А.Т. Перекрест, Т.М. Гайдук, Г.Д. Гапченко, Е.И. Охрименко и И.Т. Калусенко. Все баптисты дали признательные показания о готовности провести диверсию в случае начала войны¹¹⁰.

По другому «баптистскому» делу, выделенному из группового производства, тройкой УНКВД по ЗСК 1 октября 1937 г. были приговорены к различным срокам заключения милиционер Славгородского райотдела милиции А.П. Вервейко, рабочий кожаного синдиката Л.М. Клименко и служащий сельскохозяйственного техникума Р.К. Литке. А.П. Вервейко, сын репрессированного баптиста, был арестован 18 сентября 1937 г. за то, что передавал заключенным баптистам записки и предупредил об аресте баптиста И.М. Рубановича, который в итоге сумел скрыться. Обвинения в отношении двух остальных арестованных были стандартными – баптистская антисоветская агитация, устройство религиозных собраний в дни революционных праздников¹¹¹.

В качестве «филиала» Славгородской повстанческой баптистской организации также была репрессирована группа баптистов – рабочих Славгородского железнодорожного узла. В основу дела лег донос секретаря парткома депо Щ. в оперативный пост НКВД от 25 июня 1937 г. В доносе сообщалось, что «машинист депо Славгород Усачев (баптист) все время ведет антисоветскую агитацию», в частности на профсоюзном собрании заявил, что параграф Конституции, где говорится о свободе слова, не выполняется, а парторг и его помощники – проходимцы¹¹².

Ф.В. Усачев действительно давно раздражал руководство депо. По показаниям одного из свидетелей, «в 1934 г. и в последующие годы от баптистов <...> на общих собраниях партийное и профсоюзное руководство и политотдел требовали, чтобы они перестали выполнять свои религиозные верования и отказались от них, в противном случае им предлагали оставить работу в депо». Усачев на собраниях вступался за товарищей, заявляя, «что нам до их религи-

¹¹⁰ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 8282. Л. 115–117.

¹¹¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5976. Л. 50–51.

¹¹² ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 11239. Л. 1–2.

озного верования нет дела и увольнять их за это нельзя, поскольку они к своей производственной деятельности относятся честно»¹¹³.

Наряду с Ф.В. Усачевым в июле–августе 1937 г. были арестованы шестеро баптистов – рабочих и служащих железнодорожного депо. В качестве «организатора и руководителя диверсионно-террористической группы баптистов на Славгородском железнодорожном узле Омской дороги» чекистами был выбран кассир В.П. Хохлов, якобы действовавший по указанию Н.С. Аносова. До ареста он отличался тем, что наиболее активно проводил «баптистско-контрреволюционную агитацию среди рабочих», распространял собственноручные записки, в которых «восхвалялась какая-то другая жизнь, которую можно достигнуть через баптистскую организацию»¹¹⁴. В.П. Хохлов был нужен чекистам еще и потому, что он вступил в Омскую баптистскую общину в 1919 г. и был хорошо знаком с ее пресвитером И.Е. Кондратьевым. Последний был в июне 1937 г. арестован как глава повстанческой баптистской организации в Омске, и показания Хохлова о том, что он завербован Кондратьевым, послужили для чекистов еще одним доказательством существования всесибирского баптистского заговора¹¹⁵. От баптистов следствие добивалось признания о том, что в августе 1936 г. они готовили крушение поезда с правительственным вагоном, в котором в Славгород должен был приехать Р.И. Эйхе.

Данные в ходе следствия показания одного из обвиняемых, проповедника Н.Н. Попова, могут расцениваться как кредо религиозных диссидентов конца 1930-х годов. Категорически отрицая свою принадлежность к террористической группе, он не отрицал своего неприятия советской власти: «Я не скрываю, что я противник проводимых репрессий советской властью, заключавшихся в том, что за последнее время много посадили людей, я бы сказал, невиновных, которые в данное время томятся в тюрьмах, а поэтому большинство баптистов <...> ставили своей целью разъяснить народу существующую несправедливость в управлении государством коммунистами. <...> Я и мои сообщники призывали рабочих и служащих вступить в общину баптистов и убеждали их, что они могут получить единственное спасение и душевное удовлетворе-

¹¹³ Там же. Л. 186.

¹¹⁴ Там же. Л. 30.

¹¹⁵ Там же. Л. 95, 98–99, 106.

ние, находясь в общине»¹¹⁶. 10 октября 1937 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила шестерых баптистов к расстрелу, одного – к 10 годам лагерей.

Таким образом, в 1937 г. было репрессировано все руководство и актив общины, 20 человек (69%) – расстреляны, 9 (31%) – заключены в лагерь. 15 человек из них подверглись аресту в июле 1937 г., то есть в ходе подготовки массовой операции, в так называемый «предоперационный период», что означает наличие на них у органов НКВД компрометирующих материалов. Помимо членства в баптистской общине, вхождение в «группу риска» обуславливалось для них принадлежностью к дискриминируемым группам населения. Так, из 14 человек, проходивших по делу «Петрова – Аносова», шестеро скрылись от раскулачивания, пятеро были ранее осуждены, из пяти баптистов, рабочих элеватора, трое отбыли сроки наказания, один укрылся от раскулачивания.

В феврале 1938 г. органы НКВД произвели дополнительную «зачистку» среди членов общины, арестовав 15 февраля 1938 г. 11 верующих¹¹⁷. После арестов 1937 г. дезорганизованную общину возглавил проповедник С.К. Мищенко, приехавший в Славгород в 1936 г. из Казахстана. В сфальсифицированном работниками Славгородского РО НКВД деле он закономерно проходил как руководитель группы. От него, как и от остальных обвиняемых, добились показаний о подготовке вредительской деятельности «на случай интервенции». 11 марта 1938 г. пятеро баптистов были приговорены тройкой к расстрелу, шестеро – к 10 годам лагерей.

Большинство арестованных по данному делу также ранее лишались избирательных прав, раскулачивались или отбывали заключение. Так, Ф.С. Усаченко имел «кулацкое» хозяйство, в 1930 г. был лишен избирательных прав и арестован за контрреволюционную деятельность. За антиколхозную агитацию в 1929 г. осуждался И.Г. Кириченко, М.Ф. Тарашук в 1929 г. скрывался от выселения, его хозяйство подверглось распродаже. Трое из пяти арестованных женщин – Д.И. Аносова, А.З. Вerveйко и М.А. Перекрест – являлись женами баптистов, репрессированных в 1937 г. Как писал Й. Баберовски, «дилеммой большевистского насилия было то, что оно само создавало врагов, которые потом подвергались преследованию [...] Эти люди являлись постоянной угрозой, так как они от-

¹¹⁶ Там же. Л. 118.

¹¹⁷ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7237. Л. 1.

носились к режиму с враждебностью и дистанцировались от него. Придуманый враг стал врагом настоящим»¹¹⁸.

От последнего удара община уже не смогла оправиться. 8 мая 1938 г. Оргбюро ВЦИК по Алтайскому краю приняло решение о закрытии молитвенного дома баптистов в Славгороде, «учитывая, что бывшая группа баптистов в количестве 42 человек от аренды молитвенного здания отказалась, здание с 1937 г. не используется»¹¹⁹. 20 сентября 1938 г. здание молитвенного дома было передано Славгородской школе механиков. Свою деятельность община легально смогла возобновить только спустя 18 лет – в 1956 году¹²⁰.

* * *

В конце ноября 1937 г. народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов отправил И.В. Сталину «Спецсообщение о церковниках и сектантах»¹²¹. Трудно переоценить значение этого документа для интерпретации масштабов и целей удара, нанесенного по религиозным организациям в целом и верующим, в частности в ходе операции по приказу № 00447.

В преамбуле спецсообщения сообщалось о том, что «по этим элементам нанесен значительный оперативный удар», за четыре месяца осуществления «кулацкой» операции было арестовано 31 359 «церковников и сектантов»¹²², в том числе 166 митрополитов и епископов, 9 116 священников, 2 173 монаха и 19 904 человека, которых чекисты отнесли к «церковно-сектантскому кулацкому активу». Из них к ВМН было осуждено 13 671 чел., в том числе 81 епископ, 4 629 «попов», 934 монаха и монашенки, 7 004 чел. «церковно-сектантского кулацкого актива». Таким образом количество казненных «религиозников» составило 43,6%, что несколько мень-

¹¹⁸ Baberowski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Deutsche Verlags-Anstalt, München, 2003. S. 115.

¹¹⁹ ГААК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

¹²⁰ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998). Барнаул. 1999. С. 372.

¹²¹ Документ опубликован: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 407–414.

¹²² Общая цифра репрессированных «церковников и сектантов» за 1937 г. по данным НКВД СССР составила 37 331 чел. Таким образом, львиная доля «религиозников» была репрессирована в первые месяцы массовой операции, что указывает на целенаправленную акцию.

ше соотношения казненных и осужденных к ИТЛ, которое историки традиционно оценивают для «кулацкой» операции как 1:1. По заверению Ежова, удар наносился исключительно «по организующему и руководящему активу церковников и сектантов», что привело к практически полной ликвидации епископата православной церкви, а сокращение примерно в два раза «количества попов и проповедников» – «к дальнейшему разложению церкви и сектантов». Приведенные Ежовым цифры «религиозников», оставшихся на свободе, свидетельствовали, с одной стороны, об объеме проделанной органами НКВД «работы», с другой – о том, какую «работу» еще предстояло проделать чекистам в деле борьбы с церковью. По неполным данным, на оперативном учете еще находилось 9 570 «попов» и около 2 000 сектантских проповедников, всего около 11,5 тыс. человек.

Эти статистические выкладки весьма интересны. Приплюсовав количество церковников и сектантов, арестованных за декабрь 1937 г. – 5.972 чел. (37 331 – 31.359) к числу «религиозников», репрессированных в 1938 г. – 13 438 чел., получим цифру 19 410 чел. Таким образом, к концу массовой операции органы НКВД существенно превысили цифру в 11.570 чел., которых еще предстояло репрессировать чекистам согласно оперативным учетам на конец ноября 1937 г. Следовательно, еще почти восемь тыс. «религиозников» было «довыявлено» чекистами в ходе массовых операций. Последние уже не состояли а оперативном учете, т.е. были арестованы «по выходам» и «связям»¹²³.

Интересно сравнить эти цифры с данными Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР¹²⁴. По ее сведениям на 1 января 1936 г., «зарегистрированного духовенства насчитывается

¹²³ Как и в случае с другими целевыми группами операции, первичные аресты священнослужителей вызвали цепную реакцию, в поле зрения органов попали близкие, друзья и знакомые репрессированных. Сработал механизм, описанный начальником Томского ГО УНКВД по ЗСК И. В. Овчинниковым: «В период массовой операции агентурная работа была поставлена на второй план <...> размах операции и огромная волна заявлений в ГО давали несравненно больше, чем самая идеальная агентурная работа». Цит. по: Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было. Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов. Томск, 1995. С. 89.

¹²⁴ Записка Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР к докладу о положении конфессий на заседании партгруппы Президиума ЦИК СССР. Не позднее 14 февраля 1937 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2021. Л. 7–10.

24 146 чел.¹²⁵ и актива, состоящего из религиозных обществ т. наз. двадцаток и пятидесяток (УССР, БССР – 50-тки, а в остальных местах – 20-тки) – 610.860, а всего – 635.000»¹²⁶. Даже если учесть, что число действующих священнослужителей было немного большим, а также то, что в ходе операции по приказу № 00447 в массовом порядке репрессировались священники, имевшие на момент ареста статус «без определенных занятий» или отрехшиеся от сана и работавшие в народном хозяйстве, все равно следует, что в ходе «кулацкой» операции было уничтожено подавляющее большинство действующих священнослужителей всех конфессий, а также наиболее активная часть церковного и «сектантского» актива, в первую очередь председатели, секретари и казначеи церковных советов. Исходя из этих цифр, религиозный вопрос в СССР был фактически решен или близок к решению.

Рассмотрение репрессий в отношении евангельских верующих через призму протоколов тройки УНКВД по Алтайскому краю и архивно-следственных дел в целом подтверждают общий вывод, сделанный нами ранее: даже в сравнении с православным клиром «сектанты» представляли для органов НКВД контингент, в отношении которого проведение и бюрократическое оформление карательной акции происходили без каких-либо особых трудностей¹²⁷. Этому способствовал ряд следующих факторов.

Во-первых, пресвитеры, проповедники и активисты общин, как правило, находились на оперативном учете, в их отношении велись агентурные разработки, производилась перлюстрация переписки, в результате чего у органов НКВД имелись на них компрометирующие материалы, что и объясняет массовые аресты «сектантов»,

¹²⁵ Как следует из секретной докладной записке «О состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту новой конституции, работе комиссии культов ЦИК СССР и практике проведения законодательства о религиозных культах (сост[авленной] по материалам комиссии с 1.01. по 1.09.1936 г.)», в которой руководство комиссии оперирует теми же данными, что и в цитируемой здесь записке и которая представляет из себя ее расширенный вариант, в эту цифру не входили данные о количестве служителей культа в Западно-Сибирском крае, Оренбургской, Омской и Челябинской областях, Казахской и Бурят-Монгольской АССР. См. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2021. Л. 28–60 а.

¹²⁶ В документе приведена округленная цифра.

¹²⁷ См.: Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. С. 327–342.

особенно в подготовительный период и в первые недели проведения операции.

Во-вторых, значительное количество «сектантов» уже в той или иной степени было стигматизировано: подавляющее большинство пресвитеров и проповедников лишались избирательных прав, значительная часть верующих была ранее осуждена, выслана либо раскулачена.

В-третьих, сам стиль религиозной жизни евангельских верующих существенно облегчал задачи следователей НКВД. Они регулярно встречались на молитвенных собраниях, а так как подавляющее большинство общин не было официально зарегистрировано, собрания легко квалифицировались как нелегальные. Обвинения в нелегальных сборищах на частных квартирах стало одним из самых распространенных в ходе массовой операции. Баптистами и евангельскими христианами практиковались регулярные выезды проповедников и пресвитеров в соседние общины, в том числе с целью проведения «нелегальных» крещений, а рядовые члены общин при поездках в другие населенные пункты предпочитали останавливаться у «братьев» и «сестер», нередко принимая участие в религиозных мероприятиях местной общины. Эти постоянные и устойчивые контакты, которые квалифицировались как вербовка, давали возможность чекистам формировать групповые дела, подтверждая версию о существовании всеобщего «сектантского» заговора. На руку НКВД была также традиция оказания верующими помощи «братьям», находящимся в заключении. Нередко группы верующих включались в качестве «филиалов» в состав более крупных дел, что отвечало представлениям партийно-чекистской верхушки об объединении всех враждебных советскому государству сил в единый блок.

В-четвертых, «сектанты» в ходе следствия как правило не отрицали свою принадлежность к церкви, подтверждая участие в молитвенных собраниях и совместных чтениях Библии, что уже было достаточным основанием для вынесения обвинения¹²⁸. Вещественными доказательствами служили изъятые при допросах Библии и

¹²⁸ Зато достаточно часто верующие, по версии следствия проходившие по делу как пресвитеры или проповедники, утверждали, что являются рядовыми членами общины. Здесь сыграли свою роль как очевидные трудности с рукоположением пресвитеров в 1930-е годы, в результате чего общинами зачастую руководили наиболее активные из «братьев», так и стремление сотрульников НКВД повысить статус осужденного и, тем самым, самого дела.

другие книги и журналы религиозного содержания. Помимо этого, не редкими были случаи, когда в ходе допросов верующие, проповедуя христианские истины и свидетельствуя о своей вере, достаточно резко высказывали свое отношение к сталинской власти. В ряде случаев в открытом поведении верующих на следствии сыграло свою роль стремление «пострадать за веру» в то время, когда столько невинных людей обрекается на смерть и муки лагерного заключения. В результате в ходе частичной реабилитации жертв «Большого террора» в 1939 – 1940 гг. у прокуратуры не было никаких оснований для пересмотра дел в отношении верующих как явных «антисоветчиков», приговоры троек оставались в силе.

Тем не менее, изучение репрессий «снизу», из перспективы жертв, позволило выявить еще одну важную закономерность: подавляющее большинство евангельских верующих, проживавших в деревнях, к началу Большого террора, являлись активными защитниками единоличного образа жизни, его верными и преданными паладинами. Эта социальная «эволюция» верующих в 1930-е годы была закономерной. Благодаря «протестантской этике», с ее особым отношением к труду, трезвому образу жизни и взаимопомощи, характерной для евангельских общин, значительное число «сектантов» из числа сельских жителей сумело к концу 1920-х годов обзавестись крепким хозяйством. Об этом косвенно свидетельствуют сведения о массовом раскулачивании баптистов, распродаже их имущества за невыполнение т.н. «твердых заданий», лишении избирательных прав и высылке, а также об осуждении по таким «неполитическим» статьям УК РСФСР 1926 г. как статьи 61¹²⁹, 72¹³⁰ и 79¹³¹, причем численность ранее осужденных по ст. 61 среди верующих – жертв тройки в разы превышало число тех из них, кто ранее было осужден по пресловутой 58 статье УК.

К середине 1930-х годов коллективизация в целом в СССР была завершена, сопротивление крестьян сломлено. Однако к 1934 г.

¹²⁹ «Отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение».

¹³⁰ «Подделка удостоверений и иных выдаваемых государственными и общественными учреждениями документов, предоставляющих права или освобождающих от повинностей, в целях использования их как самими поддельщиками, так и другими лицами».

¹³¹ «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т.п.) организациям».

приблизительно треть крестьянских хозяйств России все еще сохраняла свое единоличное состояние. В то время как основная масса колхозного крестьянства смирилась со своим подневольным положением и пыталась адаптироваться к новым условиям, единоличники всеми силами пытались сохранить свою самостоятельность. Это обстоятельство расценивалось руководством СССР как главная причина замедления темпов сплошной коллективизации, что, в свою очередь, привело к смене государственного курса в деревне, который, начиная с середины 1934 г., стал ориентироваться на полную ликвидацию крестьян-единоличников как социальной группы, в первую очередь за счет реквизиционного налогообложения. Налоговое давление со стороны государства закономерным образом вызвало сопротивление единоличных крестьян, выразившееся в первую очередь в отказе платить налоги и выполнять натуральные государственные поставки. Нередко во главе «саботирующих» единоличников оказывались верующие, в первую очередь представители православных и протестантских «сект». Из них же формировались группы, наиболее бескомпромиссно выступавшие против разорительного налогообложения. Даже те евангельские христиане и баптисты, которые в конечном итоге вошли в колхозы, также как правило являлись одними из самых острых и последовательных критиков колхозных порядков.

В результате деятельность «сектантов», сопротивлявшихся вступлению в колхозы и агитировавших за отказ от уплаты налогов и от выполнения государственных обязательств, стала причиной серьезной обеспокоенности как местных властей, так и высшего партийно-советского руководства СССР. Особую тревогу у них вызывала способность «сектантов» выполнить роль объединяющей силы для единоличников и содействовать формированию устойчивых групп, годами отказывавших местным властям в повиновении. При этом «сектанты» апеллировали к авторитету христианских норм и заповедей. Как это уже неоднократно бывало в истории, социальный протест облекся в религиозную форму. Таким образом, высокую виктимность евангельских христиан в ходе операции по приказу НКВД СССР № 00447 обеспечили не только формальная принадлежность к евангельским церквям и активное исповедание веры, но и их стойкая приверженность к «единоличному» хозяйствованию вместе с антиколхозными убеждениями.

Раздел 5

Н.В. Куденко

«ДЕКЛАССИРОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЧИСТКИ В ПЕРИОД БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Изучение механизма репрессивной политики в отношении таких объектов массовой социальной «чистки», проводившейся в период Большого террора, как уголовники и люмпенизированные элементы является новым направлением в исследовании социально-технологической стороны массовых репрессий. Публикации по данной проблематике пока крайне незначительны¹, во многом из-за ограничений в доступе к необходимым для изучения данной проблемы документам, находящимся в ведомственных архивах. Между тем вопрос о том, почему уничтожению или изоляции в рамках реализации приказа № 00447 наряду с традиционными политическими противниками большевиков, также были подвергнуты обыкновенные уголовники (воры, грабители, хулиганы), преступления которых не имели политической «окраски», нуждается в осмыслении.

Источниковой базой данного исследования стали протоколы троек (УНКВД и милицейской), отложившиеся в отделе архивной информации и реабилитации ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю², а также база данных на осужденных милицейской тройкой, составленная по протоколам ее заседаний.

Теория и практика борьбы с преступностью в 1920–1930-е гг.

В основу проводившейся в 1920-е годы политики по отношению преступности была положена социально-утопическая концепция, рассматривавшая уголовников в качестве «социально близкого

¹ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009; Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции. С. 519–534.

² ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16.

элемента» по отношению к рабочему классу. Причины существования преступности усматривались в пороках капиталистического общества, поэтому преступность и ее носители в советском обществе считались неизбежным «наследием буржуазного прошлого». Соответственно уничтожение преступности связывалось с утверждением социалистического строя, в условиях которого уголовные элементы вынуждены будут изменить своей преступной природе и привычке. Новая карательная система по своей идеологической сути больше не являлась средством возмездия, а «перековывала» преступников в людей социализма посредством труда. Официальная идеология исходила из того, что сам факт перехода власти к представителям народа и курс на построение социалистического общества должны стимулировать граждан на добросовестный труд. Высшим проявлением гражданской зрелости являлась готовность к бесплатному труду на благо общества. В эту концепцию логично укладывалась политика трудового перевоспитания преступников посредством применения в качестве меры социальной ответственности исправительно-трудовых работ.

Официальная позиция государства по отношению к преступности изменяется с началом политики коллективизации и индустриализации на рубеже 1920–1930-х гг. и обнаружением ее социальных последствий. Форсированная модернизация по сталинскому варианту вызвала острейший социально-экономический кризис, массовый голод 1932–1933 гг., что не могло не привести к росту напряженности в обществе. Следствием насильственного введения социалистических структур и отношений, которое сопровождалось ограблением и депортациями так называемых кулаков, ликвидацией частной собственности и насильственным объединением крестьян в коллективные хозяйства, стал также взрывоподобный рост преступности и социальной девиации. Уголовные и маргинальные элементы в кризисной экономической ситуации, не могли оставаться объектом трудового перевоспитания, государство не обладало таким экономическими и кадровым потенциалом в текущий момент. Поэтому в условиях необходимости решения глобальных задач по переустройству государственной системы и установлению порядка необходимы были срочные и эффективные меры в борьбе с «чуждыми» элементами, образ жизни которых не укладывался в рамки и нормы социалистического строительства.

Универсальным правовым инструментом для определения наказания стала дефиниция – «деклассированные» элементы, позволявшая привлекать к уголовной ответственности широкие слои общества. Эта новая категория была задумана как гибкий рычаг карательной политики. В нее надлежало включить тех лиц, которых нельзя было однозначно идентифицировать как классовых врагов. Эта категория с самого начала не исключала преследования социально близких или преступников – выходцев из рабочей среды. Термин «деклассированный» мог быть применен по отношению не только к закоренелым преступникам, но и к хулиганам, пьяницам, проституткам, т.е. ко всем, кто демонстрировал девиантное поведение³.

Право было вынуждено быстро приспособливаться к изменяющимся общественно-политическим условиям, что в результате привело к изменению основных законодательных норм и установлению партийно-тоталитарного правосудия.

В 1930 г. готовность к систематическому наказанию граждан в зависимости от их социальной девиации находилась еще в зачаточном состоянии. Вопреки первоначальным планам, соответствующие положения не были включены в Уголовный кодекс. И, тем не менее, под однажды зародившуюся идею уже готовилась почва. Причины заключались, с одной стороны, в массовом распространении социальной девиации, с другой – в возросшем притязании государства контролировать и формировать послушное, монолитное общество.

Для большевистской власти наличие широких деклассированного и криминального социальных слоев было неприемлемым, так как уголовники, бродяги, нищие не только давали основной процент преступлений и нарушений общественного порядка, но и своим открытым неподчинением правилам бросали некий вызов государству, подрывали престиж власти. С позиции властей, лица, избегавшие работать на государство и занимавшиеся спекуляцией, бродяжничеством и нищенством, были «социально-вредным элементом» (СВЭ), питающим преступность и подлежащим насильственному искоренению⁴.

³ Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918–1938 гг. С. 473–474.

⁴ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 397.

Насильственная маргинализация общества, вызванная последствиями политики коллективизации, голод 1932–1933 гг., и репрессии колоссально увеличили количество лиц, выпавших из социума. Среди них преобладали не уголовники-рецидивисты, а социальные изгои, оставшиеся без средств к существованию и неизбежно пополнявшие криминальную среду. По данным А.Г. Теплякова, в 1931 г. на территории Западно-Сибирского края было арестовано 1831 лиц из СВЭ, а за первые 8 месяцев 1932 г. – 1540 чел.⁵

Тройки, созданные при полпредствах ОГПУ для осуждения «кулацкого актива» в условиях проводившейся коллективизации, занимались в том числе и заочным осуждением уголовно-маргинальных элементов. За второе полугодие 1933 г. тройкой ПП ОГПУ ЗСК было осуждено 1814 чел., отнесенных к категории «социально-вредный элемент», а в течение 1934 г. – 8322 представителя СВЭ⁶. Эти цифры показывают, что борьба со СВЭ велась методами «массовых операций» в течение всего 1933–1934 гг.

С 1935 г. на смену «массовым операциям» приходит более планомерная и регулярная чистка городов от СВЭ, проводимая так называемыми милицейскими тройками, созданными по специальному приказу наркома НКВД от 27 мая 1935 г. Их практика административной борьбы с преступностью может рассматриваться как непосредственная подготовка включения уголовников качестве целевой группы в приказ № 00447. Массовая операция по приказу НКВД № 00447, утвержденному 30 июля 1937 г., стала наивысшей точкой репрессивной политики сталинского режима, направленной на изолирование и уничтожение категорий населения, не подлежащих интеграции в советское общество, к которым были причислены и носители социальной девиации. Реализация этого курса с неизбежностью вела к превращению террора в инструмент социальной технологии.

Осуждение уголовников тройкой УНКВД по Алтайскому краю

Среди прочих антисоветских элементов, обозначенных в приказе № 00447, в качестве целевой группы репрессий выделялись и

⁵ Там же. С. 398.

⁶ Там же. С. 399.

«уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконократы), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой», в том числе содержащиеся на момент выхода приказа под стражей, а также в лагерях и трудпоселках⁷.

Так как до принятия приказа № 00447 массовым осуждением преступников и «социально-вредного элемента» занимались милицейские тройки, циркуляром заместителя наркома внутренних дел Фриновского «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами», разосланным 7 августа 1937 г., дополнительно разъяснялись компетенции троек НКВД и милицейских троек в борьбе с преступностью. Тройка НКВД (в документе фигурирует как Особая тройка) должна была рассматривать: а) все дела о вооруженных грабежах и грабежах с насилиями; б) дела на всех рецидивистов-уголовников, привлекаемых за скотоконократство, рывки, раздевание пьяных, скупку и продажу краденого, установленных притоносодержателей; в) на всех уголовников-рецидивистов, бежавших из лагерей и других мест заключения; г) дела на уголовников-рецидивистов, не порвавших с уголовным миром, не имеющих постоянного места жительства и не занимающихся общественно-полезным трудом, хотя бы и не совершивших непосредственно перед арестом конкретного преступления⁸. Таким образом, акцент в деятельности троек НКВД ставился на осуждении уголовников-рецидивистов, тогда как милицейские тройки должны были заниматься рассмотрением дел на менее опасных преступников и осуждением «социально-вредного элемента»⁹.

В условиях недоступности для исследователей основной массы следственных дел на осужденных тройкой уголовников (их фигуранты не реабилитированы), основным источником для изучения репрессий в отношении уголовников, проводившихся в рамках приказа № 00447, являются протоколы троек.

⁷ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 86.

⁸ Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 174.

⁹ Там же. С. 174–175.

В ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю сохранились 8 протоколов с литерой «У» тройки УНКВД по ЗапСибкраю и 23 протокола заседания тройки УНКВД по Алтайскому краю (образована по постановлению Политбюро ВКП(б) от 27 октября 1937 г.). Протоколы тройки при УНКВД по Алтайскому краю, содержащие материалы об осуждении уголовников, сохранились только за 1937 г. хотя «кулацкая» операция по приказу № 00447 на Алтае продолжалась до середины марта 1938 г. Общее количество уникальных протоколов (многие представлены в 2-х, реже в 3-х экземплярах), сохранившихся в фонде, составляет 31 ед. хр. Протоколы представляют собой довольно специфичный источник, поскольку содержат повторяющуюся по основным параметрам информацию. Первый блок информации, содержащейся в протоколах тройки, составляют биографические данные: ФИО обвиняемого, дата и место рождения, семейное положение, иногда место проживания, при наличии данных – актуальный социальный статус, социальное происхождение, место работы или деятельность, национальность, состояние физического здоровья. Второй блок информации представлен сведениями о приводах или наличии судимости за совершенные ранее преступления, если же обвиняемый привлечен к уголовной ответственности впервые, в протоколе имеется указание «судимостей и приводов нет». Третий блок включает информацию о совершенном преступлении или криминальной деятельности, которая стала причиной рассмотрения дела на заседании тройки. Все данные приводятся в сжатом виде и представляют собой резюме содержания следственного дела обвиняемого, подготовленное секретарем тройки. Справа на листе располагается колонка «постановили», которая содержит сведения о наказании, вынесенном тройкой обвиняемому.

В 1937 г. тройкой УНКВД по ЗапСибкраю и тройкой УНКВД по Алтайскому краю были рассмотрены дела 862 уголовников, в отношении 803 чел. были вынесены приговоры (остальные дела переданы на рассмотрение других инстанций – милицейской тройки, Военного трибунала, либо в протоколах отсутствуют сведения о приговоре), из них 345 чел. (43,0 %) были приговорены к расстрелу, а 458 чел. (57,0 %) – к заключению в ИТЛ, в том числе на срок в 10 лет – 218 чел. (47,6 % от общего числа осужденных к лагерному заключению), на 8 лет – 178 чел. (38,9%), на 5 лет – 62 чел. (13,5%).

Для того, чтобы оценить удельный вес уголовников среди жертв террора в Алтайском крае, рассмотрим имеющиеся в литературе и

источниках общие статистические сведения, отражающие ход репрессивной операции в Алтайском крае. По данным, приводимым А.Г. Тепляковым и А.И. Савиным, на 25 ноября 1937 г. в Алтайском крае по приказу № 00447 было арестовано 15 365 чел., в т. ч. по делу РОВСа – 3 337 (21,7%), «кулаков» – 10 766 (70,1%) и уголовников – 1 262 (8,2%)¹⁰. По данным «сводки № 33 ГУГБ НКВД СССР о количестве арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.», датированной «не ранее 1 марта 1938 г.», в Алтайском крае было осуждено 1432 уголовника¹¹, что составило 11,8% от общего числа осужденных. Как видим, имела место тенденция к увеличению доли уголовников среди всех осуждаемых алтайской тройкой НКВД, однако, несмотря на это, на Алтае этот процент продолжал оставаться ниже аналогичного среднего показателя по стране. Одна из сводок о ходе репрессивной операции, датированная «не ранее 1 ноября» 1938 г., называет цифру 127 967 чел. уголовников, осужденных тройками НКВД в масштабах страны в рамках реализации приказа № 00447 за 1937–1938 гг. (из них 44 086 – к расстрелу, 83 729 – к лагерному заключению). Согласно приведенной сводке уголовники составляли 16,7% от общего числа жертв приказа № 00447 (767 937 чел.)¹².

Доля приговоров к ВМН среди наказаний, вынесенных алтайской тройкой уголовникам в 1937 г., составляет 39 %, что ниже среднего показателя, отражающего ее репрессивную деятельность в этом году в целом – 46,7 % (с учетом приговоров в отношении всех контингентов – кулаки, уголовники и «другие контрреволюционные элементы»), следовательно уголовникам выносились более мягкие приговоры, чем «политическим преступникам». Аналогичные показатели по стране в целом на 1 января 1938 г. составляли: в отношении уголовников – 32 %, а по всем контингентам – 43,2 %¹³, что говорит о том, что в Алтайском крае уголовникам выносились более суровые наказания, чем во многих других регионах. Впро-

¹⁰ Тепляков А.Г., Савин А.И. Показания деятелей массовой операции // Массовые репрессии в Алтайском крае. М., 2010. С. 442.

¹¹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 570.

¹² Справка НКВД СССР о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. Не ранее 1 ноября 1938 г. // Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2. М., 2006. С. 305.

¹³ Подсчитано по: Вертикаль Большого террора... С. 570, 598.

чем, Алтайский край в этом отношении не был исключением, в ряде регионов, где проблема борьбы с преступностью имела острый характер, процент расстрельных приговоров, выносимых тройками осуждаемым по приказу № 00447 уголовникам, также был больше среднего значения (и выше, чем в Алтайском крае): в Ленинградской области – 40,6%, Иркутской – 43,2, Ярославской – 46,7, Саратовской – 49,6 %¹⁴.

О механизме формирования обвинительного заключения по делам в отношении уголовников, передаваемым на рассмотрение тройки УНКВД, позволяющим судить материалы следственного дела, опубликованные М. Юнге в сборнике «Массовые репрессии в Алтайском крае»¹⁵. Согласно материалам дела, в г. Рубцовске были арестованы двое мужчин, в качестве основного обвинения которым были предъявлены занятия азартными играми и обман граждан. Актуальный социальный статус обоих послужил поводом к классификации как «социально-чуждых» элементов (не занимались «общественно-полезным трудом» (один из них – из-за инвалидности) и промышляли незаконными азартными играми) и их ареста в рамках проводившейся по приказу № 00447 чистки. В процессе ведения следствия и сбора показаний свидетелей, самих обвиняемых, данных из характеристики сельского совета – следствием были привлечены и представлены в нужном (для органов) контексте биографические и событийные факты. Приняты во внимание пьяные антисоветские высказывания обвиняемых, женитьба на родственнице белогвардейца, работа в отряде «белых» конюхом и др. В результате секретарем тройки подбираются формулировки обвинительного резюме для заседания тройки, своеобразные смысловые индикаторы, на основании которых представленные данные выглядят убедительно и доказательно. В результате конюх отряда становится главарем банды, инвалид – «паразитическим элементом и ту-неядцем». При этом для придания делу необходимого ракурса упущены из материалов дела заслуги обвиняемых перед большевиками и советской властью. При ведении следствия и массового документооборота из виду упускались «неудобные» факты, и гиперболизировались подходящие для подкрепления доказательности

¹⁴ Подсчитано по: Вертикаль Большого террора... С. 519–598.

¹⁵ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 215–275.

обвинительного заключения, таким образом, правосудием решалась задача «обоснованного» изъятия «социально-чуждых» элементов из рядов советских граждан.

Фигуранты дела были обвинены следствием не только в общеуголовных преступлениях, но и преступлениях, предусмотренных пунктом 10 ст. 58 УК (контрреволюционная агитация), обвинительное заключение содержит также указания на рецидивный характер их преступной деятельности¹⁶. Постановление тройки в отношении указанных лиц было суровым: один из обвиняемых был приговорен к 10 лет ИТЛ, другой – к ВМН.

Еще одним примером осуждения уголовников на основании политической 58 ст. УК может служить дело И.Ф. Маликова, 1886 г.р., «кулака», уроженца с. Кашки, Грязнухинского района, ЗСК. Был судим в 1937 г. Ойротским Нарсудом по ст. 162 УК (хищение чужого имущества – кража) к 2 годам лишения свободы, срок наказания не отбыл. Будучи до осуждения колхозником, занимался антиколхозной агитацией, – «издевался над портретами вождей партии и правительства». В биографии и актуальных действиях подследственного содержится несколько индикаторов, соответствующих критериям отбора жертв, определенным в приказе № 00447: «кулак», имеет судимость, которую к тому же не отбыл, вел контрреволюционную агитацию. Приговор тройки гласил: «Заключить в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах – на 5 лет»¹⁷.

Как следует из сведений базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК), наиболее суровые приговоры при осуждении по ст. 58 выносились уголовникам, уже находящимся в лагерях и тюрьмах: из 44 чел., относящихся к этой категории, 43 были приговорены к ВМН.

Хотя часть уголовников, проходивших через тройки НКВД, обвинялись в преступных действиях, относимых к политической статье 58 УК, необходимо отметить, что основная часть уголовников осуждалась тройкой по обвинению в общеуголовных преступлениях, без приписки им контрреволюционных деяний¹⁸. Обвинения в

¹⁶ Там же. С. 256–257.

¹⁷ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1 Д. 13. Л. 5.

¹⁸ Такая практика была характерна и для осуждения уголовников в других регионах. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 164–165.

грабежах, бандитизме, установление рецидива в преступных действиях являлись достаточным основанием для вынесения тройкой суровых приговоров.

Как отмечалось выше, 62 обвиняемым (13,5% от общего числа приговоренных к ИТЛ) была назначено наказание в 5 лет лишения свободы. Характер преступлений, рассматриваемых в данной категории дел в большой степени относился к компетенции милицеской тройки (максимальный срок наказания по приговорам которой был ограничен 5 годами л/с). Однако решение по ним было принято на заседании тройки УНКВД, в качестве ужесточения наказания можно рассматривать дополнительное «поражение в правах» на аналогичный заключению срок – 5 лет. Подобное дело, в частности, было возбуждено Барнаульской железнодорожной милицией в отношении Н.Я. Громова, 1916 г.р., уроженца г. Риги, «без определенных занятий» и места жительства, паспорта не имеет. Громов был задержан за тунеядство и кражу (при каких обстоятельствах не уточняется), но имеются интересные дополнения, из которых следует, что паспорта у него нет по причине побега из мест лишения свободы, где он отбывал наказание по ст. 74 УК (хулиганство) с 1936 г. Сам обвиняемый признался в преступлениях. Для доказательства устойчивости девиантных отклонений в социальном поведении Громова в резюме обвинительного заключения приводится фраза (вероятно из протокола допроса): «после освобождения снова буду заниматься кражей»¹⁹. Был приговорен тройкой к 5 годам заключения в ИТЛ.

Так в условиях формального следствия и ускоренного судопроизводства происходило решение судеб «социально-чуждых» и «социально-вредных» элементов и реализовывалась практика «социальной инженерии», в том числе в отношении уголовников. Не только криминальное прошлое, но и девиантное поведение на момент ареста являлись важными критериями отбора жертв для карательных органов. Уголовники выпадали из «обоймы трудового советского общества»: не занимались общественно-полезным трудом, проявляли себя как противники системы и порядка.

¹⁹ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. Д. 46. Л. 11.

Милицейская тройка Алтайского края как инструмент репрессивной операции

Милицейские тройки были образованы в краях и областях по приказу НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г. Они должны были заниматься работой по очистке городов и железнодорожных станций от уголовного элемента в условиях взрывоподобного роста преступности²⁰. Круг преступников, подсудных милицейским тройкам, включал в себя: а) лиц, имевших судимости или приводы в милицию по поводу преступной деятельности, которые и далее поддерживали контакт с преступной средой; б) лиц, не имевших судимости или приводов в милицию, но не занимавшихся общественно-полезным трудом, не имевших определенного места жительства и поддерживавших контакты с преступной средой; в) профессиональных нищих; г) лиц, нарушивших правила паспортной системы, введенной 27 декабря 1932 г.²¹ Мера наказания, которую могла выносить милицейская тройка – лишение свободы сроком до 5 лет.

В своем приказе «Об итогах борьбы РК милиции с преступностью за 1935 г.» от 17 марта 1936 г. Ягода указывал на решительные успехи милиции. Преступность была значительно потеснена в 1935 г. на трех главных направлениях: вооруженные и невооруженные грабежи сократились на 45 %, квалифицированные и простые кражи – соответственно на 32 % и на 17 %, скотокрадство – на 55%. Тем не менее, нарком приводил ряд пунктов, значительно омрачавших этот весьма позитивный баланс. Совершенно не удовлетворительной была борьба милиции с воровством в не режимных городах, чуть более успешными – ее операции против преступности в сельской местности²². Поэтому активизация деятельности милицейских троек стала закономерной в условиях определенного приказом НКВД № 00447 курса на масштабную чистку советского общества.

²⁰ Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142.

²¹ Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. М., 2004. С. 259–260.

²² Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка 1918–1938 г. С. 510.

Как отмечено выше, циркуляром заместителя наркома внутренних дел Фриновского, между тройками НКВД и милицескими вводилось своеобразное «разделение труда». Если тройки НКВД нацеливались на борьбу с рецидивной преступностью, то на заседаниях милицеских троек должны были рассматриваться дела на «беспартийных лиц, не имеющих постоянного места жительства и не занимающихся полезным трудом». При этом милицеские тройки должны были «максимально усилить работу». От таких мер наказания, как «подписка о выезде из города и выселение из города», которые ранее в массовом порядке использовались милицескими тройками, следовало отказаться ввиду их неэффективности²³. Следовательно, с переходом к политике Большого террора», начало которой положил приказ № 00447, вносились изменения и в деятельность милицеских троек – в направлении увеличения массовости осуждений и ужесточения выносимых ими приговоров.

Первое заседание милицеской тройки, созданной после образования Алтайского края, состоялось 10 ноября 1937 г. В состав милицеской тройки входили: председатель тройки – начальник Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) УНКВД Алтайского края, капитан милиции Вейнберг, а с апреля 1938 г. – Никольский, помощник начальника УНКВД СССР по АК, заменивший его в должности председателя (Вейнберг при этом был понижен до члена тройки, а после отстранения от должности заменен Воробьевым, назначенным вместо него начальником УРКМ УНКВД по АК); в качестве членов – начальники соответствующих отделов милиции, дела которых рассматривались на заседаниях тройки (чаще других в протоколах указываются начальник отдела уголовного розыска УРКМ НКВД Ильин и младший лейтенант Гоголин). В заседаниях тройки в ее первоначальном составе принимал участие прокурор Беликов, а в более частом варианте состава тройки при председательстве Вейнберга прокурором был Малышев. Круг секретарей также постоянен, встречается всего три фамилии: Михайлов (младший лейтенант госбезопасности), Скрыль (оперсекретарь УРКМ УНКВД по Алтайскому краю, сержант ми-

²³ Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордогов Г.А., Биннер Р. Вертикаль большого террора... С. 174.

лиции) и Данилов (начальник 8-ого отдела УНКВД по Алтайского краю).

Отметим произошедшее с апреля 1938 г. усиление контроля за деятельностью милицейской тройки со стороны УНКВД, проявившееся в назначении ее председателем сотрудника краевого управления госбезопасности. По всей видимости, это было связано с тем, что после завершения 15 марта 1938 г. деятельности в Алтайском крае тройки УНКВД возросло значение милицейской тройки, оставшейся единственным действующим органом внесудебного преследования уголовных элементов.

Общее количество лиц, прошедших через заседания милицейской тройки на Алтае в период с 10 ноября 1937 г. по 17 ноября 1938 г. (дата первого и последнего заседания тройки), составило 6 942 человека (см. приложение 2). По оценкам Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, за 1937–1938 гг. милицейскими тройками в масштабах страны в целом было осуждено 420–450 тыс. чел.²⁴

Как видно из приложения 2, в ноябре–декабре 1937 г. милицейской тройкой было рассмотрено 1888 дел, а в 1938 г. – 5054 дела (в том числе в период проведения операции по приказу № 00447 (до 30 марта 1930 г. – даты последнего заседания тройки НКВД) – 3240 (64,1%). Анализ помесечной статистики рассмотрения дел милицейской тройкой показывает, что в ноябре 1937 г. тройкой были вынесены приговоры в отношении 618 чел., в декабре – 1263 чел., в январе 1938 г. – 980, в феврале – 1286, в марте – 974 чел., а далее с завершением в Алтайском крае операции, проводившейся на основе приказа № 00447, количество рассматриваемых дел значительно снижается: в апреле – 527 дел, в мае – 394, а в ноябре, в последний месяц деятельности милицейской тройки – 102. Следовательно, наиболее результативный период в деятельности милицейской тройки, направленной на очищение социума от уголовных и lumpенизированных элементов, приходится на время проведения на Алтае операции по приказу № 00047.

Наиболее распространенным наказанием, выносившимся милицейской тройкой, было лагерное заключение на срок в 5 лет: в 1937 г. к такому наказанию были приговорены 94,5 %, в 1938 г. – 66,7 % осужденных. Остальная часть осужденных приговаривалась к заключению на срок до 3 лет включительно.

²⁴ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. С. 557.

На основе изучения протоколов заседаний милицейской тройки была составлена база данных, в которую включены сведения на 300 человек, арестованных в четырех административных единицах Алтайского края – в городе Барнауле (169 чел.), Бийском районе (город и сельская округа) (44 чел.) и в двух сельских районах – Змеиногорском (33 чел.) и Троицком (55 чел.). Выборка осуществлена на основе сплошной обработки 29 протоколов милицейской тройки Алтайского края (34% от общего числа протоколов).

Статистический анализ содержащейся в базе данных информации показал, что среди осужденных милицейской тройкой преобладали лица мужского пола: 81,3%, что в целом определялось гендерным составом преступных и деклассированных элементов в 1930-е годы.

Наиболее многочисленную возрастную группу среди осужденных (в среднем 48,1%) составляли лица, принадлежавшие к возрастной группе от 18 до 30 лет – представители молодого поколения, которое, с одной стороны, наиболее успешно интегрировалось в советское общество, но вместе с тем являлось основным источником для формирования преступной среды.

Анализ возрастного состава показывает присутствие среди преступников также несовершеннолетних лиц (в возрасте до 18 лет). Так, среди осужденных милицейской тройкой по г. Барнаулу их доля составила 16,5%. Одним из примеров преступлений, совершенных подростками, может служить дело в отношении Брусовой Н.А., 1922 г.р., уроженки с. Змеиногорского Алтайского края, до ареста ученицы Змеиногорской школы. На момент ареста в ее биографии уже имелись два привода: в 1935 г. и октябре 1937 г. за кражу ткани и вещей соответственно. Основная преступная деятельность Брусовой была связана с кражей домашних вещей и белья в течение 1937 г. Постановлением тройки Брусовой было определено приговор в 5 лет ИТЛ, однако в декабре 1938 г. решением УРКМ АК срок был снижен до 2-х лет, что может являться доказательством некоторой снисходительности, проявлявшейся в пенитенциарной политике в отношении несовершеннолетних.

Около 60 % осужденных милицейской тройкой АК не состояли в браке. Подлежащие изоляции лица (бродяги, нищие, хулиганы и проч.), арестовывавшиеся в результате проводимых милицией зачисток на ж/д станциях, в притонах и других «злчных» местах, при сложившихся условиях жизни и «профессии», по всей вероят-

ности, преимущественно не имели желания и моральной потребности для создания семьи.

Вопрос о социальном происхождении в протоколах тройки по включенным в базу данных районам отражен не полно. В большинстве случаев данная информация не представлена в биографической справке осужденного. Однако дефиниция, которая в большей степени могла оказать влияние на срок наказания – социально-политический статус «кулак» или принадлежность к «кулацкой семье» очевидно фиксировалась. Среди осужденных милицейской тройкой в выделенных нами районах доля «кулаков» была незначительной – 3%. Чаще это были дети «кулаков» (второе поколение), в том числе несовершеннолетние. Возможно, этим обусловлено рассмотрение их дел на заседании милицейской тройки, а не тройки НКВД, в компетенцию которой входило рассмотрение «кулацких» дел. Так, по делу № 100 3-го отдела милиции г. Барнаула проходит Тарасов Н.С., сын кулака, 1921 г.р. На заседании милицейской тройки его преступная деятельность была определена следующим образом: «Сын кулака, отец арестован органами НКВД. На почве недовольства Советской властью, с начала учебного года терроризировал учеников школы, в которой учился. Избил учеников Кольцова, Огородникову, Светлякову. Срывал уроки, разлагал дисциплину, организовывал учеников младших классов совершать мелкие кражи, заставлял их воровать, сам воровал учебники, письменные принадлежности»²⁵.

Конкретизации представлений о социальном облике осужденных милицейской тройкой способствует содержащаяся в базе данных информация, согласно которой 22,7 % из них являлись лицами без определенного места жительства (БОМЖ). При постоянных переездах и кочевках, без стабильного заработка, зачастую находясь в затруднительном материальном положении, подобный контингент становился социальной базой для формирования преступных элементов – вокзальных попрошайек, квартирных воров и пр.

Основной контингент репрессированных милицейской тройкой составляли уроженцы сельской местности – 84,6 %. Даже среди арестованных в городах доля преступников из числа жителей сел являлась преобладающей. Это объясняется как тем, что большая часть населения в это время проживала именно в сельской местно-

²⁵ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1 Д. 43. Л. 11.

сти, так и «кочующим» характером преступной деятельности «клиентов» тройки (бродяжничество, нищенство, кражи), которую позволяла вести городская среда, в том числе заезжим селянам.

Профессиональные занятия осужденных милицейской тройкой в протоколах наиболее часто определялись клише «без определенного рода занятий»: в Барнауле эта категория составляла 65 %, в Бийском районе – 30 %, в Змеиногорском – 28 %, Троицком районе – 71 %. Указание на занятие какой-либо профессиональной деятельностью встречается крайне редко.

Сведения об уровне грамотности арестованных в протоколах представлены довольно полно. В числе лиц, осужденных милицейской тройкой, по большей части оказались люди, относящиеся к категории малограмотных – 61,1 %, грамотными являлись 31 % преступников и 7,9 % – неграмотными.

Как следует из таблицы 1, из общего числа правонарушений наибольшая доля (в среднем – 27 %) приходилась на кражи. С характером подобной деятельности сочетался образ жизни уголовных элементов – отсутствие работы, жилья, употребление спиртного. Все эти факторы напрямую и косвенно приводили к тому, что для добычи средств к существованию подобный контингент шел на воровство разных масштабов. Процент краж среди других преступлений, вменяемых тройкой осужденным, был наиболее высоким в г. Барнауле (31 %) и в г. Бийске с районом (35 %), а в сельских Змеиногорском и Троицком районах – ниже: соответственно 22 % и 20 %. Второе место по частоте совершения занимали преступления, связанные с различного рода хулиганскими действиями: более 15 % по краю, а самый высокий показатель в Змеиногорском районе – 34 %. Другими наиболее распространенными обвинениями являлись: ведение бродячего образа жизни («гастролирует») и наличие связи с уголовным миром – каждое из них было предъявлено осужденным более чем в 12 % общих случаев.

Большая часть (52,1 %) осужденных тройкой оказались в числе правонарушителей впервые. Расширение полномочий внесудебных органов и осуществлявшиеся массовые аресты неизбежно вели к конвейерному способу изъятия «неопытных» уголовников и под-

Таблица 1

Виды преступлений, совершенных осужденными милицейской тройкой Алтайского края (в процентах)

Виды преступлений	Барнаул	Бийск и р-н	Змеино-горский р-н	Троицкий р-н	Средний показатель
Кража	31	35	22	20	27,0
Хулиганство	10	10	34	9	15,7
Бродячий образ жизни, «гастролирует»	12	10	3	25	12,5
Связь с преступными элементами	18	10	13	8	12,2
Пьянство	5	11	12	5	8,3
Нищенство	7	1	1,5	15	6,1
Скупка краденого, спекуляция	6	9	6	3	6,0
Проституция	4	1	3	9	4,3
Содержание притона	4	7	4	2	4,3
Подделка документов	3	5	-	3	2,7
Торговля спиртным	-	1	-	1	0,5
Укрывательство убийц	-	-	1,5	-	0,4
Итого:	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Осуждение милицейской тройкой Алтайского края, 1937–1938 гг. / сост. Н.В. Куденко: база данных [Электронный ресурс].

готовки следственных материалов. Осужденные тройкой, имевшие в биографии судимость, составляют 22,4 %, наличие только приводов в отделения милиции выявлено в 18,7 % случаев. Среди осужденных милицейской тройкой доля преступников с более продолжительной практикой преступных деяний (наличие в прошлом судимостей и приводов одновременно) была относительно небольшой – 6,8 %, что подтверждает гипотезу об изъятии в основном мелких, наиболее «доступных» нарушителей закона.

Однако в целом для почти 30% от общего числа осужденных милицейской тройкой это была вторая судимость, следовательно через милицейскую тройку, вопреки рассмотренному выше цирку-

ляру от 7 августа 1937 г., распределявшему полномочия в осуждении уголовников между милицейскими тройками и тройками УНКВД, в условиях загруженности троек УНКВД рассмотрением дел на политических заключенных, проходили и дела на уголовников-рецидивистов.

Взаимосвязанный анализ содержащихся в базе данных показателей дает возможность определить характер влияния фактов биографии осужденного (наличие прежней судимости, социальное происхождение, гендерная принадлежность) на продолжительность назначаемого тройкой срока заключения.

Лицам, не имевшим в прошлом судимости, милицейская тройка, как правило, назначала меньший срок заключения, нежели ранее судимым (табл. 2).

Таблица 2

Влияние прежней судимости или приводов на меру наказания (срок заключения в ИТЛ), выносимого милицейской тройкой (в процентах)

Города и районы	Ранее не судимые и не имевшие приводов	
	Мера наказания	
	До 3-х лет ИТЛ	Более 3-х лет ИТЛ
Барнаул	26,9	73,1
Бийск и район	80,8	19,2
Змеиногорский	45,5	54,5
Троицкий	71	29
Средний показатель	56	44
	Ранее судимые и имевшие приводы	
	Мера наказания	
	До 3-х лет ИТЛ	Более 3-х лет ИТЛ
Барнаул	23,2	76,8
Бийск и район	50	50
Змеиногорский	45	55
Троицкий	21,7	78,3
Средний показатель	35	65

Подсчитано по: Осуждение милицейской тройкой Алтайского края, 1937–1938 гг. / сост. Н.В. Куденко: база данных [Электронный ресурс].

Учет гендерного фактора показывает, что женщинам предельный пятилетний срок заключения назначался тройкой реже, чем мужчинам: соответственно в 36,4 % и 59,6 % случаев.

Таким образом, преобладавшая часть осужденных милицейской тройкой являлась лицами мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет, не состоявшими в браке, без определенного рода занятий, малограмотными, почти половина из них имели ранее приводы в милицию или судимость. Характер предъявленных обвинений определялся ведением асоциального образа жизни и девиантным поведением. Данный контингент не вписывался в установленные рамки законопослушного трудового советского общества и определялся как «социально вредный».

Следственные дела на более «серьезный» преступный элемент, включавший уголовников-рецидивистов, указанных в качестве целевой группы репрессий в основном директивном акте периода «Большого террора» – приказе НКВД № 00447, рассматривались тройкой НКВД.

* * *

В целом изучение деятельности милицейской тройки и тройки НКВД, связанной с осуждением уголовных и люмпенизированных слоев населения, расширяет представление о масштабах «социальной чистки», проводившейся в годы «Большого террора». Соединение работы этих двух органов в отношении борьбы с преступниками можно рассматривать как следствие стремления выносить более суровые приговоры подобному контингенту, при отсутствии серьезной дифференциации внутри данной категории граждан. Некоторые исследователи указывают на то обстоятельство, что на рассмотрение на заседаниях троек НКВД поступали в том числе дела на мелких уголовников и хулиганов – контингент, не предусмотренный приказом²⁶. Изучение содержания протоколов тройки УНКВД по Алтайскому краю также показывает, что эта тройка часть контингента по рассматриваемым делам относила к «деклассированным элементам» и передавала их дела на рассмотрение милицейской тройки (см. приложение 1).

Еще одним доказательством отсутствия четкого разграничения в деятельности двух троек, видимо, можно считать большой процент проходивших по тройке УНКВД уголовников, получивших сравни-

²⁶ Юнге М, Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного»... С. 514.

тельно «мягкое» наказание в 5 лет ИТЛ – ниже предела установленного приказом 00447 (8–10 лет). В свою очередь в протоколах милицейской тройки фиксируется передача дел на рассмотрение тройки НКВД для вынесения расстрельных приговоров (по «первой категории») (приложение 2).

Осуждение уголовников в рамках «кулацкой» тройки являлось во многом продолжением все той же деятельности милицейской тройки, только с более суровой степенью наказания, в этой связи тройку НКВД можно рассматривать как «удлиненную руку» милицейской тройки.

Резюмируя, можно заключить, что борьба с уголовной преступностью действием троек была поставлена на рельсы массового внесудебного правосудия. Уголовники в масштабах воплощения общего курса попали в колесо репрессивной машины как «социально опасные» и «социально-вредные» элементы, несущие потенциальную угрозу стабильности советского государства. В момент, когда «врагов» находили в верхах партийного аппарата, преступники, как часть общества, демонстрировавшая свою нелояльность существующим порядкам своими противозаконными поступками, не могли оказаться вне числа лиц, подлежащих репрессиям.

Отдельного внимания заслуживает практическое воплощение борьбы против уголовников. Заданные центральными директивами рамки деятельности внесудебных органов позволили местным властям довольно широко пользоваться своими полномочиями, пренебрегая качеством проводимой работы. Необходимость выполнения лимитов, спущенных сверху, а также желание ряда сотрудников выслужиться способствовали тому, чтобы в рамках проводимых репрессивных мероприятий в число лиц, осуждаемых тройками, попадали наиболее доступные представители уголовного мира, а зачастую для выполнения контрольных цифр арестовывались и законопослушные граждане²⁷. В результате главной клиентурой мест заключения стали мелкие уголовники-рецидивисты, злостные хулиганы и попавшие в поле зрения карательных органов безработные и бездомные, а не профессиональная преступность. Исследователи отмечают неэффективность массовых зачисток и конвейерного метода осуждения, применявшегося тройками, для борьбы с ор-

²⁷ См. раздел 2 настоящей монографии.

ганизованной преступностью и снижения уровня криминогенности в обществе²⁸.

Полномочия, которыми были наделены тройки, шли вразрез с существующим уголовным законодательством и нормами судебного процесса. Деятельность внесудебных органов перечеркнула главный принцип судебного процесса СССР, закрепленный в Конституции 1936 г. и УК РСФСР – принцип социалистического демократизма, который выражался в том, что разбирательство судебных дел и вынесение по ним приговоров производится выборным судом на открытых заседаниях, под контролем общественности²⁹.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» определило новый курс, заключающийся в переходе от методов массовых чисток к традиционному правосудию. Этим постановлением поручалось «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции»³⁰.

²⁸ Иванов В.А. Преступники как целевая группа операции по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции... С. 533.

²⁹ Советский уголовный процесс. Вып. 4 / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938. С. 5.

³⁰ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. М., 2004. С. 307–311.

Приложение 1
Приговоры, вынесенные тройкой УНКВД по Алтайскому краю по делам уголовников в 1937 г.

№ п/п	Дата протокола	№ протокола	Всего осуждено	Первая категория (ВМН)	Вторая категория (срок заключения в ИТЛ)			Кол-во экз. протоколов	Примечания
					10	8	5		
1	03.07.1937	У-0	26	15	7	2		1	1 дело – деклассированный, без указания приговора, 1 – без приговора
2	03.07.1937	У-40	29	14	9	5	1	1	
3	07.08.1937	27/-у	45	30	7	6	2	1	
4	?08.1937	У-00	44	15	10	5		1	14 дел – деклассированные, без указания приговора,
5	20.08.1937	15/1-у	31	17	13	1		1	
6	29.08.1937	У-000	44	3	5	1		1	35 дел – без указания приговора
7	? 08. 1937		14	11	3			1	
8	01.10.1937	38/12-у	80	20	10	41	5	1	4 дела – деклассированные, без указания приговора,
9	03.11.1937	4/5-у	30	18	6	6		2	
10	03.11.1937	4/7-у	14	11	3			2	
11	03.11.1937	4/8-у	9	8	1			2	
12	05.11.1937	5/1-у	35	27	8			3	
13	05.11.1937	5/2-у	43	36	7			3	

Приложение 1 (продолжение)

14	05.11.1937	5/9-у	9	3	3	1	1	1	2	1 дело – снять с учета тройки
15	05.11.1937	5/8-у	20	10	7	3			2	
16	05.11.1937	5/10-у	6	5	1				2	
17	05.11.1937	5/11-у	6	4	2				3	
18	05.11.1937	5/12-у	3	3					2	
19	11.11.1937	7/13-у	29	7	5	2	15		2	
20	11.11.1937	7/14-у	30	8	10	4	8		3	
21	11.11.1937	7/15-у	27	1	4	2	17		2	3 дела - передать в военный трибунал
22	26.11.1937	10/7-у	4		2	2			3	
23	26.11.1937	10/27-у	12	4	3	4	1		1	
24	28.11.1937	12/8-у	14	5	3	3	3		2	
25	29.11.1937	13/2-у	7	2	5				3	
26	29.11.1937	13/3-у	11	2	5	4			2	
27	08.12.1937	15/20-у	5	3	2				2	
28	09.12.1937	16/32-у	29	4	15	5	5		3	
29	29.12.1937	13/1-у	182	36	61	81	4		3	
30	29.12.1937	19/8-у	7	6	1				2	
31	29.12.1937	19/9-у	17	17					3	
	Итого:		862	345	218	178	62	62	62	59

Сост. по: Отделение специальных фондов и архивной информации отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1-7, 12-14, 18-21, 27-39, 44-46.

Приложение 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
35	17.01.1938	2/3	61	54		3			4			2	
36	17.01.1938	2/4	100	94		4	1	1				2	
37	2.02.1938	3	100	93		6			1			2	
38	2.02.1938	3/1	62	44		7			10	1		2	
39	2.02.1938	3/2	63	44		9			10			2	
40	6.02.1938	3/3	88	75		13						2	
41	2.02.1938	3/4	134	131		3						1	
42	2.02.1938	3/5	38	30		8						2	
43	2.02.1938	3/6	140	138		2						2	
44	7.02.1938	3/7	105	104		1						2	
45	7.02.1938	3/8	105	101		4						2	
46	7.02.1938	3/9	101	83		18						2	
47	7.02.1938	3/10	135	98		37						2	
48	7.02.1938	3/11	115	73	4	38						2	
49	7.02.1938	3/12	60	29	17	13	1					2	
50	7.02.1938	3/13	40	22	12	5		1				2	
51	2.03.1938	4	29	19		9		1				2	
52	2.03.1938	4/2	53	12		32	4		4		1	2	
53	2.03.1938	4/3	164	138	1	25						2	
54	27.03.1938	4/1	100	61	1	31	1		6			2	
55	27.03.1938	5	100	52	8	39			1			2	
56	27.03.1938	5/4	46	33		13						2	

Приложение 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
57	29.03.1938	5/1	101	59		39			3			2	
58	29.03.1938	5/2	100	67		28			5			2	
59	29.03.1938	5/3	101	55		43			2		1	2	
60	29.03.1938	5/5	100	49		47	2				2	2	
61	29.03.1938	5/6	80	38		40	2					2	
62	19.04.1938	5/7	100	58	3	39						2	
63	19.04.1938	6	60	22	1	14	14	1	6		2	2	
64	19.04.1938	6/1	100	50	12	38						2	
65	19.04.1938	6/2	101	43	4	52	1					2	1 дело перенесено на заседание
66	19.04.1938	6/3	100	45	8	47						2	
67	19.04.1938	6/4	66	40	10	16						2	
68	7.05.1938	3/12a	14	2								1	см. примеч. под таблицей – 12 дел
69	27.05.1938	6/5	100	57	15	28						2	
70	27.05.1938	7	87	53		25	4	1	2		2	2	
71	27.05.1938	7/1	65	32	4	28		1				2	
72	27.05.1938	7/2	81	51	4	25		1				2	
73	27.05.1938	7/3	59	35	4	20						2	
74	4.07.1938	8	143	54	3	80	6					2	
75	4.07.1938	8/1	157	55	1	20	3		64	7	7	2	
76	4.07.1938	8/2	44				2	2	3		23	2	см. примеч. под таблицей – 14 дел
77	26.07.1938	9	166	115	1	36	4		8		1	2	1 дело - наказание за побег
78	8.08.1938	10	55	26		27	2					2	

Приложение 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
79	15.08.1938	10/1	30	15		11	3		1			2	
80	15.08.1938	10/2	30								11	2	см. примеч. под таблицей – 19 дел
81	16.08.1938	10/3	24	13		8	2		1			2	
82	28.08.1938	10/4	40	17	1	11	6	1	4			2	
83	8.10.1938	11	90	27	1	23	5		16		10	3	см. примеч. под таблицей – 8 дел
84	2.11.1938	12	62	29	23	3	4		3			2	
85	17.11.1938	13/1	40						2		23	1	см. примеч. под таблицей – 15 дел
Итого за 1938 г.			5054	3370	145	1110	73	13	170	10	91		72
1937–1938 гг.			6942	5154	158	1175	77	13	175	23	91		76

1. Протокол №3/12а от 7.05.1938 содержит постановления по уже вынесенным приговорам, сокращает сроки пребывания в ИТЛ: до пределов отбытого вместо 3-х лет – 2 дела, вместо 5-ти лет – 3 дела; вместо 5 до 3-х лет – 2 дела; до 1 года – 5 дел.
2. Протокол №8/2 от 4.07.1938 содержит постановления, принятые в порядке пересмотра по рассмотренным ранее тройкой делам: оставить приговор в силе – 11 дел; сократить срок до пределов отбытого – 3 дела.
3. Протокол №10/2 от 15.08.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: оставить наказание в силе – 6 дел; сократить срок: до 1 года – 7 дел; до 2 лет – 5 дел; до 3 лет – 1 дело.
4. Протокол № 11 от 8.10.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: сократить срок до 1 года – 1 дело; до 1,5 лет – 2 дела; снять на переоформление – 5 дел.
5. Протокол №13/1 от 17.11.1938 в порядке пересмотра по рассмотренным ранее делам: оставить срок наказания в силе – 10 дел; сократить срок до 1 года – 1 дело, до 2-х лет – 1 дел, до 3-х лет – 3 дела.

Сост. по: Отделение специальных фондов и архивной информации отдела реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9–11 15–17, 25, 26, 40–43, 47–53, 56–63, 90–107, 111, 113–118.

Раздел 6

В.Н. Разгон, М. Юнге, Г.Д. Жданова
**МИКРОИСТОРИЯ ТЕРРОРА: СОЛТОНСКИЙ РАЙОН АЛТАЙСКОГО
КРАЯ В 1937–1938 гг.**

Изучение истории Большого террора на уровне микроисторического исследования, основанное «не на разглядывании мелочей, а рассмотрении в подробностях» (как образно определил суть микроистории один из ее основателей Дж. Леви), открывает возможности для более глубокого раскрытия многих важнейших вопросов, связанных с изучением политики массовых репрессий: каковы были ее цели, каким был механизм отбора жертв, чем определялись мотивы, формы и способы взаимодействия в проведении репрессивной политики органов НКВД, партийных организаций и местного актива, Определялась ли целенаправленность в отборе жертв только их принадлежностью к определенным категориям населения, указанным в основном репрессивном нормативном акте периода Большого террора – приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., или учитывались актуальный статус и деятельность жертв, а именно: проявляемая ими в той или иной форме нелояльность к существующей социально-политической системе и экономическому строю. Адекватное разрешение этих вопросов не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах макроисторического исследования.

Выбор Солтонского района Алтайского края для изучения репрессий периода Большого террора на микроуровне обусловлен тем, что наряду с общими чертами, реализация репрессивной политики в этом районе имела свои особенности, проявившиеся, прежде всего, в проведении здесь в ноябре 1937 г. массовой репрессивной акции районного масштаба¹, рассмотрение которой позволяет углубить представление о механизме репрессий, проводившихся в рамках реализации приказа НКВД № 00447.

¹ Юнге М., Жданова Г.Д. Проведение карательной акции в Солтонском районе Алтайского края // Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 556–578.

Исследование истории репрессий, проводившихся в одном из районов Алтайского края, дает возможность выявления специфики проведения репрессивной политики в аграрных регионах, определения ее роли в решении задач социалистической модернизации, связанных с утверждением колхозного строя.

Исследование выполнено на основе изучения материалов следственных дел, отложившихся в фондах отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края и Информационного центра при ГУ МВД по Алтайскому краю, а также делопроизводственной документации (отчетов и протоколов районных партийных конференций, пленумов, собраний партхозактива и пр.) из фондов Солтонского райкома и райисполкома. Для статистического анализа использовались материалы базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» (ГААК).

Общая характеристика района накануне 1937 г.

Солтонский район был образован в 1924 г. в составе Алтайской губернии, а в сентябре 1937 г. в числе других 55 районов вошел во вновь образованный Алтайский край. Территориально он был значительно больше нынешнего Солтонского района (включал часть территории современного Целинного района), насчитывал к 1937 г. 23 сельских совета и более 85 тыс. жителей². С экономической точки зрения это был типичный сельскохозяйственный район Алтайского края, однако наряду с земледелием, здесь в силу природно-географических условий (район располагался у подножия Алтайских гор) значительное развитие получили животноводство, а также пчеловодство, охота, заготовка и обработка древесины и другие промыслы. Посевная площадь в районе в 1937 г. составляла около 30 тыс. га, поголовье рогатого скота – 35,7 тыс., лошадей – 9,3 тыс., овец – 34,9 тыс.; на колхозных и индивидуальных пасеках содержалось 16,4 тыс. пчелосемей³. На территории района действовало несколько промысловых колхозов: «Лесовод», «Сибирский охотник», «Лесной строитель», «Красный горняк», промколхоз им. Литвинова. Особенностью социальной структуры населения района

² РСФСР. Административно-территориальное деление. М., 1942. С. 16; Архивный отдел администрации Солтонского района. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6142. Т. 2. Л. 142–143.

было значительное присутствие «пришлого элемента» – людей, прибывавших сюда в период коллективизации из других районов Алтая и регионов страны, спасавшихся от «раскулачивания» и голода 1932–1933 гг. (наличие в районе обширных промысловых угодий давало возможность выжить за счет охоты, рыболовства, лесного собирательства). Отличительной особенностью района была высокая доля единоличных хозяйств, что объяснялось местным руководством притоком переселенцев из других регионов⁴. Характерная в целом для 1930-х гг. частая сменяемость районных и сельских руководящих кадров в Солтонском районе усиливалась провалом сельскохозяйственных кампаний в 1937 и 1938 гг., а также социальной нестабильностью, связанной со слабостью колхозного уклада и наплывом в район маргинальных социальных элементов из других мест.

Статистика репрессий

Согласно информации, содержащейся в базе данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе было репрессировано 585 чел., в том числе мужчин – 584, женщин – 1. Из числа осужденных в Солтонском районе в 1937–1938 гг. были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) – 59%, тогда как в целом по Алтайскому краю в рамках реализации репрессивной операции по приказу НКВД № 00447 – 45,5%. Если в большинстве районов Алтайского края и страны в целом доля осужденных к общей численности населения не превышала 0,5% (в среднем по стране – 0,47%), то в Солтонском районе этот показатель составил 0,62%. В сравнимых по численности населения соседних районах Алтая в 1937–1938 гг. было репрессировано существенно меньше, чем в Солтонском: в Солонешенском – 276 чел., (в т.ч. к ВМН – 47,8 %), Тогульском – 317 чел. (в т.ч. к ВМН – 56,8 %), Чарышском – 329 чел. (в т.ч. к ВМН – 37,4 %), Алтайском – 332 чел. (в т.ч. к ВМН – 58,7 %). Следовательно, можно говорить как о больших масштабах репрессий в рассматриваемом районе, так и об их большей жестокости, проявившейся в высокой доле выносимых смертных приговоров.

⁴ ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

Проведение карательной акции в районе в ноябре 1937 г.

Более широкий, чем в других районах, масштаб репрессий в Солтонском районе объясняется главным образом проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной репрессивной акции районного масштаба. В 1937 г. район «провалил» выполнение плановых заданий по сдаче зерна государству: к ноябрю 1937 г. они были выполнены только на 25%, из-за медленного проведения уборочных работ «под снег» ушла значительная часть урожая. 15 октября 1937 г. было проведено специальное объединенное заседание бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома Запсибкрая, по итогам которого было принято решение провести в районе кардинальную кадровую чистку и распустить старый состав райкома и райисполкома с тем, чтобы, как выразился в своем выступлении председатель исполкома Западно-Сибирского краевого совета Грядинский, «сделать большой показательный урок для всех районов края с тем, чтобы районы видели, как люди могут нанизать одну ошибку на другую и прийти к преступлениям»⁵.

В результате был отправлен в отставку И.С. Пылев, возглавлявший районную парторганизацию с середины 1935 г. Впоследствии он был переведен на должность заведующего общим отделом Алтайского крайисполкома, а в январе 1938 г. арестован и осужден по делу право-троцкистской контрреволюционной организации, по которому были репрессированы многие бывшие руководители Западно-Сибирского края⁶. Вместо Пылева секретарем Солтонского райкома партии был назначен Н.Я. Максимов, переведенный из Ключевского района, где он занимал аналогичную должность. Были смещены с должности и арестованы председатель Солтонского РИКа Панин, управляющий райлесхозом А.Е. Тарабукин, зав. дорожным отделом райисполкома А.М. Александров, зав. сектором

⁵ Из стенограммы объединенного заседания бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома от 15 октября 1937 г. // Ф. П-44. Оп. 1. Д. 169. Л. 14.

⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4901. Л. 28–43. В обвинительном заключении фигурировали и факты, связанные с его «вредительской деятельностью» в Солтонском районе, в том числе «саботаж хлебозаготовок». Показания на Пылева как «вдохновителя» актов вредительства и саботажа давали руководители районных хозяйственных организаций, арестовывавшиеся в 1937–1938 гг.

животноводства райзо Н.Г. Ефременко и ряд других представителей районного руководства.

Репрессивные меры не ограничились только «зачисткой» районного партийно-советского руководства, было также решено провести в районе массовую репрессивную операцию. Начальник УНКВД по Алтайскому краю Попов был проинформирован первым секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) Л.Н. Гусевым о том, что власти Солтонского района «недостаточно ведут борьбу с к/р саботажническим элементом», в результате чего случился «массовый саботаж сдачи хлеба государству». Попов пришел к выводу о необходимости «почистить» район от «вредителей» и «саботажников». По указанию краевого руководства начальником Солтонского райотдела НКВД А.Г. Агаповым был подготовлен именной список лиц, подлежащих аресту, в который были включены 45–50 чел.

Следует особо отметить роль, которую сыграл в инициировании и проведении этой карательной операции начальник местного отделения НКВД А.Г. Агапов, которого местные партийные руководители характеризовали как чекиста, который «по-большевистски борется с врагами»⁷. Можно предположить, что его обращение к вышестоящему руководству с предложениями о чистке также сыграло свою роль в принятии Поповым решения о проведении карательной операции в Солтонском районе. Во всяком случае упоминание об этом содержится в показаниях начальника Бийского оперсектора (в который входил Солтонский район) Г.Л. Биримбаума, данных им после его ареста в 1939 г.: «Приблизительно 9–10 ноября 1937 года я был вызван в УНКВД Поповым. Попов мне заявил, что он из Солтона от нач. РО НКВД получил не то телеграмму, не какую то сводку, точно не помню, характеризующую особо неблагоприятное положение в Солтонском районе», в особенности «с вопросом подготовки выборов в Верховный совет»⁸.

⁷ Такая характеристика была дана Агапову при выдвижении его кандидатуры в бюро райкома на пленуме РК, состоявшемся 11 августа 1937 г. (ГААК.Ф. П-44. Оп. 2. Д. 166. Л. 17). Начальник Бийского оперсектора Биримбаум характеризовал Агапова как «энергичного парня», у которого дело (речь идет о реализации приказа № 00447 в Солтонском районе – авт.) обстоит неплохо» (ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 9. Оп. 29 а/с. Д. 576. Л. 31).

⁸ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 9. Оп. 29 а/с. Д. 576. Л. 107–108. Допрос Биримбаума проводился в рамках расследования, организованного в связи с многочисленными обвинениями в нарушении «социалистической законности, вы-

А.Г. Агапову, только что назначенному начальником РО НКВД (в сентябре 1937 г., после перевода П.Н. Смольникова, ранее работавшего на этой должности, в Бийск), необходимо было доказать, что столь ответственная должность не случайно доверена молодому сотруднику (30 лет), имевшему лишь двухлетний стаж работы в органах. Хотя мы не располагаем текстом документа, направленного Агаповым Попову, о его возможном содержании можно судить по сохранившимся в партийных документах выступлениям Агапова на районных партсобраниях и пленумах, в которых он предстает сторонником расширения карательных мер по отношению к контрреволюционным и вредительским элементам, к последствиям деятельности которых он относил недостатки и провалы, имевшиеся в хозяйственной и общественно-политической жизни района: «В райзо имеется контрреволюционная группа, вредившая в сельском хозяйстве, в 18 колхозах во главе руководства кулаки, в 14 колхозах – белогвардейцы... В районе хозяйственно-политическая кампания провалена ... Вопрос выборов в Верховный совет в районе недооценивается и стоит перед провалом. Враги готовятся лучше нас, готовятся террор и диверсионные акты на скот колхозов, имущество, готовятся враги сорвать провести в Верховный Совет наших кандидатов»⁹.

Во время посещения 16–17 ноября 1937 г. Солтонского района начальником УНКВД по Алтайскому краю С.П. Поповым, прибывшим сюда для встреч с избирателями в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета, баллотировавшегося по Бийскому избирательному округу, было принято решение о значительном расширении рамок репрессивной операции и доведения масштабов арестов до 200–250 чел. По свидетельству Г.Л. Биримбаума, сопровождавшего Попова в этой поездке, «по пути следования в Солтон с Поповым, в селе Карабинка должно было состояться предвыборное собрание, но таковое не состоялось из-за отсутствия необходимого количества людей на собрании. <...> В частных разговорах, в Солтонском райотделении НКВД Попов высказывал... опасение, что его кандидатура по Солтонскому району в депутаты Верховного Совета СССР может быть провалена, т. к. Солтонский район составлял 55% к общему числу избирателей по Бийскому избира-

двинутыми в отношении руководства УНКВД по Алтайскому краю во главе с Поповым после официального завершения массовых операций.

⁹ ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 165. Л. 48.

тельному округу»¹⁰. В связи с этим организуемая масштабная репрессивная акция должна была не только очистить села района от «контрреволюционных элементов», саботировавших выборную кампанию, но посредством запугивания населения обеспечить 100-процентное голосование.

Согласно показаниям Биримбаума (26.12.1939 г.), на момент приезда в Солтон Попова (16–17 ноября) в районе уже было арестовано 40 чел., а затем уже по приказу Попова арестовали еще «около 150 чел.»¹¹ По свидетельству еще одного участника этой репрессивной акции сотрудника УНКВД В.А. Меринова, к 14 ноября, когда он приехал в Солтон (был откомандирован сюда вместе с еще одним работником УНКВД Старосельниковым для оказания помощи местным чекистам в проведении следствия в рамках планируемой акции, что говорит об особом значении акции и интересе к ней, проявляемом руководством УНКВД) в районе уже было арестовано 30–35 чел., а Попов «дал указание арестовать еще 200–230 чел.»¹²

Согласно сведениям, содержащимся в базе данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)» (ГААК), на 13 ноября уже было арестовано 50 чел, арестовано с 14 по 18 ноября – 120, и до конца ноября – еще 78, в декабре – 30 чел. Согласно протоколам заседаний тройки УНКВД по Алтайскому краю, в Солтонском районе в 1937 г. было осуждено всего 278 чел, в том числе в ноябре (заседания 26 и 28 ноября 1937 г.) – 128 чел., в декабре (заседания 8,9, 28 декабря 1937 г.) – 150 чел.¹³

Хотя проведенная в Солтонском районе карательная акция имела во многом характер «спецакции», поскольку по своим масштабам выходила за рамки среднестатистических показателей, она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции. В частности, рассмотрение реализации этой репрессив-

¹⁰ Цитата скомбинирована из текста двух документов: протокола дополнительного допроса обвиняемого Биримбаума от 26 декабря 1939 г. и протокола очной ставки между Б. и М. от 2 февраля 1940 г. – Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. Документы. М., 2010. С. 584, 600.

¹¹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. ... С. 584.

¹² Протокол допроса обвиняемого М., бывшего начальника отделения 2-го отдела УНКВД по Алтайскому краю от 30 декабря 1939 г. // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. ... С. 594.

¹³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 85, 131, 132, 195, 196, 207, 230.

ной акции позволяет конкретизировать представление о механизме отбора жертв террора, характерном для «кулацкой операции».

Для определения жертв в рамках реализации приказа № 00447, как правило, использовались имевшиеся у госбезопасности компрометирующие материалы в отношении лиц, каким-либо образом привлекавших внимание органов (бывшие кулаки, «лишенцы», белогвардейцы, участники крестьянских восстаний времени военного коммунизма, бывшие члены антибольшевистских политических партий). В дальнейшем списки пополнялись за счет людей, оказавшихся в поле зрения НКВД в результате упоминаний в показаниях уже арестованных или информаторов с предприятий¹⁴. Однако при проведении отдельных репрессивных акций, имевших территориальную и временную локализацию, мог использоваться и такой метод отбора как определение и формирование списков жертв работниками НКВД непосредственно в селах совместно с представителями местной сельской администрации.

По всей видимости, только первоначальный список, составленный начальником райотдела УНКВД Агаповым, включавший фамилии 45–50 чел., был составлен «традиционным путем» – на основе имевшихся у госбезопасности и милиции материалов в отношении лиц, каким-либо образом привлечших к себе внимание «органов». Проведенная же в дальнейшем по приказу Попова масштабная карательная акция существенно отличалась от обычной процедуры арестов. Согласно показаниям В.А. Меринова, сразу непосредственно после отъезда Попова А.Г. Агапов показал ему отпечатанную на машинке «разнарядку арестов в виде плана», которая включала в себя «список наименований нескольких сельсоветов и колхозов и против стояла цифра, сколько надо было арестовать. Всего по этому списку было или около 200 чел. или более <...> Агапов сообщил, что согласно этой разнарядке поехали ночью же люди для ареста¹⁵. При этом, как свидетельствовал сотрудник районного отдела милиции Б., организовывавший аресты в с. Карабинка, «персонально, кто должен быть арестован, данных не давали – это должен был решать самостоятельно каждый сотрудник, посланный для ареста. Никаких компроматматериалов так же не да-

¹⁴ О возникновении таких списков и материалах, на которых они основывались, см.: Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу № 00447. М., 2008. С. 129–130.

¹⁵ Массовые репрессии в Алтайском крае... С. 594.

валось. <...> Когда я приехал в Карабинский с/совет, вызвал председателя Д. и сказал ему, что мне поручено арестовать по сельсовету 50 человек <...> Мы собрали актив сельсовета человек 7 и стали обсуждать, кого можно арестовать. В результате набрали 35 человек, составили список и распределили, кого кто должен был арестовывать. Все намеченные нами лица работали в колхозах Карабинского сельсовета. Кандидатур на арест подбирали по признакам связей с кулаками, в прошлом судимых за какие-либо преступления, плохо работающих в колхозе...», а «отдельные активисты села» использовали репрессивную волну, чтобы свести личные счёты и «для ареста называли лиц, с которыми они находились в неприязненных отношениях, и сообщаемые ими сведения для ареста носили склочный характер»¹⁶. Таким образом, оказывалась под вопросом рациональность действий органов безопасности и милиции. Однако можно предположить, что многие конфликтные ситуации в советском обществе были обусловлены в первую очередь мощными социальными катаклизмами – революцией, Гражданской войной, коллективизацией и т. д. Таким образом «сведение личных счетов» не исключало социальной классовой подоплеку действий деревенского актива.

Солтонская «особая акция» ярко демонстрирует тесное сотрудничество между органами НКВД и сельским активом в проведении репрессивной политики, которое могло приобретать самые разнообразные формы: от снабжения органов следствия ключевыми для оформления дела на арестованных документами (характеристиками сельсоветов, справками правления колхозов, актами колхозных ревизионных комиссий о саботаже, вредительстве) и вплоть до оказания помощи в проведении арестов (как это имело место в с. Карабинка)¹⁷.

С самого начала чекистская акция в Солтонском районе проводилась в условиях жесточайшего дефицита времени: по указанию Попова она должна была быть завершена к 1 декабря 1937 г., т.е. на ее проведение было отведено менее двух недель. Наряду с сокращением процесса отбора жертв, это привело также к «рационализации» составления следственных дел, что традиционно являлось наиболее затратной по времени частью карательной процедуры.

¹⁶ Протокол допроса свидетеля Б., бывшего сотрудника Солтонского РОМ НКВД от 28 апреля 1954 г. // Там же. С. 619–620.

¹⁷ Там же. С. 618.

Сбор части материалов для следственных дел был осуществлен уже непосредственно в ходе арестов. Так, в случае с упоминавшейся выше Карабинкой одновременно проводились аресты, сбор информации и составление характеристик сельсовета на арестованных. О том, что такие действия не были исключением, свидетельствуют и показания счетовода колхоза им. Ленина Р. о проведении арестов в с. Ненинка: «Тогда, когда писали справки..., то все эти лица, на которых писали справки, уже были арестованы и находились в сельсовете в другой комнате, еще не были этапированы в район»¹⁸.

Дефицит времени обусловил и одновременное с арестами составление протоколов допроса части свидетелей, что также было против обычных правил ведения следствия. В этом случае чекисты экономили время на обычном в таком случае приглашении свидетелей для допроса в райцентр. При этом в качестве свидетелей могли выступать представители колхозного актива, оказывавшие содействие сотрудникам НКВД в арестах и сопровождении арестованных в районный центр¹⁹.

Специфика ноябрьской акции в Солтонском районе проявилась также и в том, что для ее осуществления, в связи с большим объемом проводимых в короткие сроки следственных мероприятий (каждый из участвовавших в акции следователей оформили дела на 20–60 чел.), привлекались не только сотрудники милиции, что было распространенной практикой в 1937–1938 гг., но и гражданские лица – работники райкома партии²⁰. Такая «партийная мобилизация» для участия в реализации приказа № 00447 является одним из свидетельств тесного сотрудничества партийных и чекистских органов в проведении политики массовых репрессий, штрихом к оценке Большого террора как репрессивной акции, спланированной партийным руководством, утвержденной решением Политбюро и проводимой на местах на основе общих и координируемых действий партийных органов и сотрудников НКВД.

В ходе проводившейся в условиях дефицита времени карательной акции была доведена до крайности характерная в целом для репрессий периода Большого террора фальсификация следственных материалов, приобретающая в данном случае почти тотальный

¹⁸ Протокол допроса свидетеля Р. // ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 9. Оп. 29 а/с. Д. 576. Л. 71.

¹⁹ Протокол допроса свидетеля М. // Там же. Л. 68–69.

²⁰ Там же.

характер. Об этом свидетельствуют отложившиеся в следственных делах материалы реабилитационных расследований, проводившихся во время «бериевской» и «хрущевской» реабилитации. В условиях отсутствия предварительно собранных компрометирующих сведений, обвиняемым часто элементарно приписывалась ответственность за все происшествия, случившиеся в колхозах (падеж скота, поломка с/х машин, несвоевременное окончание уборочных работ и т.п.), фальсифицировались сведения об их социальном происхождении и пр.

При этом сельские активисты, составлявшие на арестованных характеристики сельсоветов и справки о работе в колхозах, выступали в роли соучастников в вопросе приписывания или преувеличения нарушений и проступков, совершавшихся на месте работы. Насколько важны были эти документы для карательной системы, демонстрирует их центральная роль в ходе повторного расследования 1939–1941 гг. в Солтонском районе. Следствием тогда совершенно четко на предмет манипуляций отслеживались два пункта: 1) данные о социальном происхождении и 2) данные о «политической благонадежности»: т. е. был ли «средняк» переквалифицирован в «кулака», основывалось ли информация о лишении избирательных прав на документах и соответствовало ли действительности ставившееся в вину обвиняемому плохое поведение на рабочем месте. Показания, дававшиеся сотрудниками госбезопасности, милиции, деревенского и районного актива, рисуют следующую картину: «арестовывали [главным образом] середняков и бедняков» и потом в сельсоветах на них составляли неправдоподобные справки о том, что они «кулаки, лишались избирательных прав, выслались в Нарым и ранее судились», занимались вредительством в колхозах. Итог повторного рассмотрения дела в отношении 32 осужденных в Ненинском сельсовете был поистине ужасающим: из 30 человек, репрессированных как «кулаки белобандиты», после проверки 1939–1940 гг. только пять были признаны кулаками и еще трое – сыновьями кулаков, остальные были середняками (21 чел.) или бедняками (3 чел.)²¹.

В наиболее явственной форме суть репрессивной политики времени Большого террора проявлялась как раз при осуществлении

²¹ Заключение УНКВД по Алтайскому краю по следственному делу по обвинению жителей Ненинского и Карабинского сельских Советов Солтонского района Б., Ф. и других // Массовые репрессии в Алтайском крае... С. 609–616.

таких сжатых во времени локальных репрессивных акций как проведенная в Солтонском районе. Поэтому ее нельзя рассматривать в качестве «эксцесса», т. е. операции, которая в своих главных пунктах существенно отличалась от «нормального» выполнения приказа № 00447. Ноябрьская акция в Солтонском районе характеризуется тем, что в ее ходе произошло дальнейшее «размягчение» правил ведения следствия и без того уже сильно выхолощенных приказом № 00447 и сопроводительными к нему циркулярами и директивами. Она представляет собой кульминационный пункт приказа № 00447 и не выходит за рамки (интерпретации) его возможностей. В данном случае до крайности были доведены лишь определенные механизмы приказа.

Нацеленность репрессий на укрепление колхозного строя

Изучение истории массовых репрессий периода «Большого террора» на уровне рассмотрения их проведения в сельских районах позволяет конкретизировать представления о значении социально-экономических факторов в репрессивной политике, проявлявшемся в нацеленности репрессивных мер на укрепление колхозного строя. Как показывает изучение следственных дел репрессированных, далеко не последнюю роль в том, что они оказались в числе жертв репрессий, сыграло то обстоятельство, что они слабо интегрировались в колхозную систему или, более того, демонстрировали свою нелояльность колхозному строю или олицетворявшей этот строй сельской элите. В этом отношении многие следственные дела времени Большого террора отражают противоречия, характерные для становления колхозной системы в 1930-е годы.

Недовольство вынужденно вступивших в колхозы крестьян аграрной политикой советской власти приобрело форму своеобразного «скрытого бунта», проявлявшегося в отсутствии полной отдачи в труде, который не стимулировался должным материальным вознаграждением. Практически с самого начала реализации курса на насаждение системы колхозного производства властями использовались репрессивные меры, включавшие исключение из колхозов наиболее нерадивых работников, чистку их от «кулаков», осуждение за отказ от работы и хищение колхозной собственности (по закону об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 г.). Трудностями становления колхозного строя, саботажем колхозного производства со стороны значительной части загнан-

ных насильно в колхозы крестьян был во многом вызван и всплеск репрессий, имевший место в 1933 г. и нашедший выражение в сфабрикованных ОГПУ делах о «белогвардейском» и «сельскохозяйственном» «заговорах» в Западной Сибири. Наряду с репрессивными принимались также и меры, определяемые историками как «колхозный неонэп», – направленные на развитие колхозной торговли, снижение планов хлебозаготовок, расширение подсобных хозяйств колхозников. Однако хотя эти меры и позволили вывести сельское хозяйство из острой фазы кризиса 1932–1933 гг., они коренным образом не изменили сложившуюся систему перекачки внеэкономическими методами из деревни в город продуктов и сырья, которая не стимулировала колхозников к производительному труду²²

Характеризуя причины Большого террора 1937–1938 гг., исследователи указывают на стремление властей очистить советское общество от остатков «социально чуждых» классов в связи с переходом к режиму «социалистической демократии» и отменой ограничений в избирательных правах после принятия Конституции 1936 г., уничтожить «пятую колонну» на случай предстоящей войны с империалистическими державами²³. Вместе с тем имеется немало оснований полагать, что террор 1937–1938 гг., в ходе которого основную массу репрессированных составили сельские жители, можно рассматривать также и как попытку посредством экстраординарных мер укрепить колхозный строй, очистив колхозы от наиболее явно саботировавших колхозное производство «элементов» и воздействуя дисциплиной страха на остальных.

В докладе наркома внутренних дел Ежова Сталину о первых итогах операции по приказу № 00447 от 8 сентября 1937 г., который был составлен через месяц с небольшим после ее начала, говорилось, что проведение операции «очистило деревню, внесло в нее определенное оздоровление и вызвало большой подъем политической и производственной активности колхозников. В результате трудовая дисциплина в колхозах повысилась, невыходы на работу резко сократились, увеличилась производительность и качество

²² Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.

²³ См об этом: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 242–246; Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

труда»²⁴ Важную роль в этой репрессивной акции или, если использовать лексику Ежова, в борьбе за «оздоровление» колхозов сыграло применение обвинений в диверсионной деятельности, вредительстве и саботаже, выдвигавшихся по пунктам 7, 9 и 14 58-й статьи УК. При этом как «вредительство» и «диверсии» квалифицировались проявления бесхозяйственности, трудовой недобросовестности, различного рода упущения в хозяйственной деятельности: срыв посевной или уборочной кампаний, уничтожение колхозного имущества из-за пожаров, поломка сельскохозяйственной техники, падеж скота из-за бескормицы и эпизоотий, порча зерна из-за неудовлетворительных условий его хранения и т.п. Если до 1937 г. такие упущения в хозяйственной деятельности, как правило, оставались безнаказанными или наказывались общественным порицанием либо административным штрафом, а в ряде случаев – судебным преследованием и осуждением по статьям за хозяйственные преступления, то теперь такого рода проявлениям бесхозяйственности, которая во многом имела объективные основания в слабой материальной базе сельхозпредприятий, придавалась окраска политического преступления – «саботажа», «диверсии» или «вредительства» колхозному строю, что позволяло применять для наказания политическую ст. 58 УК и, значит, выносить более суровые приговоры, чем по статьям о хозяйственных преступлениях, в том числе и «расстрельные».

Изучение статистики обвинений, предъявлявшихся жителям Солтонского района, осужденным в 1937–1938 гг., показывает, что пункт 7 ст. 58 УК, предусматривавший обвинения в «подрыве» экономики, присутствовал в обвинениях, предъявленных 53,7% осужденных, пункт 9 («вредительство») – в обвинениях 29,3%, пункт 14 («саботаж») – 9,9% осужденных (табл. 1).

Так, в колхозе им. Литвинова за «вредительство» были арестована целая группа руководящих работников, включавшая председателя правления колхоза, председателя ревизионной комиссии, счетовода²⁵. Была осуждена «группа вредителей» и в колхозе им. Сталина, «которая уничтожила свиноферму и 20 лошадей»²⁶. За срыв уборки урожая 1937 г. (завалило снегом 26 га неубранных полей, сгнил в копнах урожай на 1,7 га) и несвоевременную подготовку к зиме скотных дворов, расцененные как «вредительство» и «сабо-

²⁴ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 202.

²⁵ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7645. Л. 235–238.

²⁶ ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

таж», был арестован и осужден председатель колхоза «Вторая пятилетка». По сведениям, приведенным районным прокурором Хорошавиным на пленуме Солтонского райкома партии 11 сентября 1938 г., в период Большого террора в районе были арестованы органами НКВД и осуждены до 50 представителей колхозного руководства. Поэтому «при выборе нового руководства колхозов колхозники отказываются, боясь в своей судьбе за завтрашний день»²⁷. Согласно сведениям, содержащимся в базе данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе были осуждены 9 председателей колхозов (табл. 2).

Таблица 1

**Обвинения, предъявлявшиеся репрессированным
в Солтонском районе в 1937–1938 гг.***

Статья обвинения**	% от числа осужденных
58–2 УК РСФСР. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти	82,1
58–6 УК РСФСР. Шпионаж	2,2
58–7 УК РСФСР. Подрыв госпромышленности, транспорта, торговли, денежного обращения	53,7
58–8 УК РСФСР Совершение террористических актов	15,9
58–9 УК РСФСР. Разрушение, повреждение с контрреволюционной целью государственного или общественного имущества	29,3
58–10 УК РСФСР. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению советской власти	32,6
58–11 УК РСФСР. Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступления, участие в контрреволюционной организации	96,0
58–14 УК РСФСР. Контрреволюционный саботаж	9,9

*Сост. по: «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)»: база данных.

**Большинству осужденных предъявлялись обвинения сразу по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР.

²⁷ ГААК. Ф. П- 44. Оп. 2. Д. 181. Л. 17.

Таблица 2

Распределение репрессированных жителей Солтонского района по социальному положению/профессиям и мерам наказания*

Социальное положение/профессия (должность) на момент ареста	Число репрессированных		В том числе были приговорены			
			к расстрелу		к заключению в ИТЛ	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Члены колхозов (совхозов)	268	45,8	143	53,4	125	46,6
Единоличники	160	27,4	109	67,7	51	32,3
Служащие гос. учреждений	32	5,5	17	53,1	15	46,9
Кустари	20	3,4	11	55,0	9	45,0
Председатели, зам. пред. колхозов	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Промыш. рабочие	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Руководители предприятий	10	1,7	7	70,0	3	30,0
Директоры, зам. директора МТС	4	0,7	2	50,0	2	50,0
Рабочие МТС	7	1,2	1	14,3	6	85,7
Работники здравоохранения	2	0,3	2	100,0	–	0
Работники образован.	2	0,3	2	100	–	0
Служители религиозного культа	9	1,5	8	88,9	1	11,1
Представители других профессий	19	3,3	8	42,1	11	57,9
Без определенных занятий	32	5,5	21	65,6	11	34,4
Нет сведений	2	0,4	–	0	2	100,0
Всего	585	100,0	345	59,0	240	41,0

Сост. по: «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)»: база данных.

Материалы следственных дел также свидетельствуют, что в свою очередь председатели колхозов, находившиеся в положении своеобразного «защемления» между двумя крайностями, когда, с одной стороны, над ними постоянно нависала угроза наказания в

случае невыполнения производственных планов, а с другой – в их подчинении были работающие без стимулов к труду колхозники, что делало проблематичным их выполнение, активно использовали ситуацию эскалации репрессий для укрепления собственной власти и трудовой дисциплины в колхозах посредством избавления от лиц, уклонявшихся от работы и систематически нарушавших трудовой распорядок²⁸. Среди пострадавших в годы Большого террора были и сельские «правдолюбцы», критиковавшие руководство на колхозных собраниях, сигнализовавшие в средства массовой информации о недостатках и злоупотреблениях, допускавшихся колхозными руководителями. Даже начальник местного отдела НКВД Агапов, проявлявший особое рвение и энтузиазм в разоблачении «врагов народа» и «вредителей» (один из немногих в крае руководителей НКВД районного уровня, осужденный в 1940 г. за «нарушения соцзаконности», допущенные в ходе проведения операции по приказу № 00447), считал, что зачастую руководители колхозов «проявляют антибдительность: пример, вышел колхозник из колхоза, так просят арестовать его как врага народа»²⁹.

Как показывает изучение материалов, отражающих проведение репрессивной политики в Солтонском районе, в значительной степени эскалации репрессий в районе способствовало такое «изобретение» районных властей как специально организуемое обследование хозяйственного состояния всех колхозов района, по результатам которого заполнялся составленный по определенной форме акт (его образец был разработан и передан в райзо начальником местной милиции Березко), в числе прочего включавший пункт «с обязательным указанием врагов народа», действовавших в том или ином колхозе. В некоторых из таких актов в качестве «врагов народа» указывалось до 10–12 чел., и «в данное время, – как отмечалось в одном из выступлений на пленуме райкома 11 сентября 1938 г., – не одна сотня работников не выходит на работу, ожидают, когда их арестуют»³⁰. Таким образом, этот пример показывает, что, достигая определенного предела, репрессии не столько дисциплинировали, сколько парализовали жизненную, в том числе и производственную, деятельность людей.

²⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5372. Т. 2, 5–8; Т. 6, 248, 290.

²⁹ ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

³⁰ ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 181. Л. 14.

Подрыв рациональных оснований, определявших проведение репрессивной операции по приказу № 00447, одной из целей которой было укрепление колхозного строя, проявлялся и в том, что в ходе осуществлявшихся в сжатые сроки массовых репрессивных акций в жернова репрессий могли попасть не только нарушители трудовой дисциплины, пьяницы и нерадивые работники, но даже передовики колхозного производства. Расследование преступлений бывших сотрудников УНКВД по Алтайскому краю, проводившееся в 1939–1940 гг., когда после свертывания репрессивной операции, реализовавшейся на основе приказа № 00447, центральное партийное руководство решило указать НКВД на его место в системе власти и заодно переложить на него вину за массовые репрессии, включало проверку, в числе прочих, следственного дела на 32 чел., сфабрикованного в рамках вышерассмотренной карательной акции, проведенной в Солтонском районе. В ходе этой проверки заново собиралась информация, характеризующая социальное происхождение и трудовую активность осужденных. Согласно справкам, поступившим из колхозов и сельсоветов, среди осужденных по этому делу преобладали лица, вполне адаптировавшиеся к колхозным производственным отношениям: «недобросовестно» относились к работе 11 чел., «удовлетворительно» – 2 чел., а «добросовестно» – 13 чел., в том числе 6 чел. (20% от числа осужденных) премировались колхозным руководством за свои производственные достижения³¹. Произвол, проявлявшийся в данном случае в действиях органов НКВД, был очевиден и некоторым представителям районного руководства. Так, директор местной МТС Стамбровский на районном партсобрании 26 мая 1938 г. по поводу карательной акции, проведенной в ноябре 1937 г., говорил, что «НКВД арестовала в Карабинке (в одном из наиболее пострадавших от репрессий сел – авт.) не вредителей, а просто мужиков»³².

О том, что среди целей репрессивной политики, проводившейся в период Большого террора, важное место отводилось укреплению колхозного строя, свидетельствует большое число репрессированных в этот период крестьян-единоличников, не желавших интегрироваться в колхозную систему. В Солтонском районе их доля среди репрессированных была выше среднестатистического уровня из-за более многочисленного слоя единоличников и кустарей в сельском

³¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5507. Т. 3. Л. 181–185.

³² ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

населении района: если в целом по краю представители этой социальной категории среди репрессированных составляли не более 8%, то в Солтонском районе – 30,8%. При этом, как следует из данных табл. 2, единоличникам чаще выносились смертные приговоры, чем осужденным колхозникам. Репрессивные операции периода Большого террора стали серьезным ударом по единоличному сектору, ускорили процесс перехода уцелевших единоличников в колхозы. Если в 1935 г. в районе имелось 2600 единоличных хозяйств, то к маю 1938 г. их число сократилось до 900, т.е. в 3 раза³³. Если в 1935 г. в единоличных хозяйствах было сосредоточено более четверти имевшегося в районе поголовья лошадей и 15% рогатого скота, то к 1938 г. эти показатели сократились соответственно до 2,5% и 2,6%³⁴.

Таким образом, более широкий масштаб репрессий в Солтонском районе, по сравнению со многими другими районами Алтайского края, определялся: 1) проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной карательной акции; 2) использованием местным районным руководством собственных своеобразных методов реализации репрессивной политики, способствовавших эскалации террора (обследование колхозов с составлением специальных актов с обязательным указанием в них «врагов народа»); 3) нацеленностью репрессий на ликвидацию относительно развитых в районе неколхозных форм организации производства – единоличных и кустарно-промышленных хозяйств. Два последних фактора эскалации репрессий характеризуют специфику репрессивной политики периода Большого террора в аграрных регионах, проявлявшуюся в ее направленности на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя.

Хотя карательная акция, проведенная в Солтонском районе в ноябре 1937 г., имела характер «спецакции», она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6142. Т. 2. Л. 142.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовая операция НКВД, проведенная по приказу № 00447, стала главной репрессивной акцией периода Большого террора, собравшей наибольшее число жертв. К особенностям проведения операции по приказу № 00447 в Западной Сибири следует отнести проведение ее параллельно с другой крупной операцией – по делу контрреволюционной эсеровско-монархической организации «РОВС», что приводило к увеличению масштабов репрессий.

В Алтайском крае жертвами массовой операции НКВД, проведенной в рамках реализации приказа № 00447, стали более 20,5 тыс. жителей, в том числе тройкой УНКВД по Запсибкраю были осуждены 5685 чел., а тройкой УНКВД по Алтайскому краю – 14 876 чел. Анализ социального состава осужденных по приказу № 00447, говорит о том, что жертвами приказа преимущественно являлись не элита советского общества – интеллигенция и партийно-хозяйственные руководители, а рядовые граждане – члены колхозов и совхозов (52,8 %), рабочие промышленных предприятий (19,5 %); более 62 % из числа осужденных были малограмотными или неграмотными.

В соответствии с приказом № 00447 в Алтайском крае, как и в других регионах страны, в первоочередном порядке арестовывались «наиболее враждебные элементы», подлежащие осуждению по первой категории (к расстрелу). В результате на первом этапе репрессивной операции – в период с 5 августа до середины ноября 1937 г. – приговоры к ВМН составляли 63,2 % от общего числа, что значительно выше среднего показателя смертных приговоров, вынесенных алтайской тройкой за весь период своей работы (45,5%).

Террор не был «слепым» и произвольным, поскольку происходил отбор жертв, при котором учитывалась принадлежность потенциальных жертв репрессий к обозначенным в приказе контингентам населения, социальное происхождение, наличие «темных пятен» в биографии, нелояльное властям актуальное поведение, наличие социальной девиации. Вместе с тем среди осужденных тройками были и случайные жертвы, причем произвольность террора увеличивалась по мере исчерпания имевшихся у «органов» учетных списков «неблагонадежных элементов», а на завершаю-

щем этапе операции обуславливалась необходимостью выполнения установленных «лимитов» на репрессии.

Статистический анализ приговорной деятельности троек показал, что наиболее суровые приговоры среди рассмотренных целевых групп приказа были вынесены бывшим членам «антисоветских» партий, участникам крестьянских восстаний, «церковникам» и «сектантским активистам».

Учет корреляции между мерой наказания, выносимого тройкой и социальным происхождением, политической биографией, наличием судимости, национальностью и возрастом репрессированных продемонстрировал, что при осуждении тройкой УНКВД жителей Алтайского края наибольший процент смертных приговоров был вынесен: членам бывших оппозиционных партий – 100 %; лицам, имевшим «классово чуждое» социальное происхождение (из дворян, священнослужителей) – 96 %; ранее судимым за «контрреволюционные» преступления – 73 %; бывшим участникам крестьянских восстаний – 71 %; служившим в период Гражданской войны в карательных подразделениях белой армии – 79 %; представителям иностранных для СССР национальностей – 82 %; лицам в возрасте старше 70 лет – 75 %.

Основной целевой группой репрессивной операции стали «бывшие кулаки». В аграрном Алтайском крае процент репрессированных по целевой группе приказа «бывшие кулаки» был выше, чем в целом по стране: 68,2% против 48,6%.

Изучение материалов следственных дел на «бывших кулаков» показывает распространенность практики фальсификации данных о социальном происхождении, выразившейся в «приписке» подследственным «кулацкого» происхождения с целью расширения базы для репрессий за счет включения в наиболее массовый из контингентов, обозначенных в приказе № 00447 (кулаки) жертв, рекрутируемых террором из социальных «групп риска» – лиц, имевших в прошлом судимость за невыполнение налоговых обязательств, крестьян-единоличников и др. Это характеризует Большой террор как сложное явление, в котором переплетались целенаправленные действия властей по ликвидации или социальной изоляции рассматривавшихся как «социально чуждые» групп населения, куда входили как целевые группы, определенные еще до начала репрессивной операции, проводившейся в рамках приказа № 00447, так и «группы риска», часть из которых обозначилась уже в ходе операции.

Жертв, формально не относящихся к целевым группам приказа, к попаданию в жернова репрессий могла привести их актуальность (на момент проведения репрессивной операции) нелояльность к существующим порядкам (в частности, к колхозному строю) и олицетворявшим их местным политическим и хозяйственным элитам.

На Алтае, являвшемся в период военного коммунизма одним из районов массовых антикоммунистических крестьянских восстаний, значительные масштабы в рамках реализации приказа № 00447 (и ровсовской операции) получили репрессии против бывших участников восстаний. Представители этой целевой группы репрессий рассматривались инициаторами и проводниками репрессивной операции в качестве одного из наиболее социально враждебных контингентов и были репрессированы в основном уже на первом этапе операции. Об этом же свидетельствует и высокий процент смертных приговоров, утвержденных в отношении осужденных, отнесенных к данной целевой группе приказа: 69,4 % против 45,5 % в среднем по всем приговорам, вынесенным алтайской тройкой.

Проводимые в рамках реализации приказа репрессивные мероприятия отражают и изменения в антирелигиозной политике советского государства, проявившиеся в нацеленности проводимой на основе приказа № 00447 операции на физическое уничтожение подавляющего большинства действующих священнослужителей всех конфессий, а также наиболее активной части церковного и «сектантского» активов.

В результате выполнения оперативного приказа № 00447 на Алтае было осуждено 328 лиц, связанных с православной церковной деятельностью (священнослужителей и церковных активистов), при этом доля смертных приговоров выносимых тройкой в отношении этой группы осужденных была существенно выше, чем при осуждении других контингентов, указанных в приказе: 92,1% (при среднем показателе в 45,5%). Высокую виктимность евангельских верующих (85% осужденных приговорены к ВМН) обеспечили не только формальная принадлежность к евангельским церквям и активное исповедание веры, но и их стойкая приверженность к «единоличному» хозяйствованию вместе с антиколхозными убеждениями.

В рамках реализации приказа № 00447 на рельсы внесудебного правосудия была поставлена и борьба с уголовной преступностью.

В условиях проведения массовой социальной чистки, направленной на изолирование и уничтожение категорий населения, не подлежащих интеграции в советское общество, неизбежным стало включение в их число и носителей социальной девиации.

Анализ протоколов двух внесудебных органов, выносивших приговоры преступникам в период Большого террора – тройки НКВД и милицейской тройки показал, что в ведении первой находилось осуждение преступников-рецидивистов, а вторая занималась осуждением менее опасных преступников и носителей социальной девиации – нищих, бомжей, хулиганов, проституток и т. п. При этом осуждение уголовников «кулацкой» тройкой являлось во многом продолжением деятельности милицейской тройки, только с более суровой степенью наказания, в этой связи тройку НКВД можно рассматривать как своеобразную «удлиненную руку» милицейской тройки.

Применение микроисторического подхода к исследованию Большого террора на примере изучения репрессий в Солтонском районе Алтайского края показало нацеленность репрессий в сельских районах на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя. Изучение проведенной в районе в ноябре 1937 г. локальной карательной спецакции более рельефно, чем рассмотрение «рядовых» репрессий, высветило специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива.

Репрессивная кампания, проведенная в рамках реализации приказа № 00447, имела весьма серьезные последствия для органов госбезопасности, игравших ключевую роль в осуществлении этой карательной операции. В период Большого террора произошло увеличение численности работников НКВД и укрепление их позиций в государственном аппарате. Вместе с тем проводимая одновременно с «Большим террором» и после его окончания чистка среди чекистов полностью заменила руководящий состав краевого управления НКВД, разрушила сложившиеся в его аппарате клановые связи. Часть оперсостава была уволена либо репрессирована, другие получили награды и пошла на выдвижение, составив на многие годы костяк руководящего состава аппарата госбезопасности.

Малая результативность реабилитационных мероприятий 1939–1941 гг. в отношении жертв Большого террора в сочетании с активно проводившейся чисткой в органах НКВД показывает, что реабилитационная кампания проводилась не из гуманистических соображений, а была обусловлена стремлением партийного руководства освободить себя от ответственности за репрессивную кампанию и одновременно вернуть органы НКВД в рамки своих первоначальных полномочий.

В целом репрессии 1937–1938 гг. в Алтайском крае являлись частью грандиозной социальной «чистки», проводившейся сталинским руководством с целью создания социально однородного общества. В значительной мере они являлись логическим продолжением прежней политики, в рамках которой политическое насилие использовалось как действенный инструмент социальных и экономических преобразований, проводимых сталинским режимом. Экстраординарность социальной «чистки» 1937–1938 гг. были обусловлены стремлением ускорить создание мобилизационной модели социума и экономики в преддверии ожидавшейся войны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВМН	высшая мера наказания
ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ЗСК	Западно-Сибирский край
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
ИЦ ГУ МВД России по АК	Информационный центр Главного управления Министерства внутренних дел России по Алтай- скому краю
МТС	машинно-тракторная станция
НИПЦ «Мемориал»	Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОСД ГААК	Отдел специальной документации государствен- ного архива Алтайского края
РГАСПИ	Российский государственный архив социально- политической истории
РОВС	Российский общевойсковой союз
СПО	Секретно-политический отдел
СВЭ	социально-вредный элемент
УРКМ УНКВД	Управление рабоче-крестьянской милиции Управления НКВД
УФСБ НСО	Управление Федеральной Службы Безопасности России по Новосибирской области
ЦА ФСБ	Центральный архив Федеральной Службы Безопасности

Подписано в печать 15.12.2014
Бумага офсетная. Усл. п. л. 15,1.
Заказ 537. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru